

ИУДИН ХЛЕБ

Книга 4

ЗАВАЛ ДЛЯ ИУДЫ

Часть 1

ГЛАВА 1

«Европейская идея» давно не давала покоя политикам Старого Света. Стремление к единству понятно и объяснимо, когда общему дому грозит смертельная опасность. Уже давно канули в Лету полчища гуннов с их непобедимым вождём Аттилой, много столетий прошло и с тех пор, как монголо-татарские орды вершили свой поход «к последнему морю». Не дошли они до колыбели европейской цивилизации, завязли в бескрайних степях и лесах Руси, ослабли в жестоких сражениях с гордыми и отважными русичами. Казалось бы, благодарность полагалась от спасённых европейцев народу русскому да дружба на вечные времена, но, видно, коротка историческая память у коварного Запада, и уже в тридцатые годы века двадцатого правители

26

некоторых стран Европы снова бросают гневные взгляды на своего восточного соседа и под воинственные марши фашистской Германии общими усилиями готовят поход на Восток – *дранг нах остен...*

Первая мировая война внесла свои коррективы в существовавший доселе миропорядок. Почти не затронув позиции стран Азии и Ближнего Востока, война сделала богатой Америку, но резко ослабила на мировой арене позиции Старого Света. Как толпа маломощных забияк перед лицом одного, но сильного соперника сбивается в стаю, чтобы чувствовать себя в безопасности, так и европейские страны, разорённые и ослабленные войной, стали возвращаться к старой идее «единой Европы», которая последние триста – четыреста лет будоражила умы многих просвещённых людей – монархов, политиков, философов, писателей, а самым популярным словом первой трети двадцатого века становится слово «фашизм», производное от латинского *fascio* («союз, пучок, связка, объединение»).

Двадцать третьего января тысяча девятьсот пятнадцатого года в Милане был создан Союз революционного действия, который возглавил Бенито Муссолини. Ему не помешало даже то обстоятельство, что ранее он был изгнан из Со-

* Продолжение. Начало читайте в журнале «Огни Кузбасса», № 4, 5 2008 г.; № 4–6 2011 г.; № 3–5 2014 г.

циалистической партии за ренегатство. Уже будучи во главе Союза, он основал Национальную фашистскую партию Италии, которая в двадцать втором году пришла к власти в стране, а двадцать третьего января там был объявлен днём рождения фашизма в Европе. Муссолини предложил Старому Свету свой, фашистский вариант европеизма, который он пытался реализовать не столько с помощью инструментов обычной дипломатии, сколько путём «мягкой силы».

– Каждая нация будет иметь «свой» фашизм, то есть фашизм, приспособленный к особым условиям определённой нации, – провозгласил дуче. – Не будет фашизма, который можно экспортировать в готовой форме, но будет комплекс учений, методов и особенно достижений, которые постепенно охватят все государства Европы и явятся новым фактом в истории цивилизации.

Вскоре вслед за Италией в Европе объявились испанские фалангисты Франко, «Железная гвардия» Румынии, хортисты в Венгрии и другие адепты фашистской идеологии.

Однако экономический кризис, охвативший не только Европу, но и другие континенты, всё более обострившаяся борьба политических сил в мире потеснили «мягкий» вариант объединения Европы. На место «универсальному фашизму» Италии пришёл «коричневый интернационал» Третьего рейха. Германия объявила борьбу против большевизма как главную транснациональную задачу фашизма. Европейские фашисты преклонялись только перед силой; и такой силой в конце тридцатых годов стал Третий рейх Гитлера. Смещение акцентов в рядах европейского фашизма не могло нарушить монолитности их рядов, и позднее, в сентябре тридцать седьмого года, во время своего визита в Германию Муссолини, выступая перед миллионной аудиторией немцев в Берлине, торжественно заявил: «Когда фашист обретает друга, он идёт с ним вместе до конца...».

В декабре тридцать четвертого года в швейцарском городе Монтрё Муссолини созывает Всеевропейский фашистский конгресс, в котором приняли участие партийные лидеры фашистов тринадцати стран Европы. Главной задачей конгресса было создание Фашистского интернационала. Европа забродила фашизмом, фашисты всех мастей сбивались в стаю...

Зной был нестерпим. Ещё вчера всё небо было закрыто мрачными тяжёлыми тучами, лил дождь и, казалось, дневное светило навсегда

оставило благословенную баварскую землю, отдав её на произвол небесным хлябям. Но прошла одна только ночь, оно вернулось и словно принялось мстить за свою вчерашнюю слабость: воздух так раскалился, что было трудно дышать, а уже к обеду высохли последние лужи, и пыль лёгкой дымкой теперь клубилась везде, где только угадывалось хоть какое-то движение, будь то порыв ветра, дробный стук колёс повозки по брусчатке или тяжёлая поступь кованых башмаков пожилого бюргера.

В тени вековых каштанов, у невысокого деревянного забора, обозначившего границы городского сквера, одиноко ютился старенький «Хорьх». Его водитель, смуглый мужчина средних лет, с копной чёрных волос, откинувшись на спинку сиденья, безучастным взглядом смотрел на пустую площадь городка: ни одного пассажира! Надо было ехать с раннего утра в Мюнхен – тогда и выручка наверняка была бы, но утром пришлось везти жену и приболевшего сына к доктору, а позже гонять машину в большой город, как называли местные жители Мюнхен, не имело смысла. Те жители пригорода, что работали в Мюнхене, уже добрались до своих рабочих мест, домой же они возвращались только поздним вечером. А отнимать хлеб у мюнхенских таксистов он считал делом неблагодарным: у них и машины новее, и город свой они лучше знают. Потому-то теперь ему приходится изнывать в тени старых каштанов. Парило. Похоже, гроза, прошедшая накануне, к ночи обещала вернуться.

Как и всякий немецкий посёлок, Штарнберг, пригород Мюнхена, жил отголосками своего домена. Время сохранило для немцев красивую историю этого райского уголка Баварии. Еще в тринадцатом веке упоминалось его имя, и, хотя оно тогда звучало как Штарнбергк, никто из его жителей ни на минуту не усомнился, что это был именно их родной городок Штарнберг – «Страна пяти озёр», с дворцами и соборами, с горой Цугшпитце, самой высокой не только в Баварии, но и всей Германии. Это она, раскинув свои отроги в соседней Австрии словно щупальца, казалось, призывала в недавнем прошлом забрать эту мощную европейскую империю под эгиду Третьего рейха. Старинные замки, монастыри и цепь альпийских вершин по окаёму земли Бавария на её юго-западе лишний раз подчёркивали прелесть этих мест. Поэты и философы стремились из огромного и шумного Мюнхена именно сюда, в Штарнберг, дабы найти вдохновение муз, отдо-

27

хнуть душой от земных тягот, а молодые пары старались проводить здесь свой медовый месяц.

Водитель старенького «Хорьха» не был ни поэтом, ни философом, а за те годы, что он жил в этом посёлке, его красоты как-то утратили для него свою неожиданность и позволяли без замедления сердца слушать в очередной раз трагическую историю Людовика II, утонувшего в озере Штарнбергер-Зе при попытке его переплыть, когда он стремился к своей возлюбленной.

Первый июльский день тысяча девятьсот тридцать четвёртого года клонился к вечеру. Фёдор Кузнецов, а ныне Фред Кузнецов, стал подумывать о возвращении домой. Пассажиры теперь появятся только ближе к ночи, а есть хотелось уже сейчас. Ещё утром, едва подрулив к каштанам, где обычно садились пассажиры, он понял, что этот день не будет для него удачным. Какое-то необъяснимое чувство тревоги не отпускало его с самой рани. Нет, поездка к врачу не заняла много времени, болезнь сына оказалась неопасной, а гонорар доктору уложился в привычные рамки, но тревога всё же где-то отыскала себе уголок в его душе.

...Он уже завёл двигатель, чтобы ехать домой, как из городского сквера, перемахнув метровой высоты забор, к нему подбежали двое молодых мужчин. Крепкие, светловолосые, в униформе штурмовиков СА, сейчас они никак не походили на тех бравых ребят, что наводили страх на мирных горожан. У одного из них была разбита губа. Кровь стекала по подбородку, капала на рубашку, но мужчина, похоже, не замечал этого, а только нервно оглядывался назад, вглубь сквера, и судорожно прижимал к груди кожаный портфель. Его товарищ не имел на лице следов побоев, но один рукав его форменной рубашки был надорван. В нарушение вековых правил по найму извозчиков, как на лошадях, так и на автомобилях, Фреда не спросили, свободен ли он, можно ли занять место в машине и сколько будет стоить поездка. Они торопливо открыли двери и буквально ввалились в салон:

– Поехали! Быстрее! Быстрее, Бога ради!

– Куда едем?

– Быстро! Быстро! Хоть куда, но быстро!

Внезапно та тревога, что весь день мучила Фёдора смутно и отдалённо, сейчас охватила его целиком и сразу: вслед за своими пассажирами он вдруг почувствовал какую-то угрозу, лицо вспыхнуло краской, в висках застучала кровь. Его автомобиль, визгнув колёсами, рванул с ме-

ста и скрылся в одной из улочек, стекавшись на площадь со всех концов городка, напугав при том почтенную пару, неспешно направлявшуюся в сторону сквера. Не успела пыль улечься на брусчатку, как из тенистых кустов сквера, так же через забор, выскочили трое. Раскрасневшиеся, они тяжело переводили дыхание, а глаза горели злобой.

– Ушли, сволочи! Ушли!.. А ведь у них в портфеле должны быть списки всех их бойцов, а главное – их тайных пособников!

– Спокойно, Ганс! Город небольшой, мы их найдём...

– Ага, найдём, – недовольно откликнулся Ганс, – они-то местные, все щели знают, а мы... Они на машине уехали... не то серая она, не то жёлтая. Чёртово солнце слепит!

– Клаус, – мужчина лет сорока, полноватый, бритый наголо и с нацистской повязкой на рукаве, которая выдавала в нём старшего, говорил быстро, чётко, – вон у дома стоит мотоцикл с коляской – возьми его и приведи сюда!

– Эрих, но около него кто-то стоит! А вдруг хозяин?

– Клаус, а ведь ты хотел быть офицером эсэс!

– Яволь!

В следующее мгновение он стремительно мчался к мотоциклу. Хозяин его, словно поняв недобрые намерения приближающегося парня, вскочил в седло и повернул ключ зажигания, но уже в следующее мгновение распластался на земле, а исполнительный Клаус вырুলивал на мотоцикле к своему командиру.

– Ганс, кликни сюда этих стариков! Живо!

Не удостоив почтенную пару даже словом, Ганс подхватил их под руки и потащил за собой.

– Эй, вы видели, как двое мужчин только что уехали отсюда на машине? Только быстро! – кричал бритоголовый.

– Да, их было двое... – начала было женщина, но мужчина её остановил.

– Сара, говорить буду я... – он явно грассировал, что вызвало у бритоголового кривую усмешку.

– Говорите, но только быстро! Вы запомнили номер машины?

– Нет, мы были далеко от неё, а уехала она так быстро...

– Какая марка машины?

– Простите, я никогда не имел своего авто, могу отличить только грузовую машину от легкой... Я повар, а не шофёр...

28

– Какой цвет машины, это-то хоть вы запомнили? Да погоди, Клаус, не тарыхти своим мотоциклом!

– По-моему, серая...

– Позволь, Вольдемар, мне показалось, что она цвета беж... – поправила мужа Сара.

– Беж – это как? – резко крутнул в её сторону своей огромной лысой головой мужчина.

– Простите, – не то смутилась, не то испугалась женщина, – беж – это беж... Бежевый цвет...

Видя, как нервно дрожит толстяк, и оберегая супругу от возможных оскорблений, повар поспешил вставить:

– Простите, молодой человек, эта машина, скорее всего, была песочного цвета, хотя солнце светит так ярко... Блики, а мы находились на значительном расстоянии и можем ошибиться...

– Эх, чёрт возьми! – взревел старший, после чего взобрался на сиденье мотоцикла за спиной водителя, а Ганс полез в люльку. – Куда выходят эти улочки?

– Они выходят во все концы городка, но по кругу связаны обводной дорогой...

Старший разразился руганью и приказал Клаусу ехать, но едва пожилая чета двинулась к скверу, как мотоцикл, сделав крутой вираж, перекрыл им дорогу:

– Вы же местные жители? Кто эти люди? Вы их знаете? Живо!

Мужчина, заметив, что его жена уже готова ответить, сильно прижал локтем её руку и торопливо выпалил:

– Мы их не знаем, господа! Скорее всего, это были приезжие, как и вы же...

– Хм, странный ты господин: номер не запомнил, цвет не различил, а вот что мы неместные, сразу приметил. – Нацист резко вскинул руку, едва не касаясь лица мужчины своим указательным пальцем. – Ты юден?!

Мужчина, похоже, испугался и попятился:

– Я повар... Шеф-повар в ресторане...

– Ну-ну! Повар-юден, доберёмся и до вас!

– Теряем время, Эрих! – раздалось из коляски, и мотоцикл запоздало рванул в тот переулочок, где минутами ранее скрылась машина Фёдора Кузнецова с его неожиданными пассажирами.

– Сара, ну как ты могла?! Каким-то проходимцам назвать имя сына нашего бакалейщика?! Они же готовы их убить! И потом, что они себе позволяют: «доберёмся»? Он на что намекает, этот негодник?

– По-моему, Вольдемар, он высказался очень откровенно, без обиняков: «доберёмся и...». Господи, и куда же нам теперь деваться, детям Иеговы? Где наша земля обетованная? – Она тяжело вздохнула и смахнула платочком слезу.

– Да, Сарочка, пожалуй, ты права – эти доберутся, и деваться нам некуда. В Польше гнобят евреев, а за Россию я и думать боюсь – помню, как черносотенцы громили еврейские лавки и дома. Потому-то я оказался в Германии, где и встретил тебя... – Он тяжело вздохнул и потянул жену в обратном направлении. – Всё, Сарочка, прогулка наша сегодня отменяется! Сдаётся мне, что эти разбойники неспроста рыскают, как шакалы... Что-то творится у нас... Фриц-галантерейщик вчера был в Мюнхене и рассказал, что там на улицах видел много военных, слышал стрельбу...

– О майн готт! – испуганно произнесла женщина и резво засемила по направлению к жилищу дому. – Вольдемар, не отставай!

***

Попетляв по узким улочкам и убедившись, что погони нет, Фёдор остановил машину и обернулся к своим пассажирам:

– Господа, куда вас доставить? Я рискую вместе с вами, значит, оплата будет двойная, согласны?

– Да-да, – парни обречённо мотали головами, соглашаясь, затем один из них, с разбитой губой, опустив глаза, проговорил, словно для себя: – Похоже, эсэсовцы объявили нам войну на уничтожение... Вчера в Мюнхене вся полиция была поднята по тревоге... Они арестуют Рёма, а нас расстреляют как врагов нации!

Второй парень с ужасом смотрел на своего товарища и беззвучно открывал рот.

– Господа, для начала вам нужно уйти от погони, а здесь они и вас поймают, и мне башку отвернут... Куда вас отвезти?

Наконец первый парень стряхнул с себя оцепенение и твёрдо произнёс:

– Едем в Бернрид... Сейчас в монастыре идёт служба, там много народу, вокруг густая роща, да и рыбацкий посёлок рядом – там и укроемся!

...Избавившись от опасных пассажиров у монастыря и получив двойную плату, Фёдор наконец облегчённо вздохнул и с большими предосторожностями отправился домой, стараясь объезжать людные места. На свою улочку он

въехал со стороны рощи. Местный житель, он знал, что дорога эта изрыта глубокими рытвинами, острыми ухабами, и редкий водитель отваживался направить сюда свою машину.

В переулке, где стоял их с Мартой небольшой деревянный домик, было безлюдно. Отворив ворота, Фёдор поставил машину к самому крыльцу, выключил двигатель, расслабленно потянулся на сиденье и хотел было закурить, но что-то подсказало ему, что погоня ещё не кончилась. Покинув кабину, он схватил кусок брезента, что постоянно висел у него на заборе, и укрыл «Хорьх». В глаза бросился покосившийся задний номер. Он потрогал его: один болт вообще отсутствовал, а второй еле держался. «И как я номер не потерял?!» Он быстро выкрутил едва державшийся в гнезде болт, а номер бросил в салон машины. В голове бешено закрутились мысли. Фёдору вдруг представилось, что если те, кто преследовали его пассажиров, найдут его машину, то весь их гнев упадет на его голову, а значит, надо...

Фёдор вынул из багажника домкрат, приладил его и в мгновение ока отвернул все болты заднего колеса. Оно упало к его ногам, но что дальше, куда его спрятать? Со стороны города послышался глухой рокот тяжёлого мотоцикла. Что-то подсказало ему, что опасность рядом. Подняв колесо с земли, он с силой толкнул его к палисаднику, давно заросшему высокой травой, Фёдор уже не раз собирался её скосить, да всё руки не доходили. Весь дворик имел уклон в направлении палисадника, и потому колесо на скорости вошло в зелёную стену и, упав, стало невидимым. Через верх машины Фёдор увидел, что трое мужчин на мотоцикле медленно едут по улице, кого-то высматривая.

«Они!» – словно током пронзило его мозг.

– Фред, что с тобой? – раздалось у него за спиной. Это Марта, приоткрыв дверь, выходящую на террасу, с удивлением наблюдала за действиями мужа.

– Марта, – зашипел Фёдор, присев у машины, – не выходи... Там, на подоконнике, стоит початая бутылка шнапса – незаметно поставь её на крыльцо, а сама ложись в кровать... Ты болеешь, болит спина, а я весь день был около тебя и ремонтировал машину... Быстро, быстро!.. Это едут враги!

Мотоцикл приближался к их двору. На четвереньках Фёдор заполз на ступени крыльца и, ухватив бутылку, которую Марта успела ему выста-

вить, сделал несколько крупных глотков и нарочито развалился на спине.

– Эй, хозяин, иди сюда!

Как сильно пьяный, Фёдор неуверенно поднял голову и попытался встать, выполняя приказ бритоголового со свастикой на рукаве.

– Быстро! Быстро! – не терпящим возражения тоном говорил нацист, а двое его помощников тоже подошли к ограде. – Ты сегодня ездил на машине? – не входя во двор, бритоголовый повёл допрос.

– Я н-никуда сегодня не ездил... Я р-ремонтничался... – пытаюсь подняться с крыльца, Фёдор нарочно упал на четвереньки и сделал движение навстречу незванным гостям, утопив свои руки в пыли, что лежала вокруг крыльца. – Я рем-монтировался, вот... – Он протянул вперед испачканные пылью руки.

– Машина вроде та... – неуверенно произнёс один из парней. – Хотя сзади они все похожи...

– Да нет, – вступил в разговор другой, – те евреи сказали, что она бежевая, а эта почти коричневая... Навряд ли она...

Старший решительно открыл калитку и приподнял брезент, укрывавший автомобиль.

– А где номер?

– Да там... А что, нет? – Фёдор, качаясь, подошёл к машине и посмотрел на задний бампер. – О! Опять мальчишки скрутили! Вот разбойники!

– И как же ты без него?

– А что как? Я н-на ремонте... Потом найду мальчишек и номер заберу... Не впервой уже...

– О, да у тебя и колеса нет?

– Я тормоза прокачивал... А колесо там... – Он махнул рукой в сторону сарайчика.

– М-да... – бритоголовый, хмурясь, пожевал губами. – Ну, что скажете? – обернулся он к своим товарищам. – Этот?

– Да кто же его знает... – неуверенно отозвался Клаус. – Его мы не видели, а цвет другой, да и как он без колёс и без номера мог ездить...

– Да он и пьян как свинья, – брезгливо поморщился Ганс. – Нюхни-ка его, Эрих.

Бритоголовый подошёл к Фёдору, грубо взял за грудки и притянул к себе.

– А ну, дыхни!

Получив в лицо струю винного перегара, он резко оттолкнул пьяницу. Тот опрокинулся на спину и при падении разбил бутылку.

– А-а, ну что же вы так, г-господа?... – Сидя на земле, он с сожалением протягивал разбитую

30

бутылку и силится что-то объяснить непрошеным гостям.

Эрих презрительно смотрел на беспомощно барахтающегося у его ног человека.

– Откуда? Фольксдойче?

– Да, но я давно живу в Германии... Я служу Германии...

– Ладно, Эрих, брось ты эту пьяную свинью, надо ещё раз объехать весь город... Мы всё равно найдём тех гадов!..

Плюнув в сторону сидящего на земле хозяйина, Эрих вышел из ограды, и вскоре мотоцикл унёс троицу прочь. Фёдор какое-то время продолжал сидеть около крыльца, приходя в себя.

– Фред, тебе больно? Тебя били? – Дверь веранды осторожно приоткрылась, и показалась голова жены.

– Нет, Марта, меня не били, мне не больно, но вот из-за таких людей в Германии скоро будет всем страшно и плохо... Сегодня мне просто повезло. И как этот не догадался пощупать капот – он же ещё тёплый... А узнай они, что я увёз тех парней, они убили бы меня прямо здесь, у крыльца... У них глаза убийц...

Вечер прошёл спокойно. Умывшись, Фёдор попросил жену накрыть стол, а сам какое-то время ещё стоял на крыльце, поглядывая по сторонам и решая непростую для себя задачу: привести машину в порядок сейчас, то есть вернуть номер и поставить колесо или же оставить всё как есть?

– Нет, пусть стоит разобранная, а то, не дай бог, вернуться эти наци... – решил он. – А вот номер надо забрать из салона, ведь его «украли»...

– Фред, ужин готов... – Марта встала рядом с мужем, взволнованно поглядывая на него. – Ты сказал, что всё закончилось хорошо? Или что-то ещё может случиться? Мне страшно, Фред!

– Ну что ты, моя лапушка! – Одной рукой он обнял её за талию и притянул к себе. – Всё будет хорошо, не бойся – я с тобой, а вот где Юлиан, где наш сынок?

– Я не успела тебе сказать: он пошёл к тёте Эльзе и будет там ночевать. Ты знаешь, она приходила со своим сыном Вальтером и попросила, чтобы Юлик ночевал у друга... Я разрешила, а что, не надо было разрешать?

– Нет, что ты... Ты правильно сделала – у друга всегда можно заночевать... Ты знаешь, как мы часто у себя в селе ходили по гостям! Только у нас говорили так: «Тётя (или дядя),

можно, я буду у вас ночевать?» И мы так смотрели в глаза тёте или дяде, что отказать было невозможно.

– Ну вот и славно, завтра его Эльза приведёт, а сейчас пойдём кушать... У меня ради такого случая припасена бутылочка вина...

– Это какого «такого случая»? – шутиливо нахмутив брови, спросил Фёдор.

– Ну ты же сказал, что всё хорошо закончилось. Или нет?

– Всё-всё, лапушка, идём ужинать и пить вино за то, что мы вместе, за то, что «всё хорошо закончилось»...

* * *

«Всё хорошо закончилось» – именно такую фразу в эти июльские дни тридцать четвёртого, наверное, облегчённо повторял и Адольф Алоис Шикльгрубер, рейхсканцлер Германии, уже более известный как Гитлер. Ещё в самом начале двадцатых годов, вдохновлённый примером победного похода Муссолини и его фашистов на Рим, он вознамерился организовать поход своих сторонников по НСДАП на Берлин и утвердиться на вершине власти. Тогда Гитлер и Рём были вместе. Но «Пивной путч» девятого ноября двадцать третьего года, основной силой которого были штурмовики Рёма, провалился: колонну путчистов полиция расстреляла на Мариенплац, многие из его организаторов, в том числе и сам Гитлер, попали за решётку. Именно там будущий фюрер взялся за свой программный труд, получивший название «Майн кампф» («Моя борьба»), а Рём, которому повезло чуть больше, оставшись на свободе, продолжал полулегально умножать ряды своих штурмовых отрядов. То-то подивился Гитлер, когда обнаружил, что ряды СА за время его тюремной изоляции многократно возросли, а их организационная структура отвечала самым строгим военным требованиям. Продолжая работать бок о бок на мощь будущей Германии, но имея разные взгляды на пути достижения этой цели, Гитлер и Рём все более отдалялись друг от друга. Если первый пошёл в политику с парадного крыльца, то второй продолжал формировать будущую «народную армию» по милиционному принципу, готовя её к уличным батальям и силовому захвату власти, создавать склады с оружием, которого было так много, что позднее им удалось вооружить более трети личного состава нового рейхсвера. К началу тридцать третьего года штурмовые отряды насчитывали около шестисот тысяч

бойцов, а к концу года – до трех миллионов. В составе СА были сформированы пять армий и восемнадцать корпусов, во главе которых стояли штабы из бывших офицеров, была введена уставная дисциплина по армейскому образцу. Вооружены бойцы были винтовками и пулемётами, а признанным вождём их был Эрнст Юлиус Рём.

Тень такого мощного не то соратника, не то соперника, стоящего за спиной, не давала покоя Адольфу Гитлеру. Тем не менее тридцатого января тридцать четвёртого года он становится рейхсканцлером Германии. Рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург под давлением компромата в отношении его сына, собранного Гитлером, был вынужден назначить последнего рейхсканцлером Германии. Штурмовики настороженно восприняли возвышение главного конкурента их вождя, росло их недовольство, всё чаще слышались разговоры о предательстве Гитлера и необходимости новой, «истинно социалистической» революции. В окружении рейхсканцлера знали о настроениях в СА, и генералы не раз подступались к нему с настойчивыми требованиями о принятии самых решительных мер в отношении погрязших в смуте и недовольстве штурмовиков. Гитлер медлил, словно выжидая удобного случая, мало того, он даже попытался примирить враждующие стороны и двадцать восьмого февраля тридцать четвёртого года пригласил всех руководителей СА и рейхсвера в зал заседаний военного министерства, где произнёс перед ними речь о необходимости сохранения мирных отношений между СА и военными. Затем представитель рейхсвера генерал-полковник фон Бломберг и вождь штурмовиков Рём подписали соглашение, по которому главным защитником рейха объявлялся рейхсвер, а СА обязалась вести только допризывную и резервистскую подготовку в рейхе. На следующий день в штаб-квартире Рёма состоялась сама церемония примирения, но едва она закончилась, как Рём заявил во всеуслышание:

– То, о чём объявил сейчас этот ефрейтор, нас не касается. Я не собираюсь придерживаться соглашения. Гитлер вероломен и должен отправиться, по крайней мере... в отпуск. Если он не с нами, то мы сделаем своё дело и без Гитлера...

В тот же день Гитлеру это передали слово в слово. Похоже, его терпению пришёл конец, и он принял решение... В его окружении была подготовлена операция по устранению Рёма и его штурмовиков, которую назвали «Колибри», а

история сохранит эти события под другим именем – «Ночь длинных ножей»...

Тридцатого июня тридцать четвёртого года в два часа на самолёте «Ю-52» в сопровождении своей личной охраны Гитлер отбыл в Мюнхен, где по его приказу были арестованы руководитель местных СА Шнайдахубер и группенфюрер СА Вильгельм Шмидт, после чего фюрер отправился в Бад-Висзе, где в санатории проходил курс лечения Рём, и лично арестовал его прямо в гостиничном номере. Арестант тут же был отправлен в одиночную камеру тюрьмы Штадельхайм. В девять часов Гитлер вернулся в Мюнхен. По его сигналу Геббельс передал по телефону Герингу кодовое слово «колибри». Сразу же по всей Германии были подняты по тревоге подразделения СС, полиции, военных рейхсвера, были распечатаны конверты с расстрельными списками штурмовиков, и Германию накрыла волна террора.

Вечером тридцатого июня тридцать четвёртого года в мюнхенской тюрьме Штадельхайм были расстреляны первые шесть человек из числа руководителей штурмовых отрядов СА, а вечером следующего дня в своей камере был застрелен Эрнст Рём. По свидетельству одного из очевидцев этого события, Рём, ожидая рокового выстрела, причитал: «Мой фюрер! Мой фюрер!...».

32
Весь вечер и всю ночь первого июля в Мюнхене и Берлине продолжались аресты и расстрелы. Но большинство немцев узнали об этом много позже. Фашисты всегда умели хранить секреты и безжалостно расправляться со своими врагами. Второго августа тридцать четвёртого года внезапно умирает рейхспрезидент Гинденбург, а Гитлер объявляет себя фюрером Германии...

Согласно документам, озвученным в сорок шестом году в процессе Нюрнбергского трибунала, жертвами операции «Колибри», проведённой гитлеровцами в самой середине тридцать четвёртого года, стали тысяча семьдесят шесть немцев, причём большинство из них являлись членами НСДАП.

* * *

Уже поздно ночью, когда позади остались неожиданный праздничный ужин и пылкие любовные ласки, которые обычно им приходилось скрывать от семилетнего сына, спавшего в их комнате за раздвижной ширмой, Фёдор вдруг понял, что решительно не хочет спать. Рядом тихо

посапивала счастливая Марта, но к нему сон не шёл. Были ли тому виной события дня с погоней по узким улочкам и опасной встречей с нацистами. А может быть, это вскользь упомянутое из далёкого детства: «Можно, я у вас буду ночевать?» – вдруг лишило его сна и позвало на далёкую родину, в закрытое от дня сегодняшнего пятнадцатую годами прошлое. Он сладко потянулся и лёг на спину, чуть прикрыв глаза, приготовился к встрече с прошлым...

Он хорошо помнил, как вместе с казаками уходил от погони роговцев, и тот ночной бой у села Брюханово, а главное, прощание с родными во дворе их дома: мать, отец, дед... Живы ли вы? Как-то вы там, в совдепии? Местные газеты пишут, что всё в России, тьфу ты, в Советском Союзе, плохо и трудно, но можно ли им верить? А слова деда Михаила, похоже, навсегда запали в душу: «...живи, внучок, по совести да не забывай, что корни у нас казацкие...». М-да, благословил дед внука, а как это выполнить, как жить на чужой стороне «по совести»? И у себя на родине не всем удаётся жить праведно, а здесь, на чужбине, где нравы и порядки порой трудно понять... Уж много лет живёт он здесь, а всё не уяснил для себя, почему считается неприличным прийти к соседу в гости незванно. Ведь как всё просто было дома, там, в Сибири, где его односельчане запросто приходили друг к другу со своей радостью, со своим горем, как правило, со своей выпивкой. За разговором и угощением душу облегчали, планы строили да советы добрые дарили. Много лет он живёт в Германии, но ни с одним соседом не сошёлся накоротке.

– Нет, закрыто живут господа немцы, – решил он для себя, – ни в дом к себе, ни в душу никого не пустят, а с кем же тогда можно поговорить за жизнь? Выходит, только со своей женой, с Мартой...

Он поглядел на спящую жену, ласково погладил по голове и осторожно, стараясь её не разбудить, поднялся с кровати. Прихватив со стола портсигар и спички, вышел на крыльцо. Закурил. Небо хмурилось, обещая дождь, но, похоже, не торопилось выполнять свои обещания. Буковый лесок, обступивший их улочку со всех сторон, надёжно укрывал её от лишнего шума и суеты, а кроны деревьев, шумевшие в тёмной выси баварского неба, напомнили ему сейчас шум сибирских берёз в ту ночь, когда он, девятнадцати-

летней парёнок, покидал родной дом с казаками есаула Бачинина...

Едва выехали за околицу, Фёдор попросил подождать его несколько минут около горелой сосны, после чего отыскал в темноте ранее отмеченную корявую берёзу, в стволе которой была пустота. Туда-то он и спрятал саблю, подаренную ему дедом, предварительно убедившись, что оружие и ножны щедро смазаны машинным маслом, осторожно опустил её в пустоту ствола, а отверстие туго заделал мхом, которого обнаружил в достатке под деревьями. Убедившись в надёжности тайника, он осторожно сполз на землю, прислонился спиной к стволу на минутку-другую: дыхание в порядок привести... И тогда над его головой так же, как сейчас, в июле тридцать четвёртого года в Германии, тревожно шумела листва... Там тревожно было потому, что никто из отряда не знал, что ждёт их на чужой стороне, а сейчас, сейчас-то откуда эта тревога?.. Неужто опять нас ждут какие-то беды?.. Страшно подумать – пятнадцать лет уже прошло с тех пор, как он оставил свои родные края! Вот так и вся жизнь пройдёт, скользнёт, как налим, из рук у рыбака-неумехи!..

33

...Более двух месяцев добирались они из Владивостока до Европы на большом океанском пароходе. Путь был опасный, мимо Кореи, Китая, Индии и многих островов, населённых разными туземными народами, через два океана и добрый десяток морей. Впрочем, опасность поджидала их небольшой сводный отряд из казаков и остатков кавалерийского полка под командой полковника Северова уже в порту Владивостока. Пропустив на борт почтенную публику, капитан, руководивший посадкой пассажиров, вдруг объявил, что она окончена в связи с тем, что лайнер повышенной комфортности, и потому граждан мещанского сословия в рейс не возьмут. Мол, завтра отсюда отправятся другие пароходы, попроще, которые и заберут всех желающих. Люди, стоявшие на причале, в основной массе своей представлявшие именно мещанское сословие, зароптали, слышались угрозы, но раздались свистки полицейских, которых здесь насчитывалось до полусотни, и гнев толпы пошёл на убыль.

Тяжело раненный Северов, оставшийся на берегу, знаком подозвал к себе Бачинина и попросил:

– Есаул, переговорите с этим корабельщиком... Мы должны уплыть сегодня, на этом паро-

ходе... Уже завтра здесь будут красные, а значит, нам придёт конец...

Переговоры не дали никакого результата. Пассажиры, занявшие места, кричали, что на корабле много свободных кают, просили капитана взять солдат и офицеров, но долговязый, иссушенный морскими ветрами хозяин корабля был непреклонен и тут же приказал убрать сходни. Фёдор Кузнецов, находившийся в окружении молодых бойцов отряда неподалёку от раненого командира, что-то шепнул на ухо Бачинину и увлёк за собой с десятков бойцов. Он давно приметил, что на причале, напротив сходней стоит небольшое полевое орудие, видимо, предназначенное для обороны порта со стороны моря, а рядом дежурит боевой расчёт из трёх солдат и унтер-офицера. Пока одна часть бойцов Северова стремительно, без лишнего шума разоружила солдат и уложила их наземь, другие, во главе с Фёдором, развернули орудие на корабль и сделали выстрел чуть выше дымивших труб. Раздались испуганные крики, народ бросился прочь с причала. Капитан, едва не выронивший рупор после выстрела, какое-то время пребывал в ступоре, но, придя в себя, закричал полицейским, переходя на визг:

– Уберите разбойников с причала, иначе корабль вообще никуда не пойдёт!

Старший полицейского наряда, поёжившись, отдал какой-то приказ подчинённым, но, когда один из казаков поднял пулемёт Гастингса и дал короткую очередь над головами, поспешил ретироваться со всей своей командой. Конфликт с моряками был решён в пользу казаков, и на борт вместе с бойцами Северова поднялись ещё десятка два раненых солдат.

Когда корабль вышел в открытое море, полковник Северов собрал у себя в каюте офицеров, дабы обсудить план дальнейших действий, потому как впереди их ждал долгий и опасный путь мимо неведомых стран, да и сама Европа, куда они стремились, могла преподнести немало сюрпризов.

Закончив совещание, полковник поинтересовался у Бачинина:

– Кто таков этот смельчак, что пушку применил? Как служит? Я-то недавно в вашем отряде, не всех ещё узнал...

– Фёдор Кузнецов, двадцать лет, из казачьего рода. Воюет хорошо, ещё в Сибири в бою с красными спас мне жизнь...

– Отметить его надо, геройский парень! Какой чин у него?

– Отправили реляцию атаману Семёнову на предствление Кузнецова к званию хорунжего, но где она сейчас, эта реляция, где сам атаман Семёнов?

– М-да, есаул, вы правы... Ежели доберёмся до Европы – в есаулы его произведём сразу и к Кресту представим. В русской армии за спасение командира полагался Георгиевский крест...

...Конечным пунктом их плавания оказался греческий остров Лемнос, куда со всех сторон стекались разрозненные остатки Белой российской армии. Здесь проводилась фильтрация их личного состава, формировались новые подразделения, и лишь после этого реформированные части переправлялись на материк. Только в двадцатом году, после нескольких месяцев пребывания на острове Лемнос, Фёдор Кузнецов, Бачинин и значительная часть их отряда в составе Первой Кубанской дивизии были переправлены в Югославию, а для полковника Северова греческий остров стал местом упокоения. Тяжёлая рана, истязавшая его всю долгую дорогу через моря и океаны, отняла у него последние силы. Под винтовочные залпы русские солдаты простились со своим командиром. И всё же он успел исполнить то, о чём говорил по выходе в море из Владивостока. По его ходатайству Фёдору Кузнецову было присвоено звание есаула, а Бачинину – войскового старшины, что соответствовало званию пехотного подполковника. Георгиевский крест полковник Северов пожаловал Фёдору на плацу перед строем, сняв его со своей груди.

– Похоже, мне немного осталось, а ты, сынок, носи да помни, кому служил в трудную годину...

Руководство дивизии, получив в Югославии несколько зданий под казармы, штаб и жильё для старших офицеров, ещё надеялось собрать под свои знамёна силы белой эмиграции, получить поддержку от вчерашних союзников в борьбе с Советами, и прежде всего от Англии, Франции и Америки. В военном городке поддерживался армейский порядок, проводились строевые учения, работала солдатская столовая. Время шло, а реальной помощи не было. Россия старая, царская, кончалась, уходила в Лету. Армия распадалась. Многие, в основном солдаты, возвращались в Россию: жизнь на чужбине их пугала больше, чем родные застенки. Офицерам же путь на родину был заказан – ЧК не прощала «золотопогонников». Это в Белой армии знали все, от рядового солдата до генерала.

Навсегда запомнился Фёдору последний разговор с Бачининым. Был тёплым летний вечер. Они сидели на Приморском бульваре. С какой-то щемящей грустью тот смотрел на плещущееся у ног море, а голос его был тих и грустен:

– Вот и всё, Фёдор! Дальше – пустота... для меня пустота. Нет у нас родины, отняли её у нас! Ты молод, силен, тебе надо жить, а мне уже за пятьдесят, здоровье сдаёт... Постарайся перебраться в Центральную Европу: в Германию, Францию, Швейцарию... Там жизнь легче, там спокойнее, но помни всегда, что ты офицер и русский человек!

После такого грустного признания Бачинин пригласил Фёдора в ресторан, где они крепко выпили. Прощаясь, договорились встретиться через день в том же месте на Приморском бульваре. Встреча не состоялась, потому что в ту же ночь после их горячего веселья в ресторане Бачинин застрелился...

* * *

Спустя два года Фёдор перебрался в Германию, в Мюнхен, где был принят на автомобильный завод BMW в цех сборки. Шёл двадцать третий год. Не имевший в своей жизни никакого касательства к технике, Фёдор на удивление быстро освоил премудрости работы слесаря-сборщика мотоциклов, а через два года уже обкатывал новую технику на заводском автодроме. Пока это были тяжёлые немецкие мотоциклы, но среди рабочих завода, как священная мантра, звучали слова: «Будет наша машина! Отличная машина!». Как ни успешно продвигались его дела на новом поприще, а всё же, повстречав на улицах города любой конный экипаж, он провожал его пристальным взглядом. «Железный конь» не мог заменить ему живую лошадь и потому, узнав, что на окраине города работает частный конный клуб, всякий раз после смены он стал навещать его. Хозяин клуба, русский немец из дворян, в семнадцатом году эмигрировавший из России, заметил необычного посетителя, который с интересом следил за лошадьми, а при малейшей возможности нежно гладил их, подкармливал сахаром, но не изъявлял видимого желания взобраться в седло и в клуб не вступал. Видел хозяин, что этот человек что-то подсказывал его жокеям. Как оказалось, советы его были дельные и выдавали советчика как хорошего знатока жизни лошадиного сословия. Не поленился хозяин, навёл справки и узнал, что этот скромный посетитель его клуба есть быв-

ший есаул, который в настоящее время работает на сборке мотоциклов, обкатывает их, а также те автомобили, которые появлялись в заводском автопарке. Зарплата хорошая, имеет свою комнатку в доме завода. Высокого черноволосого мужчину приятной внешности заметила и дочь хозяина Марта. Пару раз он помог ей взобраться на лошадь, подпругу подтянул, пошутил с милой улыбкой на суровом лице, и теперь Марта, появляясь на ипподроме, искала глазами этого странного незнакомца, который только сидел и смотрел на лошадей, нет чтобы испытать их бег. Однажды жокеей привёл хозяйской дочке вместо её лошади другую, пояснив, что её любимица не совсем здорова и сегодня придётся гулять на этой либо повременить с прогулкой, пока её лошадка не поправится. Марта не хотела отменять променад и, не задумываясь, легко вскочила в седло. Лошадь нервно перебирала ногами и беспрестанно вертела головой, а едва почувствовав на себе незнакомую всадницу, с места понесла по ипподрому, не разбирая дороги. Поднялся общий крик, жокеи забегали в панике, а Фёдор, оттолкнув одного из них от осёдланной лошади, лихо вскочил на неё и помчался в погоню за Мартой. Вскоре он вернулся с дочерью хозяина, которая сидела впереди него... Так начался их роман, а спустя полгода они поженились. Но безоблачная жизнь молодожёнов длилась недолго. Внезапно от сердечного приступа умер отец жены. Вчерашние компаньоны его принялись делить наследство. Марта уже была на сносях, и та суматоха, что началась вокруг клуба, резко сказалась на её здоровье. По совету семейного юриста Марта продала долю своего отца, а на вырученные деньги они с Фёдором, которого она теперь называла Фред, купили небольшой уютный домик в Штарнберге. Ещё год Фёдор каждый день ездил на работу в Мюнхен, но после рождения сына, дабы не оставлять надолго самых близких ему людей, он уволился с завода и стал заниматься извозом на старом «Хорьхе», доставшемся Марте в наследство от отца.

ГЛАВА 2

Долгим и трудным было возвращение Кузнецовых в родные края. Когда знаешь, что тебя ждут, готовятся к встрече, то и настроение соответствующее. А тут – только серый листок казённой бумаги, на котором чернилами выведено: «Гр-ка Шомонина Вера Ивановна (в девичестве Касаткина) уведомлена о приезде бывших спецпоселенцев Кузнецовых (4 чел.). Прибывшие

35

обязаны постоянно проживать по месту жительства принимающей стороны и в течение трёх суток встать на учёт в спецкомендатуре города Белово...», а чуть ниже химическим карандашом дописано корявым почерком, видимо, в последнюю очередь: «Проживает в рабочем посёлке шахты «Пионерка» города Белово». И дата – «17 марта 1938 г.». Вот когда решалась судьба чудом уцелевшего семейства Кузнецовых. Даже фамилия сестры была незнакома Алёне Ивановне. Видно, по новому мужу так зовётся теперь Вера Ивановна. Как то она встретит свою горемычную сестру? Женщина аккуратно сложила вчетверо казённый листок и подала мужчине, заканчивавшему увязывать громоздкий тюк:

– На-ко вот, Никита, эту бумажку, схорони понадежнее... Теперь от неё вся наша жизнь зависит...

Проговорив так, она провела ладошкой по лицу, на котором застыла скорбная улыбка, перекрестилась и подошла к открытому окну, где уже показались приземистые и угрюмые на вид строения станционного посёлка. Старый прокопчённый паровозик, увидевший белый свет ещё в далёкие царские времена, осторожно, будто крадучись, подбирался к станции Белово. Полуденное осеннее солнце мутным пятном отражалось на железной крыше деревянного вокзала, а флюгер на башенке, украшавшей здание, строго замер, словно приветствуя прибытие поезда. Алёна Ивановна, наблюдая за медленно проплывавшей коробкой вокзала, бросила взгляд на вершину башенки и быстро перекрестилась.

– Мама, это не церковь, и на башне совсем не крест, а флюгер... Он за направление ветра говорит, и креститься на него не надо.

Женщина, похоже, смутилась из-за своей ошибки и проговорила, словно в оправдание:

– Солнце глаза застит – почудилось, будто крест на башенке... Ну да лишний раз Бога помянуть никому не грех...

Вагон качнуло, поезд остановился. На деревянном перроне толпилось до десятка людей. Кто-то встречал приехавших, кто-то собирался ехать дальше, и потому зычный голос дежурного по станции для них оказался как нельзя кстати:

– На станцию Белово прибыл пассажирский поезд из Ленинска-Кузнецкого. Стоянка поезда двадцать минут. Дальнейший пункт следования состава – станция Усяты...

Немногочисленные пассажиры с сумками и чемоданами потянулись к выходу. Алёна Ива-

новна, окинув взглядом полки вагона, подхватила объёмистый тюк, пошла к двери, на ходу давая указания сыну и внуку:

– Никита, поспешай, а ты, Егорка, возьми за руку Илюшеньку... Осторожней на ступеньках...

Неподалёку от вокзала, на вытоптанной и заезженной полянке, к прибытию поезда всегда собиралось до десятка извозчиков на разносортных повозках. Никита нанял возницу на телеге: как-никак четыре человека, два больших узла с вещами да чемодан – тут пролёткой не обойтись. И вскоре бывшие жители Нарымского края уже ехали туда, где, по их разумению, должна находиться шахта «Пионерка» и где в шахтовом посёлке проживала изрядно подзабытая даже родной сестрой Вера Ивановна Шомонина, в девичестве Касаткина. Извозчик, подрядившийся доставить Кузнецовых по назначению, мужичонка лет пятидесяти, сухонький, чуть скособоченный, с толстым шишковатым носом, исполосованным тёмно-красными прожилками, всю дорогу томился молчанием. Поначалу он всё поглядывал через плечо на Егорку с Ильёй, гримасы им строил, подмигивал заговорщически, чем немало напугал ребят. Егор забрался на телегу с ногами, лёг на живот и подполз к отцу. Теперь его этот странный дядька за спиной отца уже не увидит. Илья же просто прилёг к Алёне Ивановне на колени и вскоре уснул, невзирая на дорожную тряску.

Не найдя отзыва у детей, мужичок вознамерился поговорить с женщиной, но и здесь разговор не удался. От его несуразного вопроса женщина просто отмахнулась. Намотав вожжи на левую руку, возница достал из кармана кисет, проворно открыл его. Кроме табака, там оказались ровно нарезанные полоски серой курительной бумаги.

– А что, хозяин, не закурить ли нам по такому делу?

– Это по какому делу? – не очень дружелюбно отозвался Никита.

– Дак звон дорога какая длинная да трясу-чая, чево делать, как не курить?

– И то верно... Сам скрутишь или как?

– Да я вроде как при деле... – И он показал на вожжи. – Сверни себе да мне заодно...

– Цигарку-то сам лизнешь или мне доверишь? – с лёгкой усмешкой спросил Никита, принимая от мужичка кисет с табаком.

– Эй, да чё уж тут дёргаться на ходу – лизни за меня. Зараза к заразе не пристанет, поди...

– Ну-ну, – многозначительно проговорил Кузнецов, свёртывая одну за другой сигарки. – Тебе, дядя, тут, наверное, та зараза, с которой мы приходилось встречаться, и не снилась во все... – Он прикурнул одну самокрутку от своей зажигалки и передал вознице, а потом раскурил и свою. Помолчали какое-то время, подымили.

– Табачок-то у тебя славный, – одобрительно сказал Никита, – а всё у отца моего табак крепче был... Все мужики деревенские норовили купить его или хотя бы угоститься...

– Знать, повезло твоему отцу с табаком, а мы уже этим перебиваемся... Только ты-то, мил человек, в тех местах, откуда едешь, и такого табачка нечасто видел. Так, нет? Всё самосадам перебивался, поди?

– Пожалуй, что так, «мил человек»...

– А зови меня просто Митрофаньчем...

– Вот я и говорю, Митрофаньч, травку курили, порой совсем дрянную – лишь бы дым шёл...

– И сколько же лет отбухал? – мужик кивнул головой в сторону громоздкого чемодана из теса, что сам Никита сколотил перед отъездом из ссылки.

– Наблюдательный ты, Митрофаньч! – криво усмехнулся Кузнецов. – А ну, если ошибся?

– Э, мил человек, я тут лет двадцать уже катаюсь... Как депу паровозную стали строить да станцию – вот и впрягся я. Сначала на стройке промышлял, а потом народу нагнали со всего света, а у меня как раз грызь вылезла, вот я и занялся извозом. Слышал, как ямщики раньше по тракту гоняли?

– По Крестьянскому, что ли?

– О! Смотри, помнишь, как звался этот тракт! Молодой, а помнишь! Молодец! Нынче-то всё реже слышишь его имя – Крестьянский тракт! Нонче как говорят: Томск – Сталинск, Ленинск – Белово... А мне глянется это название – Крестьянский тракт! За эти-то годы я столько всяких горемык перевозил, и всё больше отсюда, из наших мест – в холодные края, а уж вздаль редко кто возвертался, зато все, кто возвращался, тащили с собой такие вот чемоданы. А тебе, похоже, повезло, и хозяйке твоей, и деткам – живые, здоровые... Из наших мест увозили?

– Да нет, Митрофаньч, из Бачатской волости мы, из Урского... Слышал про такое село?

– Э-э, мил человек, нету теперь волостей, а есть Гурьевский район. А про Урское я слышал, да не был там ни разу... Я ить только тут, рядом гоняю: Черта, Улус, Старо-Белово... Хотя, если

заплотю – я и туда сгоняю. А тут-то кого искать будете?

– Да вот, к тётке едем, к маминой сестре... Шомонина Вера Ивановна...

Мужичок на мгновение задумался, пожевал губами, словно освежая память, потом заявил:

– Так вот сразу я не могу сказать, но, кажись, фамилию такую слышал... Поковыряюсь в памяти – скажу... А муж ея где робит?

– Да кто ж его знает, но живут в посёлке при шахте «Пионерка»...

– Значит, на шахте и робит, как пить дать! Найдём! Но-но, ленивая! – И он хлестнул лошаадь длинным кнутом.

Уже около часа Кузнецовы были в пути. Широкая, хорошо укатанная грунтовая дорога петляла. Ямы поглубже чьей-то заботливой рукой были присыпаны мелкой породой, и колёса телеги Митрофаньча, обитые металлической полосой, дробно выстукивали на камнях, но даже этот грохот не мог нарушить ни сна детей, прикорнувших среди убогого домашнего скарба, ни того оцепенения, которое охватило всех взрослых за время пути. Разговор как-то сам собой прекратился. Возница, и без того мелкий мужичонка, тут совсем согнулся и замер на передке телеги. И только вожжи, то слабеющие в его руках, то вдруг вытягивавшиеся в струну, говорили, что он продолжает держать свою лошадку под контролем. Алёна Ивановна, чуть сгорбившись и повязав пониже на глаза полушалок, мерно покачивалась в такт движению. Никита натянул на самые уши свой картуз и непрерывно зевал, с досадой поглядывая на спину Митрофановича, будто тот был виновником всех их мытарств, а то вдруг принимался с интересом оглядываться по сторонам. Ранее не бывавший в Белове, он с удивлением отметил, что здесь совсем нет тех холмов и увалов, какими богат был их Салаирский кряж. Ни лесов тебе вокруг – одни поля, глазу негде зацепиться. Хотя, присмотревшись внимательнее, Никита увидел в полуверсте справа от дороги какие-то строения, дымящиеся трубы и невысокий островерхий холм. «Неужто добрались?» – подумал он и тут же получил ответ на свой незаданный вопрос.

– Однако подъезжаем, мил человек, – отозвался с передка телеги Митрофанович. Голос его был бодрый и звонкий, непохоже, что он вслед за своими пассажирами дремал всё это время пути, давая им отдохнуть от своего красноречия.

– Это что же за дома такие странные да высокие? И как же на такую высоту люди лазят? – удивлённо спросила Алёна Ивановна, едва сдерживая зевоту.

– А это, уважаемая, не дома, а шахтовые строения: что повыше да в сторонке – копры... Ну, такие штуки, где под ними вниз клетки с людьми спускаются под землю...

– И глубоко? – спросил Никита.

– Ой глубоко, сажен на сто-двести, и всё вниз. А может, и глыбше... Один раз я в енту дырку заглянул, так потом решил, что лучше я своему коню под хвост буду смотреть, чем в ту пропастину! Страх божий!

Продолжая разговор, Митрофаныч повернул лошадку на грунтовую дорогу, ведущую к строениям и трубам.

– А эта дорога куда идёт? – спросил Никита, кивнув на ту, по которой они только что ехали.

– А это в Черту дорога... Посёлок там, Чертинский... Когда-то улусом был телеутским, да только сейчас там всё больше наши люди живут...

Похоже, роль всеведающего хозяина Митрофанычу пришлось по душе, и после того как они въехали в Бабанаково, не ожидая вопросов, он продолжал делиться своими знаниями.

– Вот он, этот самый копёр... или хопёр... Кто как его называет меж собой, а я за народом повторяю, потому как лично сам никакого касательства к шахте не имею...

– Это уж мы поняли, – отозвался Никита. – А что там, внутри его, знаешь?

– Я же говорил: дырка в земле, а по ей шахтёры вниз едут... эвон, видите, сколько канатов висит в ём-то. На них эта клетка держится и котится вниз...

– Матушки-светушки, – тяжело вздохнула Алёна Ивановна, – людей, как зверей, в клетке в преисподнюю отправляют! – И она осенила себя крестным знамением.

– А вон, чуть в сторонке, контора шахтовая... Все начальники в ей сидят. Перед ней площадку видите? Тут завсегда поутру можете найти какого-нибудь извозчика... Мой день – среда... Ежели куда надумаете – меня можете тут отыскать. Как со старых знакомцев много не возьму.

– Это что же, вроде как дежурство установили тут? – усмехнулся Никита.

– Наверде того... Сам-то я в Старо-Белово живу, тут недалече... Кто-то из Черты ездит, кто

из Беловой. Своих-то возчиков тут нету, наши денежки им не нравятся, углекопы привыкли к большой деньге, ну а коли так, то и упираться им приходится, и башкой своей рисковать...

– Ох и странный ты мужичок, Митрофаныч, – засмеялась Алёна Ивановна, приводя в порядок проснувшихся детей. – То ты им завидуешь, а то себя оправдываешь... Лучше помоги мне мою сестру найти: Шомонина она, Вера Ивановна, пятьдесят ей с небольшим...

– А ведь вспомнил я её, есть такие в посёлке. Оне с мужем живут в своём доме... Нет, эти домишки не те, – он указал кнутом на бараки, мимо которых они проезжали. – Сюда ссыльных селят, одиноких разных, а Максим Шомонин – мужик сурьёзный... На Озёрной улице оне живут, вон там, в самом конце посёлка. А эта улица Эйхе. – Он поднял указательный палец и сделал страшное лицо. – Слыхали о таком? О-о! Это самый главный коммунист в Новосибирске... Секретарь наипервейший, вот только почему ему эти бараки достались – не ведаю.

– Улица Озёрная, а озеро-то где? Может, у вас тут Приморский бульвар есть? – со смешком спросил Никита.

– Вот я заметил, мил человек, что ты грамоте обучен, наверное, много чего знаешь, а меня всё норовишь подкузьмить своими вопросами. Да я человек простой и не обижаюсь даже... А улица Озёрной прозывается так, что раньше тут и в самом деле было озеро... Ну, может, не озеро, а озерко или большая лыва, лужа, значит. Одни говорят, что из-под земли вода приходила. Другие на дожди грешили. Невелико озерко, а две деревни на его берегах уживались: Бабанаково и Калтайка.

– И куда же оно подевалось?

– Года два – три назад слили его в Бачат, прорыли отводную яму, вода и ушла. А и то верно: на какой ляд эта вода здесь? Рыбы в ём, в озере-то, не было, а комарья летом – пропасть...

Между тем они уже ехали по Озёрной улице. Несмотря на полуденный час, людей было не видно. И снова Митрофаныч, словно угадав их незаданный вопрос, поспешил пояснить:

– Мужики-то ещё на шахте, а жёнки их да дети – в огородах. Сейчас самое время картошку копать... Вот и подсобите сестрёнке, ежели они ещё не убрались...

– Ну ты, «мил человек», всё про всех решил, – уже не скрывая язвительности в голосе,

сказал Никита. – Мы же полгода как с Нарыма добираемся, только с поезда нас забрал, а уже в огород посылаешь!

Несколько сконфуженный, Митрофаныч молча соскочил с телеги, подошёл к невысокому забору и громко свистнул.

* * *

Женщина, что рылась в земле, выпрямилась, сдвинула рукой платок повыше на голову и вдруг громко вскрикнула:

– Ой, мама родная, никак сестрёнка приехала...

Бросив скребок, негромко причитая, она бросилась из огорода. Митрофаныч с чувством исполненного долга подошёл к телеге, помог снять на землю детей, чемодан и тюки.

– А теперь и рассчитаться можно, я так думаю, мил человек. Я понимаю вашу радость, но у меня работа...

– Да-да, конечно, – согласился Никита и сунул в сухую ладошку возницы давно отсчитанные деньги, поблагодарил за «нескучную дорогу» и подошёл к женщинам, которые, обнявшись, застыли у калитки и плакали. Шум отъезжающей телеги заставил их обернуться.

– Митрофаныч уехал, – проговорила Вера Ивановна. – Слава тебе господи, кончились ваши мучения...

– Так ли, Веруня? – тяжело вздохнула Алёна Ивановна, уголком платка вытирая глаза от слёз.

Вера Ивановна была ниже своей сестры, чуть полновата, но это её ничуть не портило. На Руси всегда женская полнота считалась верным признаком отменного здоровья. Приятные черты лица её были испещрены множеством мелких морщинок. Внимательно оглядев спутников своей сестры, хозяйка пригласила всех в дом:

– Устали трястись по нашим колдобинам? Ничего, сейчас я вас накормлю, отдохнёте с дороги...

...И хоть небогаты были её разносолы: картошка, капуста да яйца варёные, сало, молоко с чёрным хлебом, но с таким жаром ели гости, в особенности дети, что на глазах хозяйки не просыхали слёзы: намучились, бедолаги, изголодались... Даже Алёна Ивановна с её умением держаться невозмутимо, с достоинством порой не могла скрыть своего болезненного интереса к еде.

– Эх, тётъ Вер, а лучку к салу не найдётся, – чуть смущённо проговорил Никита, – или чесночку?

– Ах, да-да, – вскочила Вера и захлопотала около вязанки лука, что висела в углу кухни. – И лучок, и чесночок... всё есть... – Вскоре перед каждым едоком, даже перед детьми, лежало по очищенной луковице, а в центре стола высилась горка из зубков чеснока.

– Ага-а, – разочарованно протянул курносый Илья, – оне горькие, я знаю...

– Ешь, Илюшенька, ешь! Хоть разок укуси с солью да салом... Это пользительно, – продолжала потчевать едоков хозяйка.

– Да-да, Илья, кушай, и ты, Егорка, потому как там витаминки... Там-то, у себя, мы поначалу на колбу налегали, от цинги спасались, а потом уж огородики завели – с них и кормились как могли. А за дорогу дошли до ручки: полгода добирались до вас из нарымской дыры. Где только не жили, что только не ели, а то и вовсе одним кипятком перебивались на вокзалах... Ужас! – Алёна, проговорив эти слова, горько поморщилась, но, словно встряхнувшись, перекрестилась и заявила уже другим голосом: – Даст Бог, всё это позади... Ешьте, ребята, ешьте, а то тётка Вера ругаться будет!

Вера Ивановна заулыбалась этим словам, а мальчики потянулись за луком...

– Ну, тётъ Вера, я сыт, спасибо за угощение! Я смотрю, у вас банька есть? Я воды принесу... Хорошо бы с дороги искупаться...

– Да-да, конечно, будет и банька... Только там всё уже есть – и вода, и дрова... Только печку запалить, но банькой Максим займётся, он скоро придёт с работы, а ты лучше, Никита, подкопай картошку, что осталась, а мы с Алёной её потом соберём. Там корней двадцать-тридцать осталось... Завтра, люди сказывали, дождь будет... Надо бы посуху остаточный урожай собрать...

– А морковка, свёкла? – спросила Алёна Ивановна.

– Уже всё в погребу, картошка только вот осталась да капуста... Ну, она мороза не боится, посидит ещё... Максим-то с утра до вечера на работе, а я – и по дому, и по огороду...

– Конечно, Верунь, мы с Никиткой поможем тебе... Ой, смотри, ребетня-то совсем засыпает за столом...

– Намайлись, горемычные! – протянула жалобно хозяйка, обнимая мальчиков. – Вот кваску испейте, да я вас спать уложу!

Выковыривая из влажной земли картошку, Алёна Ивановна проговорила озабоченно:

– Да, Верунь, огородик-то у вас совсем малой... Неужто хватает? Помнишь, какие огороды были у нас в Урском, да ещё в поле?

– Помню, Алёнушка, конечно, помню. Там раздолье было, а тут у нас рабочий посёлок, ни лишнего метра, ни скотинки. Вся эта живность должна быть в колхозе, а то, не дай бог, в кулаки запишут! Вон, только куры да свинья в хлеву... А нам двоим много ли надо?

– А дочь, Татьяна-то, где? Ей, поди, уже лет тридцать?

– Да, в следующем году будет тридцать... Замужем, двое деток, живёт в Артыште. Я навещаю её иногда...

– А что же, она с внуками не бывает у тебя?

– Не внуками, а внучками... Как-то не заладилось у неё с Максимом. Он человек горячий... В общем, не ездют оне к нам, да и Максим там не бывает – одна я мотаюсь туда-сюда...

– А что так?

– Вас-то в тридцать четвёртого-м сослали, а моего взяли на следующий год. Он на станции работал, кака-то авария случилась, ну всю бригаду их и заарестовали. Добрые люди подсказали, чтобы я быстренько дом продала да уехала из Бачат-то, сюда вот, к знакомым. Боялась, что искать будут. Не нашли, а может, и не искали вовсе: кому нужна старая больная женщина?

– Но-но, сестра, что ты на себя болячки кликаешь? Ты же млаже меня лет на восемь...

– А-а, с такой жизнью будешь здоровой!

– Ну что, тётеньки, я закончил свою работу... Вам помочь? – раздался рядом весёлый мужской голос.

– Да ну, Никита, сами управимся... Тут работы на полчаса. Иди покури на лавочке, а мы уж тут сами...

– Так, может, баньку всё-таки затопить?

– Нет, Никита, не трогай ты её, Максим Иванович никого не допускает до неё – всё сам! Да он скоро уж вернётся с работы... Отдохни там на лавочке у калитки, покури, а мы тут сами...

– Ну-ну, я пошёл, ежели надо чего – кликните...

Заметив, как резко изменилось настроение сестры, Алёна Ивановна, перевернув ведро, усе-лась на него и то же посоветовала сделать ей.

– Присядь-ка, сестрёнка, поговорим, пока твоего Максима нет, а то потом несподручно будет, да ещё дети...

Когда Вера Ивановна также усе-лась на пере-вёрнутое ведро рядом, Алёна Ивановна, в упор глядя ей в глаза, спросила:

– Плохо тебе с Максимом?

– Да всяко разное... Меня он не обижает, не бьёт, но... Бобылём он жил много лет, жена-то его рано померла и деток не оставила. Вот он и привык всегда один и только для себя. А тут уви-дел меня, беглую да испуганную, без детей, позвал в дом хозяйкой... Пошла – куда деваться, не век же у знакомых обитать. Зятю да дочери я тоже шибко не нужна. Деньги, что от продажи до-ма остались, отдала Максиму... Дура! Надо бы-ло хоть часть каку-то дочери отдать! Ну ведь я думала, он и сам мне это подскажет – дочь всё-таки... А он быстренько купил корову да лоша-дку, ещё что-то подкупили – и нет денежек! Гости-ли дочка с мужем у нас, завели разговор о день-гах за дом, Максим так поднялся на них... Прогнал, в общем... А мне взадь деньги уже не вызволить, так и сказал он мне тогда: никто не видел, как я их ему передавала, да опять же, пугнул он меня: пойдёшь жаловаться – тебя за-арестуют как жену врага народа...

– Вот оно как получается?! А нас-то он как будет терпеть? Мы ведь тоже вроде враги?..

– Да какие вы враги... Да нет, всё обойдёт-ся... – Она громко всхлипнула и краем платка принялась вытирать глаза от слёз. – Нам ведь уполномоченный сказал, что вы только двое едете... временно, мол... Максим решил, что ра-ботать будете – денег хватит на всех. Кто же знал, что у вас дети...

– А если бы мы с женой Никиты приехали, не помри она? Прости меня, Господи, за такие сло-ва! – Она осенила себя крестным знамением.

– Уполномоченный-то сказал, что жена его погибла, что сам Никита больной да ещё старая мать с ним, а про детей – ни слова.

– М-да... – мрачно проговорила Алёна Ива-новна, а рукой продолжала трепать сестру по плечу. – Не плачь, Верунь, что-нибудь придума-ем... Найдём дочь Яшки Чуваша, он сказал, где она живёт... Отвезём... Никите справку сделал один добрый человек, что он болеет туберкулё-зом... Пройдёт новую проверку... Скажем, ле-чился в дороге, вылечился, а там и в шахту пой-дёт... Я пойду работать, а Егорку в школу отпра-вим... Есть у вас школа-то?

– Есть школа, а в следующий год новую уже построят, будет она средняя школа номер девять!

– Вот и славно, ну а если совсем плохо бу-дет – уйдём в барак жить... Митрофаньч нас просветил за дорогу: что почём... Не плачь, сес-трёнка...

Никита докуривал уже вторую сигарку. Он видел, что женщины ещё сидят на полосе и больше говорят, чем работают, но мешать им не хотел. Откинулся к забору и надвинул на глаза кепку. Тёплый осенний вечер, тишина, которую нарушал только монотонный звук, похожий на дальний гудок паровоза, что доносился со стороны шахты, а главное, накопившаяся за долгие месяцы скитания усталость, всё это располагало ко сну, и он незаметно для себя задремал. За годы ссылки Никита ни разу не видел снов, словно отобрал их у него уполномоченный Кутько, когда выдворял из родного села. И за всю долгую дорогу домой так ни разу не вспомнился и не приснился ему Нарымский край. Да какие воспоминания, если все годы ссылки его одолевали только тревога и страх за своих близких, за живых, и щемящая боль за потерянных, жену и дочь. Здесь же, накоротке прикорнувшись у калитки тёткиного дома, он вдруг увидел во сне, что едет в просторном вагоне. Стучат колёса, его качает из стороны в сторону, а кто-то рядом разговаривает. Прислушался во сне – не разберёт слов, но голос всё продолжал звучать...

– Эй, хозяйюшка, никак у нас гости?!

Никита вздрогнул и проснулся: рядом с забором стоял мужчина, лет пятидесяти, сухопарый, жилистый, скуластый, с глубоко посаженными серыми глазами.

Он обращался к женщинам в огороде со смехом:

– Полчаса разговариваю с молодым человеком, а он спит себе и меня не замечает... Уж не знаю, можно к себе в дом зайти...

Никита поспешно вскочил со скамейки и заговорил смущённо:

– Простите ради бога, задремал с устатку... Никита Кузнецов я... Никита Гордеевич... – И протянул руку мужчине.

– А я, стало быть, Максим Иванович Шомонин, будем знакомы... – Голос его звучал не то насмешливо, не то высокомерно, но руки ещё не до конца проснувшегося Никите он не подал, а из огорода к калитке спешили две женщины.

– Вот, Максим Иваныч, сестра с племянником приехала... Картошку мы докопали... Никита тоже нам помог... Тебя ждали, чтобы баню затопить...

– Что ж, затопим... Накормила хоть сестру-то с племянником?

Увидев, как жена торопливо закивала головой в ответ, продолжил в той же манере, важно и отстранённо:

– Ну, коли гости приглашают хозяина в дом, я согласный... – распахнув калитку настезь, он широко шагнул первым, на ходу отмечая результаты работы жены и её сестры. – Хорошую картошку накопили. Пусть пока она пробывает на солнышке, а ввечеру мы с Никитой Гордеевичем, – не оборачиваясь, он указал большим пальцем на идущего за ним вслед Никиту, – спустим её в погреб по жёлобу – я там и доски ещё не убрал...

Не останавливаясь, он вошёл в дом, а остальные, словно замороженные, так же молча шли за ним. Открыв дверь в избу, Максим застыл на пороге:

– А это кто ещё у нас тут?

– Максим Иванович... Максьюша, я сейчас всё объясню, – суетливо и с большой долей страха в голосе залепетала Вера.

– А это наши дети, Максим Иванович, – голос Алёны Ивановны звучал ровно, спокойно, но за ним угадывалась какая-то внутренняя твёрдость. – Тот, что постарше, – наш он, мой внук и сын Никиты Гордеевича, а младший... Мы его отвезём родственникам в Артышту... Сирота он. Сын нашего земляка, что сгинул в ссылке, не в детдом же его отдавать...

– Ну-ну, раз решили – так и сделаем... Войти-то в дом можно?

– Шутковать, конечно, не грех, Максим Иванович, – проговорила Алёна Ивановна, – да только время и место не совсем удачно выбрали: в сенах, когда и пыль-то дорожную мы с себя ещё не смыли...

Голос её звучал так напряжённо, что даже хозяин заговорил теперь по-другому, более приветливо, а на сухом лице то и дело появлялась нечаянная улыбка.

– Сейчас я баньку затоплю, покушаем, у меня и водочка припасена... Покалякаем, подумаем, как жить дальше...

***

После бани все собрались за круглым столом в горнице. Розовые, обливающиеся потом взрослые готовились как к трапезе, так и к серьёзному разговору, который неизбежен в такой ситуации: хозяева должны были узнать, кого им бог послал в лице НКВД, в то же время и гости должны понять, с кем придётся им жить под одной крышей в ближайшие месяцы, а может быть, и годы. Впрочем, как будут жить их гости, Максим Иванович, похоже, уже давно решил для себя, а теперь ему оставалось только поведать о своём решении не-

чаянным квартирником, с той лишь поправкой, что вместо двух постояльцев теперь будет четыре. Пропустив по два стаканчика водки «за встречу» и «за здоровье тех, кто за столом», отведав хозяйкиных угощений, Максим Иваныч начал серьёзный и трудный разговор.

– Значит, жить будем так... Пока сыщете родного мальчика, он вместе с Егоркой будет спать на гопчике у печки... Мы тут занавеску повесим, чтобы, значит, не смущать друг друга... Алёна Ивановна будет спать на кухне, на сундуке... Он у нас вон какой! Как домовина! Найдётся жёних – и ему места хватит рядом...

Он засмеялся, утирая пот с раскрасневшегося лица, бросая игривые взгляды на сестру жены.

– Ну вот, Максим Иваныч, я ещё и ночи не ночевала, а уж замуж меня собрался выдать? Время ли такие шутки шутить, да ещё при детях?

Смех Максима резко оборвался, улыбка сошла с лица, и дальше его голос звучал сухо и отчуждённо:

– Никита как заразный больной должен помнить, что с людьми живёт, да ещё и с малыми... Дома не кашлять, не чихать. Мать, выделишь ему личную посуду, чашки, ложки... Лучше маску носить. Жить Никита Гордеич будет в бане, там и столоваться будет... Да-да, там предбанник большой, да и печку всегда подтопить можно, угля хватит, даже зимой не замёрзнет... А в доме-то ему лишний раз и вовсе появляться не стоит... Чахотка – поганая вещь!

Пока хозяин неторопливо и важно поучал своих гостей, Алёна Ивановна и Никита не раз перекидывались недоумёнными взглядами, а Вера прикладывала к глазам конец платка и не смела взглянуть на сестру.

– Спасибо, Максим Иванович, – с плохо скрытой усмешкой проговорила Алёна Ивановна, – что всё обдумал за нас, всё решил... Только таким тоном с нами начальник лагеря разговаривал, а ты вроде как родственник нам приходишься...

– Понимаю вашу насмешку, Алёна Ивановна, да только жизнь сейчас у нас такая: враги кругом, живём, как в лагере... А туберкулёз? Не за себя боюсь, я человек могучный, небось, одолею эту гадость, а вот детки ваши, Вера Ивановна... Да и вы, Алёна Ивановна, – поберечься бы надо...

Обстановка в доме накалялась. Дети притихли и испуганно молчали, катая шарики из мякиша хлеба; Вера, прикрывшись платочком, беззвучно плакала. Никита тупо смотрел перед собой в стол, желая только одного – не сорваться,

не сказать грубости хозяину. Он понимал: если хозяин откажется их принять, то можно будет собираться назад, в Нарым... Алёна Ивановна с укоризной смотрела на хозяина, а по её красивому лицу нет-нет да пробегала лёгкая усмешка. Зато Максим Иванович смотрел на всех с каким-то плохо скрываемым торжеством, словно он, произнося свои слова, похожие на приговор «тройки», что-то кому-то доказывал и самоутверждался.

– Сурово ты, Максим Иванович, разговариваешь с нами, будто не родственники мы тебе, а враги!

– Время такое, Алёна Ивановна, бдительность терять нельзя ни на минуту!

– А ежели Никита вовсе даже не больной, так зачем ему в наморднике ходить?

– Как это не больной?! – брови хозяина изумлённо полезли вверх, а голос стал ещё суровее. – Вы что... обманули работников НКВД?

Теперь тишина стала угрожающей, казалось, даже ходики в углу на какое-то время прекратили свой бег, дабы не нарушить ответственность момента.

– Так как это случилось, что больной Никита совсем небольшой, а?

Выдержав небольшую паузу, Алёна Ивановна сказала твёрдо, низким голосом:

– Максим Иванович, мы полгода добирались до вас... В дороге лечились как могли, где врачи помогали, где знахари да ведуньи... Мир не без добрых людей... Похоже, болячка отступила, но чтобы не ошибиться, Никита пройдёт ещё проверку у местных врачей, а до этого, конечно, проживёт в бане, чтобы никого не заразить. В любом случае он пойдёт работать, надо – и я пойду, так что нахлебниками у вас не будем...

– Ну, Алёна Ивановна, сразу нахлебниками... – теперь голос его звучал мягче, а на некрасивом лице появилось подобие улыбки. – Вам уж и сказать-то ничего нельзя...

– Можно, Максим Иванович, но не в первый же день да прямо у порога и не таким голосом. У нас надзиратели не все так говорили с нами, были и среди них нормальные люди. Неужто, Максим Иванович, завтра пошёл бы доказывать в НКВД на моего сына, на племянника твоей жены?

– Ну что вы, Алёна Ивановна! – Тяжёлый разговор продолжался, но, похоже, никто не заметил, что гостья называет хозяина на «ты», а она – на «вы». Понимая опасность ситуации, резко сменила тон и Алёна Ивановна.

– Мы ведь тоже люди, Максим Иванович, жили на свете и добро ценить умеем... Вот за баньку спасибо, за хлеб-соль да за чарку водки... Там ещё, кажется, осталось? Почему не приглашаешь выпить?

– Да-да, конечно, – он поспешно принялся разливать водку по стаканчикам, легонько толкнул жену в плечо. – Ну, что нюни распустила? От радости, наверное, что сестру встретила? Она тут все уши мне прожужжала, какая у неё сестра... Вижу, правду говорила... Ну, давайте выпьем за встречу, забудем все непонятки... Потом дадите мне фамилию родственников мальчика... Тебя Илья зовут? Вот, найдём Илюше тётку с дядькой и отвезём... Живите, обустройтесь, неволить вас не будем, как-никак, а родня...

Последующие события несколько нарушили, казалось бы, безукоризненные расчёты Максима Шомонина. Медицинская комиссия, тщательно проверив состояние здоровья Никиты Гордеевича Кузнецова и не обнаружив у него и следов туберкулёза, усомнилась в правильности анализов и решила провести через месяц повторную проверку. Почему через месяц, а не сразу или через полгода, Никите не пояснили, и потому он невольно весь октябрь пребывал без дела. За годы ссылки отученный бездельничать, он сам искал себе работу в скромном хозяйстве Шомониных: пользуясь тем, что осень была сухая и поздняя, вместе с хозяином они перестелили пол и крышу в бане, отремонтировали крышу в доме, выправили сколоченное крыльцо, а потом взялись городить забор вокруг дома и огорода, что было делом непривычным для этих мест. Местные хозяева огораживали только двор перед домом, а огород, как правило, уходил в поле, где встречался с таким же огородиком соседа, и только утоптанная межа говорила хозяевам, где чья земля. Рачительный и, как заметил Никита, скуповатый Максим Иванович, оказывается, давно хотел отгородиться от своих соседей какой-то оградкой, а лучше – глухим забором. Средств на добротный забор у него не было, но его приятель и постоянный собутыльник Захар Филиппыч Капков, рабочий лесного склада шахты, подсказал, что на такой-то забор могут согнуться затяжки, как отбракованные, так и те, что отслужили свой срок в шахте и которые выбрасывают вверх, дабы не захлампыть ими подземные переходы. Не желая упускать удачного случая (руки Никиты простаивали без работы), он

согласился на затяжки, и теперь Захар Филиппыч ежедневно отбирал на лесном отвале нужные для его дружка доски, которые они потемну на тележке привозили в сараюшку, а уж потом Максим и Никита городили забор. Впрочем, забор – громко сказано для штакетника из запачканных углём и покорёженных невесть чем досок. Как бы то ни было, но до зимних холодов двор и огород Максима Шомонина отгородился от мира несурным, а всё же заборчиком.

А тут пришло время повторной медицинской комиссии – результат тот же. Сверхбдительный врач, усомнившийся в сбивчивых объяснениях Никиты о том, как и чем он лечился, пока добирался из Нарыма в Белово, поспешил доложить свои сомнения уполномоченному Беловского горотдела НКВД Лихареву, отвечающему за порядок на шахте и в посёлке. Тот, выслушав пояснения Никиты, как он пил какие-то травяные отвары, ел мясо каких-то зверей («чем угощали, то и ел...»), натирался барсучьим жиром, верил не верил, а всё же отправил запрос в Колпашево для прояснения обстоятельств «списания ссыльного поселенца Никиты Гордеевича Кузнецова» на свободу. Долго ходил этот запрос, потому как начальник ГРОВД посчитал вопрос малозначительным и телеграф использовать запретил. Только в январе тридцать девятого года был получен ответ – заверенная копия медицинской справки на имя Никиты Кузнецова, той самой, что и была предъявлена им врачам беловской больницы. В сопроводительной записке работника колпашевской комендатуры неровными буквами было добавлено:

«Допросить коменданта Шишкинской комендатуры Попкова Семёна Семёновича, кем был утверждён «акт о списании ссыльно-поселенца Кузнецова Н. Г. и препровождении его в Белово», не представилось возможным ввиду гибели последнего в апреле 1938 года (застрелился)».

Беловский чекист тщательно сверил оригинал акта о комиссовании Кузнецова Н. Г. и его копию, долго размышлял над последней строчкой, тщетно пытаясь найти причинную взаимосвязь между двумя событиями. Застрелился комендант? Ну и дурак! Хотя причин для этого у него, наверное, было много... Например, был пьян и нечаянно стрельнул в себя... А может быть, проворовался – и такое бывает: там ведь лес кругом, звери с дорогой шкурой. А ну если вывели на чистую воду? А может быть, на бабе погорел. Это сплошь и рядом в лагерях: бабы –

73

товар заманчивый, доступный для комендантов и начальников тюрем... Нет, это не пойдёт, здесь-то не баба, а Никита Гордеевич Кузнецов... Что теперь гадать, когда человека уже нет в живых. Вызвал он на допрос Никиту, задал без особого энтузиазма несколько незначительных вопросов и отпустил восвояси: иди, мол, работай. Сразу-то в шахту не возьмут, проверят на поверхности, каков ты работник, научат, что делать в шахте, вот тогда и станешь настоящим шахтёром. Но уже в дверях остановил Никиту неожиданным вопросом:

– А чегой-то ваш комендант Попков застрелился, а?

– Семён Семёныч?! – удивлённо выдохнул Никита.

И настолько это удивление было искренним, что чекист понял: не знал туберкулёзник об этом событии. Одновременно, хоть и с некоторым запозданием, он сообразил, что сболтнул лишнего. Поманив пальцем Кузнецова к себе, предварительно велел притворить дверь, сказал строго:

– Как тебя... Никита Гордеевич, про то, что кто-то там застрелился, ни-ко-му! Понял? Ежели откуда дойдёт до меня эта весточка – ты у меня назад поедешь в Нарым или тебя придавит где-нибудь в шахте... У нас это запросто делается... Понял?

Ещё не пришедший в себя от услышанного, Никита утвердительно кивнул в ответ и озадаченный вышел из кабинета. Знал, сколько сделал добра Семён Семёнович для их семьи, какие отношения связывали коменданта и его мать, и потому, не желая огорчать её, а вовсе не из страха перед чекистом, он долгие годы будет скрывать эту весть.

А Максим Иванович, удачно решивший свои проблемы с забором, занятый работой и небезопасным промыслом по хищению затяжек со склада, казалось, совсем забыл о розыске родственников Ильи Яковлева, маленького нарымского сиротки. Спихватился только перед самым Новым годом, и лишь в начале марта тридцать девятого года ему пришёл ответ о месте проживания Аксиньи Яковлевны Золиной, родной дочери Яшки Чуваша и тётки семилетнего Ильи Яковлева. На семейном совете решили, что ребёнок они отвезут, когда подсохнет весенняя грязь. А всё то время, как Кузнецовы появились в посёлке Бабанакново, их жизнь протекала точно так, как её спланировал Максим Иванович Шомонин. Остаток осени, зиму и весну дети спали в

зале, отделённые от хозяев занавеской; Алёна Ивановна – в кухне на сундуке, а Никита – в предбаннике. Как бы то ни было, а всё же лучше, чем нарымская зима в шалаше...

ГЛАВА 3

И пошёл Никита работать на шахту. Как и говорил чекист, сначала его взяли рабочим на лесной склад и определили в помощники Капкову. Только неделю и удалось покуражиться Захару Филиппычу перед новым работником, обучая его премудростям новой работы. Оказалось, что никаких премудростей в ней не было, а бегать за водкой Никита категорически отказался. Жалился Капков своему приятелю Максиму, что не слушает его Никита, да всё без толку – пришлось отступить. Через три месяца такой стажировки Никиту определили в слесаря, а кадровик, ознакомивший его с приказом о переводе на новую работу, пояснил коротко, но доходчиво:

– ...под землёй работать будешь, а это тебе не баклуши бить на складе, зато зарплата больше... Дней десять походишь на курсы электрослесарей, в шахту сходишь с мастером, а там своей головой думай да команду начальства выполняй... Шахту механизировать будут, скоро ГТК-3 придут на шахту... Слыхал? – Мужчину снисходительно поглядывал на Никиту. – Так называется врубовая машина. Это тебе не кайлом махать – ух! Скучать не придётся... А эту технику надо будет кому-то обслуживать. Ну, согласен учиться на слесаря? Вот и ладно, ступай, а приказ я сегодня подготавливаю...

Никита и так никогда скучно не жил, а тут и вовсе весело стало: уходишь на работу – солнца ещё нет, весь день в темноте да на четвереньках, а на-гора поднимаешься, порой свет в глазах тухнет. Получается, опять темно... Старые рабочие успокоили: «Пообвыкнешься, молодой ещё... Потом на танцы будешь бегать после смены-то!...»

До танцев дело не дошло: какие танцы, когда сын уже в школу ходит! И вправду, уже через месяц Никита освоился в шахте и, смыв с себя в мойке пот и грязь, переодевшись в чистое, он бодрым шагом возвращался домой, и только угольная пыль, осевшая на ресницах, выдавала в нём шахтёра. Уже забывший, как он получал когда-то нормальную зарплату на Гурьевском железодельном заводе, Никита со сдержанным достоинством положил на середину стола свою первую получку, словно бы говоря всем присутствующим: пожалте, наш доход! Судя по

тому, как округлились у Веры Ивановны глаза, она нечестно видела такую сумму денег. А Максим Иваныч и вовсе не дал времени на размышление, резво встал с табуретки и забрал все деньги, обронив невнятно:

– Вот и ладно! За кров, за пропитание и за доброе отношение!

Алёна Ивановна с Никитой обменялись красноречивыми взглядами, но ничего не сказали, решив, что негоже отбирать у хозяина деньги, которыми сами так опрометчиво распорядились. Но судьбу следующей полочки Никиты решила уже Алёна Ивановна. Прознав у сестры размер зарплаты Максима, она удвоила эту сумму и так же за столом передала её хозяину, а в ответ на его недоумённый взгляд сказала:

– Здесь и квартирные, и за пропитание. Вас – двое, а нас четверо, стало быть, с нас и брать надо вдвое больше. А только, Максим Иваныч, и нам деньги нужны: детям к лету рубашки, штанишки да обувь надо взять, да и нам с Никитой тоже надо что-то прикупить, чай, не босяки... А отдадим Илюшу тётке, то и расчёт новый сделаем... Чтобы по справедливости всё было. Не в обиду будете, Максим Иваныч и Вера Ивановна?

– Нет, что ты, Алёнушка, – поспешила ответить хозяйка, а Максим так глянул на жену, что та поёжилась.

– Ничего, Максим Иваныч, – продолжала Алёна Ивановна, – мы люди нечужие, должны помогать друг другу, а с нуждой сообща бороться надо... Как раньше говорили: толпой и батьку бить легче...

Отныне все свои денежные вопросы Кузнецовы решали сами...

В последние дни апреля тридцать девятого года, когда отжурчали в ручьях талые воды, а весенняя распутица, усыхая на глазах, покрывала коростами утомлённую зимними холодами землю, на семейном совете Шомониных и Кузнецовых было решено отвезти маленького Илью к тётке в Артышту в середине мая. Все расчёты по поездке делал Максим Иваныч: погода ожидалась без дождей, распутица осталась позади, по ночам уже тепло. Это на тот случай, если придётся заночевать в пути – «как-никак почти шестьдесят километров между Беловом и Артыштой, да всё лесом». Пока он рассуждал о длинной дороге, о вынужденной ночёвке в лесу, искоса поглядывал на Алёну Ивановну, словно проверяя её готовность к такому дальнему путе-

шествию с ним. Как ни хитрил он, Алёна Ивановна с сыном раскусили его. Сделав простецкое лицо, Никита заявил прямо:

– Дядя Максим, маме трудно будет эти шестьдесят вёрст одолеть, а я с тобой съезжу...

– Ну, это ты зазря удумал... Дело серьёзное – ребёнок всё-таки. Надо, чтоб Алёна Ивановна за ним догляд имела... Да мы, может, в тот же день и вернёмся – делов-то. А то у этой, как её... Ксении и заночуем, а на следующий день взадь вернёмся...

– Нет, дядя Максим, мы с мамой уже порешили – я поеду... Неможется ей – какая дорога?

Алёна с удивлением глядела на сына, а хозяин всё ещё пытался отстоять своё право на поездку с женщиной, которая уже около полугода тревожила его воображение, превращая ночной сон в кошмар. А в дороге, ночью, в лесу всё может статься...

– Нет, дядя Максим, ежели чего, я и один могу Илюшку отвезти. Чай, в Сибири вырос!

– Э-э, нет, – решительно возразил Шомонин, – кому попало свою лошадку не доверю – дорогая игрушка!

– Максим Иваныч, у тебя нет лошади, ты ж говорил, что у брата её возьмёшь на езду? – спросила Алёна Ивановна.

75

Захваченный врасплох неожиданным вопросом, хозяин старался придумать какой-то ответ, а тут снова подвела его жена:

– Так лошадку-то эту Максим Иваныч на деньги, что я дом продала в Бачатах, купил, да ещё коровку... Молоко-то кажин день пьёте, нравится поди?

Сморщился Максим, как от зубной боли, глядя на свою болтливую жену.

– А чё ж сами-то не доржите? – едва сдерживая хитрую улыбку, продолжала допрос Алёна Ивановна.

– Дак налоги большие платить надо за живность-то, – опять поспешила с ответом Вера Ивановна, – да и партийное начальство на шахте в ту пору было шибко строгое: нельзя, мол, пролетарьяту богатеть! А брат-то его, Ефим, недалеко живёт, в деревне, а им запрету нету... Он на своей да нашей лошадке хлеб развозит по деревням-от... Опять же, на лошадь-то сена много надо и ещё чего, а Максим у нас по горняцкому делу мастер, ему недосуг...

Последние слова она сказала с гордостью и улыбкой на лице. И потому была удивлена, что муж рассердился:

– Ну, разболталась тут, шалаболка шахтовая: «мастер», «недосуг»!

– А рази не так, Максюш?

– Ага, тебя послушаешь, так я вроде как советскую власть обманываю и прячу от налога свои богатства! Думать же надо, что говоришь, дура!

– Максюш, так ведь это родня наша, надо ли её бояться-то понапрасну?

– Ага, сколько лет прошло? Два-три, когда за каждую мелочь садили, а тут раскудахталась, курица безмозглая!

Мирный разговор неожиданно окончился слезами Веры Ивановны и гневом Максима Ивановича. Алёна Ивановна обняла сестру и принялась её успокаивать, а когда та перестала плакать, бросила в глаза её мужу:

– Однако, Максим Иваныч, ты как будто шибко напуганный этой властью. Как ты вцепился, когда я сказала, что Никита не болеет туберкулёзом, помнишь? Как будто вора за руку поймал! Наверное, доказал о том кому надо, потому милиционер так долго проверял его да письма писал в Нарым... А ведь мы родня с тобой, с моей родной сестрой живёшь, так неужто нельзя по-человечьи относиться к нам, по-семейному? Так вот, наперёд знай, что и мы проведали о твоих делишках – о досках с лесного склада, о лошадке... Никому мы не скажем о твоих секретах, но и ты уж нас оставь в покое и не пугай лишний раз. Недолго будем вас стеснять, потому как мы решили с сыном свою избу ставить. Лес выпишем, деньжат подкопим... Вот Илюшу отвезём – всё больше денег оставаться будет, за год-то сруб поставим, а в сорок первом году и съедем от вас. Не обессудь, Максим Иваныч, но сестру мою не забижай, по-человечьи прошу...

Так пробежала меж хозяевами и квартирантами чёрная кошка... А мальчика в Артышту в середине мая отвёз Никита на поезде, поскольку ехать с ним Максим Иванович отказался и лошадь не дал. Строительство своего дома теперь стало для Кузнецовых главной заботой и необходимостью. Жить под одной крышей с подловатым Максимом Ивановичем становилось всё труднее: его ворчание утомляло всех, а Вера Ивановна, казалось, таяла на глазах...

***

Тяжёлые думы одолевали в последнее время начальника Гурьевского ГО НКВД Антона

Ивановича Кравцова. Страшным кошмаром остался в его памяти год тридцать седьмой. Этот людоедский приказ № 00447, постоянные отчёты и длинные списки арестованных по первой и второй категориям... Их отделовский вооронек редко ночевал в гараже: именно ночью брали врагов народа. И было этих врагов столько, что начинало казаться, что нормальных людей на свободе уже не остаётся, а те, кто всё же оставались, смотрели на мир глазами запуганной насмерть кошки, собаки или какого другого животного. Уже тогда, сидя в своём кабинете по ночам, он с ужасом думал: «А кто ответит за все эти зверства, когда настанет судный день?» И вот, похоже, этот день настал: сняли Ежова, а потом и арестовали. Старый чекист Кравцов понимал, что шлейф арестов сторонников опального наркома пойдёт по всей стране: «И хоть говорят иногда на Руси, успокаивая себя: вверху буря, а у нас тут тихо... Нет, похоже, у нас тихо не будет! Куда-то на Украину перевёлся в срочном порядке бывший начальник Новосибирского УНКВД, совсем неожиданно исчез из Томского ГО НКВД Карманов, даже дружка своего, Кутько, не предупредил. Ищут... Говорят, видели его в последний раз, когда он садился в поезд на Дальний Восток на небольшом полустанке под Томском. Документы в сейфе оставил, а вот оружие увёз с собой... Всесильного Мальцева, заместителя начальника УНКВД, тоже взяли – где-то сейчас в пересыльной тюрьме мается... А Голубчик? Это же он всех нас долбил, требуя придумывать разные шпионско-террористические истории про тех, кого надо брать. Как изощрялся, сукин сын!» Помнил Кравцов, что ему в голову на одном из совещаний, которое проводил Голубчик, пришла шальная мысль: прикажи этому новосибирскому начальнику сейчас придумать на каждого участника совещания убедительное обвинение по статье пятьдесят восемь УК РСФСР – наверняка придумает, не вставая из-за стола, и тут же всех арестует, а может, и расстреляет сразу... «Страшный человек! И что, где он сейчас? Тоже, наверное, ждёт, какую шпионскую историю ему придумают и потом расстреляют. Какие головы летят! А что, если эта мясорубка и до нас дойдёт, до Гурьевска? А ведь около Голубчика всё вертелся этот Кутько, сволочь! Всё подсказывал, кого, как и за что можно ловчее брать, и всё норовил включить этих бедолаг в списки по первой категории, в расстрельные списки. А ну,

потянется ниточка к Кутько, а тут вот и его прямой начальник – товарищ Кравцов! Нет, надо что-то делать, причём срочно... Надо, чтобы Кутько исчез так же внезапно и неизвестно куда, как его дружок Карманов...»

– Вызывал, Антон Иванович? – в кабинет заглянул Кутько (разыскал-таки его помощник дежурного).

– Садись-ка, Богдан Иванович, раскинем мозгой, как дальше жить будем. Чуешь, какие ветра теперь дуют? Не страшно тебе?

– А что мне бояться? – вызывающе ответил Кутько. – Мы люди маленькие, нам приказали – мы сделали...

– А не забыл, как ты с Голубчиком козни строил? Не забыл, как охоту устроил за полковником Кузнецовым?! Говорил тебе – отступись, так нет – крови захотелось?! А ты знаешь, что секретная депеша пришла из Москвы, что Кузнецова зазря репрессировали?

– Нет... Покажи...

– А вот это ты не хочешь посмотреть? – И Кравцов сунул под нос подчинённому увесистый кукиш из пальцев, заросших седым волосом. – Слушал тебя, дурака, и сам дураком стал!

– Да что ты паникуешь, Антон Иванович, может, ничего и не будет...

– Замолчь, сволочь! Слушай внимательно, делай быстро и... чтобы я тебя уже завтра здесь не видел. Ключ от сейфа – на стол! Я сам посмотрю все твои бумаги, а ты забирай свои манатки и... вали на все четыре стороны!

– Оружие не отдам! – вскинулся Кутько.

– Чёрт с ним! Уже завтра я сообщу, что младший лейтенант Кутько дезертировал вместе с табельным оружием и объявлю тебя в розыск. Сутки у тебя есть, только сутки, а потом не взыщи!

– Да куда ж мне деваться, Антон Иванович?

– А хоть в ж...пу! Ты один, ни жены, ни детей... Тьфу на тебя – пустоцвет, а не человек! Исчезни, говорю, лучше фамилию смени... Вон езжай в Белово, там сейчас строят завод, шахты... Людей со всего Союза на вербовали – за теряешься и носа не кажи до лучших времён, да языком не болтай!

Слушавший своего начальника с явно растерянным видом Кутько вдруг усмехнулся ядовитой улыбкой и, наклонившись к нему, зашептал вдруг с угрозой:

– А если я всё это доложу куда надо, что с тобой будет, Кравцов, а?! Может, вслед за Мальцевым отправишься?

Явно не ожидавший такого поворота, начальник горотдела даже онемел на время, а потом взревел, как бык, вскочил из-за стола, в руке у него был револьвер:

– Убью, сука! Застрелю...

Похоже, и Кутько не ожидал такой реакции от своего мягкосердого и добродушного начальника, потому и рухнул на колени у стола с побелевшим лицом:

– Антон Иванович, помилуй, не губи! Бес путал... Уйду, сегодня же уеду... Никогда не услышишь про меня больше. А все грехи, если придут за тобой, вали на меня. Теперь с меня все взятки гладки! Вот ключ от сейфа – все документы там...

Он успокоился, поднялся на ноги, отряхнул свои заношенные галифе. Но всё ещё опасливо поглядывал на револьвер Кравцова.

– Ну, застрелишь ты меня сейчас, комиссии приедут, станут всё ворошить... А так-то оно, может быть, ещё и обойдётся, да только меня здесь уже не будет...

Кравцов так же успел просчитать вариант с убийством: даже если он застрелит этого мерзавца сейчас, то, действительно, не миновать проверок из управления, а может быть, из самого наркомата, а там могут такое нарыть... Тяжело переводя дыхание, не отводя револьвера со своего визави, он выдавил хриплым голосом:

– Всё просчитал! Исчезни, мразь! Навсегда исчезни!

Бросив на стол начальника ключи от сейфа, уже со спокойным лицом и пружинистой походкой Кутько вышел из кабинета. Никто из сослуживцев, кто встретился ему на пути, никогда не догадался бы, какой разговор у него состоялся несколько минут назад со своим начальником. Впрочем, за стенами отдела это был уже не Кутько, а Борис Иванович Кульков. Новый паспорт он изготовил себе заранее, едва узнав о бегстве своего дружка Карманова...

***

Лето всегда было милостиво к сибирскому мужику, щедро оделяя его солнечным теплом и светом, дарами земли, возделанной его умелыми руками, женскими улыбками и звонким ребячьим смехом, который так редко был слышен в короткие и суровые зимние дни. Закончились школьные дни у Егорки, и теперь он был представлен сам себе, но под строгим надзором бабушки Алёны. Вместе они помогали бабе Вере

по дому, в огороде, а как пошли грибы да ягоды, втроем ходили в ближайшую рощицу и на обступившие её луга. И чисто было дома, и стол всегда накрыт к приходу Максима Иваныча с работы, а всё бурчит он недовольно да шпыняет свою жену, особо не разбираясь, поделом или понапрасну. Попробовала Алёна Ивановна раз-другой вступить за сестру, но разве уследишь за всеми его выходками – норовил обидеть жену без свидетелей, и всякий раз заступничество старшей сестры оборачивалось для неё новыми слезами. Дозвалась Алёна Ивановна сестру на откровенный разговор и сама не возрадовалась услышанному: мало того что обобрал Максим Веру, присвоив все деньги от продажи бачатского дома, так ещё и разлучил с родной дочерью...

– Да что ж ты его терпишь, Верунь, аль мужик такой бесценный на наш бабий интерес?

– Да кого уж... Одно дело, что спим вместе, а толку-то...

– А с виду мужик крепкий ещё... Пятьдесят ему?

– Пятьдесят три, а толку-то...

– Ой, Вера, неужто мы вам мешаем с Егоркой? Какие уж тут потехи, когда за шторкой чужие сопят...

– Да нет, Алёна, полюбовницу он себе завёл на шахте. Она полемойкой работает, грязь по углам чистит, да там же в углах и милуется с ним, а то к нему в каморку бежит. Ему-то что: спустил клеть с рабочими – и свободен. Главное-то, далеко не отходи от своей будки, а зазвонят снизу или по телефону – он тут как тут... Всё успеваешь Максим Иваныч. До этого с ламповщицей шашни крутил, пока мужик её не выследил их... Побил обоих, а его-то чуть в дырку не сбросил... Сказывали потом шахтёры, что даже в забое было слышно, как кто-то ревел наверху... Видать, мой Максюша жизнь свою вымалывал... Разбирались начальники, да не разобрались, а баба эта с мужиком-то быстро рассчитались с шахты... С год, поди, тихо жил, а потом опять потянуло... Чёрного кота сколько ни мой – всё одно не отмоешь! А тут ведь что удумал: тобой совладать захотел, гад этакий! Ты думаешь, что он Никиту отговаривал от поездки? А-а, всё подгадывал, как тебя в лесу да ночью поприжать...

– Ой, сестрёнка, это мы с Никиткой сразу поняли, потому-то было не по его, а по-нашему...

– А терплю всё потому, что денег, сказал он, никогда не отдаст, а к дочери идти – у неё свой мужик не лучше, да и домик маловат... В барак

уйти – нельзя, потому как здоровье у меня совсем поломалось: застужусь мало-мало или работа в тяжесть – задыхаюсь, того и гляди захохочусь...

– Я заметила, – грустно отозвалась Алёна. – Никак грудная жаба тебя давит?

– Она самая! Врач мне так сказал, что-то прописал, да, видно, поздно уже... А он, Максим, злыдень, проведаль, что как расстроюсь я, так задыхаюсь, и иногда нарочно гундит и гундит... Обормот окаянный!

– А если к полюбовнице уйдёт?

– Да ради Бога! Я бы деньги все ему простила, лишь бы избушку эту оставил... Да куда ему: ей ведь тридцать лет только, а за её хвостом столько котов бегают. Ему ведь и от этих кавалеров уже не раз доставалось. Здоровый мужик, а в шахту не хочет лезти: боится, что задохнётся или присыплет его там. Все мужики как мужики: работают, деньги хорошие получают, а у него зарплата – с гулькин нос. Потому-то он так схватил ваши деньги со стола, когда Никита впервой принёс получку: никогда столько не держал в руках...

– Это мы тоже поняли, – усмехнулась Алёна. – Но мы более потачку не давали ему...

– И правильно, сестричка...

– Бедная моя Вера! – Алёна притянула сестру к себе, ткнулась в её плечо лицом. – Намедни с Никиткой поедем место выбирать, где дом ставить будем, выпишем лес, уже плотников подыскали. Никита заверил меня, что за полгода построят дом-от, и к сорок первому будем жить в новом доме... И тебя с собой заберём, мы ли не родные сёстры?!

– Да-да, Алёнушка, ты мне всегда заместо матушки была... Господи, и почему ты так рано отнял у нас и батюшку, и матушку?! За какие грехи тяжкие?

– То не боженька их отнял у нас, а злые вороги... Он ведь там один, а нас столько много... Не уследил, похоже, Вседержитель, но Фёдор-то, Гордея брат, наказал того злодея в Томске, за что и в тюрьму попал...

И поведала Алёна Ивановна родной сестре те самые потаённые события из своей жизни, о которых та знать не могла, открылась, что отцом её Никиты был не Гордей, а Фёдор, и как потом братья оберегали её женскую честь и детскую душу Никитки. Вера Ивановна слушала сестру широко раскрытыми глазами и лишь удручённо кивала головой.

– То-то я думаю, в кого он такой рыжий? Вы-то с Гордеем темноволосые, опять же Никитка тонкой кости, не в Гордея... Ай-ай! А сам-от он знает про своего отца Фёдора или как?

– Сама я не говорила, Фёдор с Гордеем – не могли сказать, для них это была святая тайна, а если кто-то из чужих обмолвился... Не знаю, истинный Бог, не знаю, а сам Никитка никогда даже намёка не сделал и Гордея до последнего звал «батей» или «отцом».

– Ну и слава Богу, что так всё случилось! – подвела итог разговору Вера.

Разговор их начался случайно, пока Егорка бегал на улице с ребячнёй, а Максим и Никита были на работе. За разговором сёстры присели за стол, и хозяйка вмиг накрыла его и выставила на стол свою наливку из смородины. Чуть порозовевшие от выпитого, а главное, от душевных разговоров и воспоминаний, сёстры вовремя спохватились, бросив взгляд на ходики: через час-полтора придут мужчины, которым совсем ни к чему знать об их секретах.

– Дольше терпела, Верунька, потерпи ещё немного, и уйдёшь вместе с нами от этого остолопа, а пока не будем дразнить судьбу... Главное, что мы вместе...

***

Как ни славно загадывали своё будущее сёстры Алёна и Вера, в девичестве Касаткины, а случилось всё не по их расчёту. Уже и место Кузнецовы выбрали под будущий дом на краю Нахаловки, как издавна на Руси называли никем не узаконенные строения на окраине какой-нибудь деревни, села или посёлка. Весной сорокового к месту застройки стали свозить лес, а к концу лета на месте будущей усадьбы высился густо пахнувший сосновой смолой сруб, схваченный сверху стропилами. Да тут заминка вышла небольшая: никак не мог Никита определиться, чем крыть крышу: тёсом, тем более соломой он не хотел, а кровельное железо было не по карману. Решили на семейном совете, что крышу покроют толем. Плотники заверили, что в новый, сорок первый год дом будет под крышей, а к лету и новоселье можно будет справить, пока же надлежало заказать рамы, стелить пол, покупать стекло. Но в одну из тёплых сентябрьских ночей, на самом излёте бабьего лета, их дом сгорел...

...Накануне той ночи, когда случился пожар, Егор спал беспокойно: просыпался несколько раз, плакал во сне. Только он успокоился, как

уже за полночь вернулся Максим. Алёна Ивановна слышала робкий голос сестры:

– Как же так, Максюш, вставать завтра в шесть часов на работу, а ты пьяной? Ну был бы выходной, а то...

Не вступая в разговоры с женой, цыкнул сердито хозяин и повелел ей помыть да высушить его сапоги. Когда он захрапел в своём углу, Алёна вышла в сени, где сестра при свете керосиновой лампы мыла мужнину обувь и ворчала себе под нос:

– И где его черти носили? Дождя сегодня вроде не было, вчера только побрызгало... Все улочки в посёлке пробыгало, грязи нет, а он, словно нарочно, где-то нашёл её. Да не просто грязь, а с опилками, глякось, Алёна! – И она протянула сестре недомытый сапог. – Неужто, кобель старый, опять каку бабу нашёл, которая на выселках живёт?

Успокоив мало-мало её, Алёна отправилась спать на кровать к внуку...

Максим Иванович всегда работал в день, и потому, когда Никита возвращался из ночной смены, они обычно встречались в коридоре комбината, куда Максим приходил на участок для получения задания на смену. Здоровались, как правило, сдержанно, перекидывались парой слов: как дела, что нового. В это утро они не встретились, и потому Никита первое, что спросил по возвращении домой:

– Не проспал Максим Иваныч, тётъ Вер? Что-то не встренул я его нонче.

– Да как же, ушёл, да чтой-то раньше ушёл сегодня, вроде как торопился...

– А-а, ну да... – неопределённо протянул Никита, встречая взглядом мать, вышедшую к ним в кухню.

– Тебе какое дело до Максима Иваныча, садись ешь... Хлеб, картошка, молоко, яйца варёные... Если хочешь, огурцов малосольных принесу.

– Не-е, мать, молока и картошки хватит... Смена тяжёлая была... Засыпаю на ходу...

– Ешь да ложись на сундуке, здесь хоть тепло. За ночь-то все тепло из бани выдуло, а на улице уже стыло...

– Ладно, мам, у меня там тулуп есть...

– Вот ты смотри, Вера, – продолжала ворчать Алёна Ивановна, пряча под платок растрёпанные за ночь волосы, крепко побитые седьмой. – Когда уж Илюшку отвезли тётке, я с Егоркой сплю в горнице, а на кухне сундук

свободный... Нет чтобы Никитке сюда перебраться, так он – «не можно!». Самого бы его в баню на всю зиму!

– Уж я тоже говорила ему сколько раз про это, а он упёрся – и всё! Злыдень, одно слово!

– Ничего, Веруня, скоро уж дом достроим и уйдём все от него. А что, пусть один тут с мышами воюет!

– Ой, Алёна, глядит-ко, Никитка вовсе уснул за столом! Уложи его на сундук, всё равно Максима весь день не будет... Пусть спит в тепле, сейчас я ему матрасовку кину и подушку принесу...

Уже через несколько минут, отвернувшись к стене, Никита крепко спал в кухне на широком хозяйском сундуке. Не прошло и часа, как в дверь постучали, и вошёл незнакомый мужчина.

– Здравствуйте, добрые люди! Извиняйте, что спозаранку к вам с дурной вестью... Лукьян Заботин я, по соседству живу с вашей избой, что вы строите, с вашей бывшей избой...

– Как это – «с бывшей»? – из горницы вышла Алёна Ивановна.

– Беда случилась, хозяйка... Сгорел ваш дом нынешней ночью, как будто из соломы он был. Пробовали тушить, да где там! У меня весь забор сгорел... Вы уж Никиту Гордеича упредите как осторожнее, а то, не дай бог, удар его хватит... Извините, натоптал я вам тут... У нас там дождик мелкий был с ночи, грязюка несусветная!

Алёна и Вера непроизвольно поглядели на сапоги гостя, измазанные грязью, глиной вперемешку с опилками...

– Бывайте здоровы, товарищи женщины, а мне недосуг...

– Лукьян... уж не знаю, как по отчеству, – Алёна Ивановна, ещё не пришедшая в себя от полученного известия, остановила его уже в дверях. – Как же это?.. А пожарных-то не вызвали, может, потушили ли бы?

– Не ездят туда пожарные, пробовали звать, да всё без толку... Одно слово – Нахаловка! Да и телефона там ни у кого нет, а дом-то уж шибко быстро сгорел, будто соломенный... Извиняйте за дурную весть...

...Долго сидела Алёна Ивановна, словно закаменевшая от страшной новости, тупо уставившись в пол. Повздыхав и проплакавшись, Вера Ивановна подступилась к сестре – её отрешённость уже пугала её. Плохо слушая слова утешения сестры, Алёна Ивановна с мрачным выра-

жением лица поднялась с табуретки и замогильным голосом произнесла:

– Пойду я, Вера...

– Куда? Куда же ты пойдёшь такая-то?..

– Туда пойду... Посмотрю на наш дом да помолюсь... Я ведь хотела старость в своём доме встретить, а вишь, как получилось: ни кола ни двора, хоть снова в Нарымскую тайгу отправляйся, там хоть бараки есть... Ты Никитку-то не буди покуда, пусть поспит, а я быстро обернусь, тут всего-то версты полторы – две... И как же мы не увидели огнище-то от пожара?

– Дак спали ж мы, Алёнушка, ты же от Егорки не отходила, да и промеж посёлком и Нахаловкой взгорок... Из-за него, должно быть, и не увидели зарева огня... А вот что, Алёнушка, я, однако, с тобой схожу, мне спокойнее будет, а Никитка пусть поспит... Ещё успеет опечалиться...

Неторопливо и горестно обошли женщины место пожарища. Из тех десяти – двенадцати избёнок, что и составляли весь жилой фонд Нахаловки, никто из жильцов не вышел к ним. Оно и понятно: чужая беда шибко не жалит. Похоже, свои невзгоды так одолели их, что на сочувствие другим бедолагам уже и сил не осталось. Алёна Ивановна, помогавшая сыну выбрать место для избы и позднее не раз бывавшая на стройке, сейчас неторопливо обходила пожарище, что-то отмечая про себя:

– Кирпич тут был, десятка два-три, на будущую печку припасали, ан нет его! А вот тут Никитка лес сгружал неделей раньше, на пол выписывал...

– Чего ты бормочешь, сестрёнка? – Вера слышно подошла к Алёне.

– Тёс, говорю, был здесь, доски строганные на пол... А теперь их нет, а вон следы на земле: видно, волочили их, а вон и свежий след телеги...

– Никто не тушил дом-от, а вместо того доски растащили! У-у, ироды жадучие! – Вера Ивановна сжала сухой кулачок и погрозила пустым окнам близ стоящих домов.

– Похоже, так, Веруня, огонь нас разорил, а эти варнаки довершили чёрное дело. Потому и сидят по своим углам, что стыдно в глаза глядеть погорельцам. Да разве в Урском при такой-то беде соседи так себя вели бы? Эх, советская власть, кормит в полчашки, поит в полкружки, потому и народ нынче стал такой вороватый. У тяти с мамой в избе и запоров не было, и калитка не запиралась, а никогда ничё не пропадало, а тут цельный штабель растащили в одну ночь!

– Э-э, Алёнушка, как бы не так! Забыла, как Филька Змазнев и Илья Гвоздев умыкнули у Ермохи Лукина поросёнка? Нет, наверное, всегда тати водились на Руси, и при царе, и при Советах. У кого совесть дырявая – всегда так...

– Точно, сестрёнка, был такой грех, – с какой-то безысходностью в голосе проговорила Алёна Ивановна, – да только ты не знаешь, наверное, по малолетству своему, что когда доказали кражу этого поросёя и Калистрат Потехин пригрозил, что доложит о воровстве уряднику, то Гвоздев-старший отправил Лукиным за поросёнка три рубля, четверть доброго самогона да головку сахара. На том и замирились. Но нам-то здесь никто ничего не вернёт и не подскажет, даже если и видели этих поджигателей: другие нынче времена, другими стали люди... Пойдём, Веруня, глянем, что в нутре-то творится, может какой след сыщем, да только осторожнее будь, а то некоторые горелки ещё огнём дышат... И дождик поутру был, а всё ещё теплятся брёвны-то...

В центре пожарища сильно пахло керосином, среди обгорелых головёшек нашли они почерневшее от сажи и огня ведро и несколько разбитых бутылок. И эти женщины, совсем не искушённые в вопросах сыска, но повидавшие на своём веку немало бед и невзгод, поняли сразу: поджигатели именно в них и принесли керосин для своего чёрного дела. Но главная тайна: кто совершил поджог и зачем, им не открылась...

И всё это время из-за занавесок неказистых избушек за двумя пожилыми женщинами наблюдали невидимые им жители Нахаловки, кто равнодушно, кто с испугом. Нет, чужая боль не больно жалит...

ГЛАВА 4

Большая беда упала на плечи Кузнецовых, не первая и, как видно, не последняя. Проснувшись после ночной смены в тот самый день, когда сёстры побывали на пожарище, Никита, выслушав мать и тётку, как очумелый выскочил из дому... Вернулся домой глубоко за полночь, вдребезги пьяный. Никогда мать не видела сына таким, но ни слова осуждения у неё не вырвалось: встретила, помогла раздеться и уложила в кухне на сундуке. Следующий день у него был выходной, и потому он долго лежал на своей лежанке, отвернувшись к стене и дожидаясь, когда уйдут Максим Иваныч – на шахту, а Егорка – в школу, после чего встал, и первый вопрос, что он задал матери, был такой:

– Как жить, мама, когда жить не хочется?

– Не гниви Бога, сынок, такими словами! Будем жить, как раньше жили: не себе в радости, так врагам назло. Съезжать, однако, всё равно придётся, в барак пойдём... Как думаешь, твои начальники дадут нам комнату в бараке? К твоей работе и школе Егоркиной всё ближе, да и мешать не будем Максиму Иванычу, а то он шибко тяготиться нами стал, похоже, мешаем мы ему...

– Да что ты, Алёнушка, пошто так говоришь? Он совсем наоборот говорит: жить Кузнецовы будут у нас – легче невзгоды одолеем, опять же с деньгами получше будет, а мне уже сказал он, что Никита пусть перебирается из бани в дом, места всем хватит...

Сказала так и вдруг замолчала, словно оцепенев от каких-то своих тайных дум, потом заплакала и выбежала из дома.

– Что это с ней, мам? – спросил Никита. Как ни был он погружён в своё горе, высказал удивление. – Мы погорельцы, а не её Максим Иваныч, что же так убиваться-то?

– Сдаётся, сынок, у неё жизнь тоже не мёд, она ведь от своего благоверного к нам уйти хотела, а тут такая история... Тяжело с ним и нам, и ей, но пока будем решать с комнатой в бараке, никаких разговоров промеж собой не говорить, на Максима не грешить словами и подозрениями. Даст Бог, оставим их к Новому году. Надо будет, я пойду работать, подкопим денег и построим свой дом. Без своего угла только кочевой цыган жить может, а всякому нормальному человеку крыша над головой нужна. Я на стол соберу, ты поешь, а потом сходи на шахту, к самому главному начальнику просись, про барак объясни как-нибудь посерьёзнее да пожалостнее, чтобы не отказали, а потом найди участкового нашего, Корнея Иваныча Петухова... Обскажи всё, что знаешь про пожар, а то, не дай Бог, нас самих в поджигатели запишут – время-то опять, похоже, хмурится, да тут про германца люди разное говорят: война, мол, будет... Не слыхал?

– Со мной никто такие разговоры не ведёт, а в газетах да по радио говорят, что у нас с Германией дружба нынче – пакт о ненападении...

– Ну и дай Бог, чтоб так и было... – Алёна Ивановна повернулась к иконе в углу и широко перекрестилась.

Жилищный вопрос, как ни странно, решился почти сразу: в шахтном комитете ему сказали,

что к октябрьским праздникам из барака съезжает одна семья, и просторная комната с печкой освободится.

– А всё потому, что её хозяин решил поменять шахту на цинковый завод: деньги те же, а риску для жизни никакого. Смотри, может, и ты дезертируешь от нас? – Пожилой лысоватый профсоюзник пылливо вглядывался в посетителя.

– Да нет, товарищ, я буду работать, пока здоровье позволит, нравится мне шахта...

– Тогда – лады! Сейчас напишешь заявление, а потом принесёшь копии документов на своих родных и выписку из домовой книги. Характеристику на тебя мы сами запросим. На всё про всё тебе две недели!

Своего участкового Никита застал в комнате милиции лишь на третьи сутки. И вместо приветствия милиционер устроил ему настоящую взбучку. Развалившись на старом, затёртом деревянном диване, когда-то, видимо, имевшем прописку на железнодорожном вокзале, с растёгнутыми пуговицами гимнастёрки, из-под которой было видно несвежее бельё, он буквально рывкнул на вошедшего:

– Ты что... твою мать, скрываешь от органов факт поджога? Ты что, потакаешь преступникам, или ты сам этот поджог устроил, а? Почему я должен ждать тебя целых три дня?

– Извините, я все эти три дня приходил сюда, но вас не было – замок висел. А я работал в первую смену и мог прийти только после работы. И потом, умные люди мне сказали, что когда пожар или ещё какая беда случается, то пожарные и милиция должны выезжать на место сами. Но почему-то никто не приехал на место пожара ни ночью, ни потом. А ведь это ваша работа, Корней Иванович?

– Это где ты нашёл таких умных людей? Ну? Фамилии? Адреса? Будешь мне указывать, что делать! Не много ли берёшь на себя, как тебя... Кузнецов Никита? Это если в нормальном доме беда случилась, а у вас-то там Нахаловка! Ни разрешения на строительство, ни прописки, ни налогов с вас не берут! Вас вроде как и нет вовсе, так куда же нам ехать-то, а? Всё это до поры до времени, конечно, пока Красюк хлопочет, чтобы не трогали вас, нахалов. Пусть, мол, обустроятся сами, потому как у шахты нет возможностей строить дом каждому работнику, а уж потом мы их всех узаконим – всё равно посёлок будет шириться в ту сторону.

– А кто этот Красюк? – удивлённо спросил Никита.

– Как кто? Вот чудак человек! Красюк Василий Никифоровч – это ж начальник шахты, на которой ты работаешь!

– А-а, ну-ну, я так высоко не хожу, мне своего начальника хватает да бригадира...

– Ну вот и иди к ним, может, они найдут, кто твой дом спалил.

– Так это милиция должна делать, а не бригадир с начальником!

– Много ты понимаешь, Кузнецов: документов нет, значит, и дома нет, а коли дома нет, то и гореть нечему! Лес украли? Покажи документы, что ты его купил и где купил. А-а, нету документов, так почему я должен тебе верить, что лес был и сколько его? А?

– Так, люди-то видели, что лес был и дом был...

– Ещё ни один сюда не пришёл и не рассказывал мне о пожаре, ни один! А ежели твоя родня это подтвердит, так на то она и родня, чтобы тебя выгораживать во всяких таких делах. Запомни, Кузнецов, на нет, как говорится, суда нет, а также ни милиции нет, ни пожарных! И по сводке нигде пожар не прошёл, так чего же ноги бить? Кого мне искать?

– Но ведь там обгорелые брёвна остались, видно, что пожар был...

52

Железная логика старого милиционера обескураживала Никиту, но он всё ещё надеялся достучаться до его совести, но эти надежды таяли с каждым следующим словом этого законника.

– А может, кто костёр ненароком на пустыре развёл да забыл потушить? А может быть, ты сам мяска жареного захотел? Поросёночка заколол, костерок развёл да и шашлык принялся жарить, а? Хорошая версия? Нечаянно спалил уворованные брёвна (справочек-то на них у тебя нет!), а теперь хочешь, чтобы я лоб расшиб в поисках того, чего не было?!

Слушая эту ахию старшего лейтенанта, Кузнецов даже онемел от изумления: на что готов идти этот прожжённый служака, чтобы только отвести от себя всякую ответственность!

– А чего же вы на меня всех собак спустили поначалу: «...скрываешь факт поджога, три дня ждал...»??

– А это... для порядку! Чтобы знал, у кого здесь власть и кого бояться надо, а то вишь!..

– Простите, гражданин старший лейтенант, я, похоже, зашёл сюда по ошибке: ничего не было, ничего не случилось... – Он резко развернул-

ся и пошёл к двери, но его остановил новый окрик хозяйна кабинета:

– Стоять! Я не отпускал тебя!

На удивление проворно Петухов вскочил с дивана и подошёл вплотную к Никите. Низкорослый, он доходил ему только до плеча, толстые, обвислые щёки побагровели, а губы непрерывно двигались, хотя изо рта в это время не выскочило ни одно слово.

– Про пожар, про дом, про лес ты должен забыть: мне не нужны разные гадости на моём участке! Мне людей надо охранять от жуликов и бандитов, а не каких-то нахалов из Нахаловки! Максим, у которого ты квартируешь, мужик, конечно, гов...ный, ну да ты его сам выбрал. Поможешь мне его посадить – и я тебе помогу, потом... когда-нибудь, а сейчас ступай, но о разговоре – ни слова! Нужен будешь – свистну...

– А я не бобик и на свист не откликаюсь! – с вызовом ответил Никита, открывая дверь: взбешённый наглым поведением милиционера, в конце разговора он не сдержался, о чём потом не раз пожалел...

* * *

Переезд в барак Кузнецовы наметили на Седьмое Ноября: праздничный день, у Никиты – выходной. После переезда собирались идти на митинг, который должен был состояться в десять часов на площади перед зданием комбината шахты. Свои планы о переезде квартиранты до последнего держали в секрете от Максима Ивановича, хотя свою сестру Алёна Ивановна всё же предупредила, но взяла слово, чтобы та ничего не говорила мужу. То-то удивился хозяин, когда увидел, что ни свет ни заря его постояльцы, едва попив чаю, стали выносить из разных углов его дома заранее приготовленные узлы. И как это он их не заметил?! А их было немного: со столовой посудой, с бельём, с зимней обувью, да нарымский деревянный чемодан – не шибко разбогатели Кузнецовы за те два года, что жили на постое у Шомониных. Вещи сложили на тележку, которую Никита вывел из-под навеса и поставил к крыльцу.

– Да как же это, братцы? Ни с того ни с сего... Так славно жили, и вдруг?! Да хоть бы предупредили заранее, а то как-то не по-человечьи!

– Всё путём, Максим Иваныч, – с едва заметной усмешкой ответила ему Алёна Ивановна. – Ты – весь в трудах, а нам, бездельникам, делать нечего, да и долго ли собрать наше богатство. Голому одеться – подпоясаться.

– А не рассказывать о переезде меня попросили в шахтном комитете, – вставил своё слово Никита, – комнат-то не хватает всем. Узнают – ходоки пойдут, жалобы. Вот я и послушался совета профсоюзников, а то бы мы, конечно, всё рассказали вам, Максим Иваныч.

Зная его зловредный характер, Никита специально сослался на шахтком: поверит или не поверит – его дело, но справляться туда он не пойдёт да и досаду свою не так будет срывать на Вере Ивановне.

По улице шли неторопливо. Никита толкал перед собой тележку с вещами, чуть поотстав, за ним следовали Алёна Ивановна с Егоркой. Позднее осеннее солнце, словно к празднику, подкрасило день теплом и светом. От комбината шахты, что находился в полукилометре от дома Шомониных, доносилась бравурная музыка, и невольно все, кто в это праздничное утро шли по улице, старались подстроить свой шаг под неё. Именно туда и направлялись прохожие с красными флажками, цветами и самодельными плакатами. Некоторые, с кем успели Кузнецовы познакомиться за время проживания в рабочем посёлке, раскланивались с ними, поздравляли с праздником. Алёна Ивановна и Никита отвечали тем же. Глядя на взрослых, стал откликаться на поздравления и Егорка. Едва успели составить вещи в комнату, ключ от которой Никита заранее получил в шахтном комитете, как около здания комбината начался митинг. На площади собралась многочисленная толпа жителей посёлка с красными знамёнами, портретами партийных руководителей и прежде всего товарища Сталина. С небольшим опозданием и Кузнецовы влились в праздничные ряды шахтёров.

А ораторы уже всю говорили о роли и завоеваниях великого Октября, призывали поддержать стахановское движение и своим трудом крепить мощь советского государства. Негромко, но тревожно прозвучали слова о мировом империализме, который готовится раздуть мировую войну...

Егорка, впервые оказавшийся на митинге, оживлённо крутил головой, жадно всматриваясь, как реагируют на выступления люди, сам принимался хлопать вслед уходящему с деревянной, наспех сколоченной трибуны оратору.

– Егорка, что ты тут понимаешь? – с улыбкой поддела внука Алёна Ивановна.

– Да всё понимаю... Про врагов ампиралистов... – несколько смущённо откликнулся Егор.

– Ничего, мам, пусть слушает, пусть взрослеет, такие собрания плохому не научат, – подержал сына Никита, то и дело оглядываясь по сторонам.

– Ты что всё озираешься, потерял кого?

– Ребята из бригады должны быть здесь... Я не успел сказать тебе, что переезд хотим отметить, а заодно и праздник... У нас есть чем закусить-то? Я там две бутылки водки купил...

– Ну вот, а что я тут с вами стою тогда? Надо бы печку протопить, чаю скипятить...

– Мам, да кто же водку чаем запивает?

– Сало солёное есть, хлеб, огурцы солёные, капуста – Вера уже в сенях подсунула мне в мешковине, чтобы Максим не увидел.

– Ну вот и новосёлы всей семьёй! – раздался за спиной весёлый мужской голос.

Никита и Алёна Ивановна обернулись: перед ними стояли четверо мужчин, по-праздничному одетые, все в каракулевых шапках, шерстяных цветных шарфах и серых бурках. Трое – ровесники Никиты, а обладателем весёлого голоса оказался мужчина лет пятидесяти, с приятным открытым лицом, усеянным мелкими морщинками около глаз и с несмываемой шахтёрской «краской» на ресницах. Его густые серые усы улыбочиво топорщились на аскетичном лице. – А мы решили, вы передумали переезжать, и всё спорили, куда подарок девать.

– Какой подарок? Вы что, братцы? – Никита растерянно оглядывал товарищей.

– На новоселье без подарка не ходят, – отозвался коротенький в рост, но широкий в плечах паренёк. – Кузьма Иваныч, подарок-то щас дарить?

– Ты что, Васька, с ума сошёл? – одёрнул коротышку усатый Кузьма. – Подарки за столом дарят...

– Мама, это мои друзья, – одолев растерянность, Никита представил своих товарищей. – Кузьма Иваныч Сидоров, наш бригадир, Василий, Леонтий, Саша...

– Товарищи, вы что тут устроили саботаж какой-то? – пожилой мужчина в шляпе и с красной повязкой на рукаве строго оборвал их оживлённый разговор. – Вы на политическом мероприятии и попросу соблюдать правила поведения сообразно моменту! Все разговоры прекратить!

Компания удручённо замолчала и теперь только молча переглядывалась.

Алёна Ивановна шепнула Никите:

– Вы тут пока послушайте этих говорунов, а мы с Егоркой пойдём... Я хоть печку затоплю, узлы распакую, а вы подходите...

Поняв, что Алёна Ивановна собирается уходить, Кузьмич шёпотом распорядился Василию вместе с подарком идти следом и выполнять все приказы хозяйки...

Только к обеду появились участники митинга. Замёрзшие, голодные, они громкогласо, с шутками ввалились в просторную комнату, которая теперь должна была стать обителью Кузнецовых.

– Алёна Ивановна, как тут себя вёл наш Васька? – сняв пальто и потирая озябшие руки, громко и весело спросил Кузьма. – Может, его на гауптвахту отправить надо?

– Да за что же, Кузьма Иваныч, хорошего человека в кутузку? Он и печку растопил, и свет поправил... Там что-то выключатель не работал. И даже пол помыл!

– О-о-о! – раздался дружный возглас удивления всей компании.

– Тогда ему лишнюю чарку нальём, за особое усердие! – объявил бригадир.

– Егорка занавески повесил на окна, а я уж около стола хлопотала. Мойте руки – и за стол! – так же весело, в тон общего настроения командовала хозяйка.

Когда, наконец, закончились все предобеденные хлопоты, когда гости и хозяева расселись за праздничным столом, со стаканом в руке поднялся с места Кузьма Сидоров.

– Надеюсь, хозяйка Алёна Ивановна позволит мне сказать несколько слов... Первый тост всегда должен быть по случаю повода: день рождения, победа какая, награда... Мы пришли поздравить своего товарища с новосельем. Сам по себе это повод достойный, но так случилось, что новоселье совпало со славным праздником – с двадцать третьей годовщиной нашей Октябрьской революции. Пусть же наши новосёлы навсегда запомнят эти два события и радуются вдвойне! Ура, товарищи!

– Ур-ра-а! – негромко, но дружно прокричали собравшиеся.

– А за товарища Сталина почему не пьём? – задал вопрос один из гостей, пользуясь минутным затишьем, когда вся компания опустошала свои стаканы за провозглашённый тост.

– Кхе-кхе, – закашлялся Сидоров последними каплями спиртного и сурово глянул на своего

младшего товарища. – Вечно ты, Леонтий, лезешь поперёд батьки и в пекло, и в забой! Не помнишь, как тебе кливажом чуть нос не подрезало, потому что старших не послушал? Видать, тебе урок не впрок. За товарища Сталина надо пить отдельно и только стоя. Вот ты и скажешь этот тост, а сейчас надо хорошо закусить...

Даже такая взбучка не испортила настроение честной компании. Тосты следовали один за другим, общий разговор то и дело прерывался весёлым смехом, но когда кто-то попытался закурить за столом, Алёна Ивановна строго потребовала, чтобы все курильщики вышли на улицу.

Когда мужчины вышли, за столом остались Алёна Ивановна и Кузьма Сидоров.

– А вы что же не курите? – спросила хозяйка.

– Да уж, видно, откурил своё, и так воздуха не всегда хватает. Десятый годок пошёл, как отказался от табака.

Егорка какое-то время сидел за столом вместе со взрослыми, но, насытившись, тихонько забрался в дальний угол на кровать и задремал. Проводив глазами юношу, бригадир остановил свой взгляд на самоваре, что стоял на тумбочке в углу, высвечивая ярко начищенными боками.

– Как подарок, Алёна Ивановна, глянется ли вам?

– Ой, спасибо, Кузьма Иваныч! Вы как угадали нашу боль! Крестьянская изба без самовара – ночлежка! У нас был самовар, ведёрный, медный, да пришлось продать в трудное время...

– Никита что-то говорил о ваших бедах... Страшно было?

– Всяко было, Кузьма Иваныч: и болели, и умирали там. Мать Егорки бандиты убили, а сестру его похоронили ещё в дороге... Мы ведь спецпоселенцы, Кузьма Иваныч. Не помешает вам такое знакомство? Вы, должно быть, человек заслуженный, бригадир? Вас такие беды, наверное, обходят?

– Да, Алёна Ивановна, трудное время мы пережили, и дай Бог, чтобы оно не повторилось! Вам в ссылке досталось, а нас тут трепали почём зря. Особенно старался Иван Викентьевич Лихарев – в Белове он работал, а может, и сейчас ещё работает... Почти каждый день тут появлялся. То одного арестуют, то целую бригаду – у нас на шахте, на железке, в колхозах... И рабочих брали, и начальников. У себя-то мы быстро сообразили: чекисты сами не могут знать о всех наших бедах, они ведь в шахту не лезут – боятся. А тут на тебе: ленту конвейера заштыбова-

ло – простой. Три часа разбирали завал, а эти архангелы уже знают и начинают трепать: саботаж! Диверсия! Шланг воздуховода порвало – вредительство! Поняли, что кто-то из своих же рабочих «стучит» в НКВД. Стали присматриваться друг к другу. Противное дело, когда в каждом врага ищешь! И как это может нравиться милиционерам, озвереть же можно от такой работы, невольно какой-то нюх звериный вырабатывается! Сам звереешь...

– И помог вам этот нюх?

– Похоже, да. Одного взяли, другого, ещё кого-то. Стали просчитывать: кто рядом был, кто мог видеть и слышать... Ага, такой-то был и там, и там... Прижали – сознался. Отправили в завал...

– Это как же – «в завал»? – Алёна Ивановна недоумённо смотрела на собеседника.

– Там, внизу, длинные коридоры в земле прорублены, целые улочки и переулочки, забои, штреки, уклоны... Целый город под землёй, Алёна Ивановна! Где-то крепко стоят стены и потолок, а где-то «гуляют», того и гляди обрушатся...

– Свят-свят! – женщина испуганно перекрестилась. – А как же вы там лазите, да ещё работаете? Присыплет же!

– И так бывает, и газ взрывается иногда... А чтобы не присыпало – крепим выработку лесом, стойками, затяжками... Помогает иногда...

– И как же – «в завал»?

– А вот когда обличили этого предателя, Иуду, значит, бросили его в угол выработки, где «крыша гуляет», одну – две стойки выбили – глыба-то и села на него. Того-то Иуду, говорят, на осине повесили, ну, у нас в шахте осины не растут, но надо как-то управу находить на предателей...

Алёна Ивановна с ужасом смотрела на Сидорова, с трудом веря его словам.

– Неужто так было?

– Было, Алёна Ивановна, было... А что делать: не уберём этого гада – по его доносу и дальше будут брать невинных. Шахта – это ведь не танцплощадка: там жара, газ, вода может прорваться, тряхнёт малость внутри, а камни, да немалые, прямо на голову могут упасть. И людей, бывает, калечит, убивает до смерти. Технику также выводит из строя, а чекисты ищут врагов да диверсантов. А эти Иудушки помогают им. Очень часто бывало, человек не виноват, а его уже нет – взяли. То бы в тюрьму садили – ладно, а ведь в тридцать седьмом сразу к стенке ставили! Ну разве можно так-то, Алёна Ивановна?!

– Да уж, и там – грех, и тут – грех...

– Но тут-то грех во спасение невинных, Алёна Ивановна!

– Да, да... – Алёна Ивановна от услышанного всё ещё не могла прийти в себя. Наконец спросила первое, что пришло на ум:

– Так ведь эти-то, милиционеры, могли вас поймать? Как же?

– Могли, конечно... Да только чекисты сами боятся лезти в шахту... Они ведь смелые только наверху, когда им солнышко светит да на боку пистолет висит, а там, в шахте, всякое может случиться... Пошлют какого-нибудь механика или инженера, чтобы он осмотр сделал места аварии... Вроде как «кспертизу сделал» и заключение дал своё, да тело на-гора подняли. Ну, а инженеры да техники – наш брат, сами этих стукачей боялись не меньше нас, вот и выходило всегда, что «погиб мил стукачок по причине сложных горно-геологических условий шахты да вследствие собственной неосторожности...». Ох и злились, говорят, энкавэдэшники, когда мы всех их шпиёнов таким образом вывели...

– А точно вывели?

– А как же? Аресты-то прекратились... Это в тридцать седьмом они были, в тридцать восьмом немного, а потом – как ножом отрезало...

– А сейчас? Их что, нет сейчас-то?

– Да кто ж знает, может, есть, да притихли: боятся нас больше, чем чекистов, потому и молчат. Тем-то ещё надо бумажки писать да вину доказывать, а у нас всё просто: раз – и в завал!

– А вдруг ошиблись вы и зря человека сгубили? Разве не может такого быть? А если по злобе личной кого уробили?

– Да ну, да разве можно по злобе-то?

– Ну а вдруг? – наседали Алёна Ивановна. – Ведь ты не Господь Бог, Кузьма Иваныч?

– Так-то оно так... Мы всё на десять раз перепроверяли, чтобы ошибки не случилось. А если вдруг кого-то по ошибке? Тут ведь как на войне, Алёна Ивановна, либо ты, либо тебя. А всё-таки свечу покаянную поставил я в церкви, хотя сам в партии состою... Вот такая у нас жизнь была ещё совсем недавно... А в этом году Лихарев ни разу здесь не появился. Может, помер?

– Да и у нас в деревне был такой герой – Кутько Богдан Иваныч. Злой был человек, казалось, всех бы в тюрьму упрятал!

– И где он сейчас?

– А кто ж его знает. Нас он отправил в Нарым, а сам тут продолжал командовать. Согре-

шу, наверное, но всё равно скажу: сдохнет такой вот человечико – не жалко! Много людям горя он сделал и в Бога не верил.

– И то верно, Алёна Ивановна, нельзя быть шибко добреньким, иные эту доброту против тебя и норвят оборотить... Ох, чтой-то разговарился я с вами – пора самого в «завал» отправлять: вот что делает с мужиком водка да красивая женщина! Ну вы уж не подведите меня, старого болтуна... Никому не говорите о моей пьяной болтовне...

– Ну об чём вы, Кузьма Иваныч, разве такие страхи можно рассказывать? Богом клянусь – молчать буду! А всё-таки вы хитрец, однако! Так, глядишь, и в самую душу заберётся! – сказала Алёна Ивановна и сама смутилась откровенности своей.

Это заметил Сидоров и, чтобы как-то скрасить смущение женщины, вскочил с табурета и двинулся к двери со словами:

– Да где же наши охломоны? Неужели всё курят?

В это время дверь распахнулась, и вся весёлая компания вместе с клубами прохладного воздуха ворвалась в комнату.

– Потеряли нас, наверное? – спросил Никита, подходя к столу. – Василий решил, что водка уже кончается, а выпить ещё всем хочется, повёл нас к себе в барак... Тут недалече оказалось...

– И что? – Сидоров вонзил свой острый глаз в Ваську-коротышку.

– А вот! – И он, вынув из-под полы пиджака четверть самогона, лихо водрузил его на стол.

– Ох, Васька! Ох, чертяка!

– Ребята, а ведь завтра на работу, как же?

– Алёна Ивановна, мы ещё чуток – и расходимся, а прогула завтра не будет. Времена сейчас такие, что любой прогул боком выйдет!

***

В конце января сорок первого года после работы на выходе из здания комбината шахты Никите повстречался участковый Петухов. В старой, разношенной шапке со звёздочкой на лбу, в полушубке, некогда имевшем белый цвет, с кобурой на боку, он, казалось, специально поджидал кого-то у крыльца. Народу было немного, поэтому Никита его сразу заметил и хотел незаметно проскочить мимо, но в последний момент тот успел ухватить его за рукав фуфайки:

– Кузнецов Никита, не торопись. Помнишь товарища Лихарева из горотдела?

– Ну-у, – неопределённо отозвался Никита.

– Не запряг, а понукаешь! Через три дня тебе надлежит прибыть к нему со всеми документами, что имеешь, для разговора по душам.

– Он что, поп, чтобы я с ним по душам говорил?

– Кузнецов, ты сам себя бойся! Или ты думаешь: слово – не воробей, не поймаешь? Слово ловить никто не будет, а вот тебя – зараз! Так что шибко не дёргайся там, а то матушка не дожждёт-ся тебя, а сынок осиротеет...

Никита до скрипа сжал зубы, чтобы только удержаться от резкости, а то ещё хуже – чтобы не ударить по этой самодовольной улыбающейся физиономии.

– Да смотри, это не я тебе свистнул, а товарищ Лихарев, старший лейтенант госбезопасности, враз в Нарым вернёшься!

– Спасибо, товарищ Петухов, что проинструктировали меня на все случаи жизни. Так и передам товарищу Лихареву!

– Ну ты и гад, Кузнецов! Ладно, если вернёшься назад, мы ещё поговорим с тобой, я тебя ещё «проинструктирую»!..

Старший лейтенант Лихарев встретил Никиту на удивление запросто.

– Как здоровышко, Никита Гордеевич?

– Спасибо, наверное, вашими молитвами, товарищ Лихарев...

– Ну, брат, это ты шутишь, должно быть: какие молитвы могут быть у члена партии и офицера госбезопасности? То-то же. Туберкулёз, значит, ты одолел, а как с работой?

– Да всё в порядке... – Никита отвечал односложно, ещё не понимая, куда клонит чекист.

– Так-так, а работаешь ты слесарем транспортной бригады. Так, нет?

– Да вроде так...

– Как, ГТК-3 работает?

– Ещё не работает, но смонтируем – отправим на пласт номер тринадцать.

– Почём знаешь, что на тринадцатый пласт?

– Начальство говорило...

– В этом году вам ещё две таких врубовых машин дадут, что делать-то будете с ними?

– Смонтируем и их, опробуем – и в шахту!

– Вот это хорошо, что ты знаешь, что говорит начальство, надо так же знать, что говорят работники...

– Да что они говорят: о делах домашних, про баб, анекдоты травят – ничего интересного.

– Ну, анекдоты – это как раз очень интересно! Через шутки да прибаутки из человека всё нутор порой вылазит. Анекдоты – это очень интересно! Поэтому, если ты будешь знать, кто их рассказывает, кому и о чём, а потом, как бы между делом, нам сообщать – вот тут бы дружба у нас завязалась...

Понял Никита, куда клонит Лихарев, и его даже в пот бросило. Вспомнил также предупреждение Петухова – осторожнее быть с чекистом, поэтому, изобразив на лице выражение дурачка-простачка, сказал вроде как растерянно:

– Да какая у нас может быть дружба, гражданин начальник? Гусь свинье, как говорится, не товарищ!

– Это кто же из нас гусь, а кто свинья, ась? – Лихарев ещё улыбался, а глаза уже буравили Никиту, что нож врубовой машины угольный пласт.

– Да это я так... к слову... В народе так говорят...

– А ещё что в народе говорят? У вас на прошлой неделе был порыв конвейерной ленты, сколько простояли? Сколько угля не отгрузили за смену? Почему вагонетки на скипе раз за разом кувырком идут? Опять теряем время, план по отгрузке угля не выполняем, а? Разве по-стахановски так работают?

– Так Стаханов вон где!

– Где?

– Как где, в Караганде... Ой, нет, в Донбассе...

Лихарев строго, уже без намёка на улыбку, смотрел на Никиту в упор:

– Ты мне Ваньку тут не валяй – в Караганде! В Бабанакново, на шахте «Пионерка» я должен знать всё, что творится: под землёй, на земле, в посёлке! Почему третьего дня не было мыла в мойке, отчего шахтёры голые и чумазые возмутились? Разве не безобразие это?

– Безобразие! – согласился Никита. – Издательство полнейшее над рабочим классом...

– Так вот ты узнай и скажи, кто занимается вредительством, кто обижает советских шахтёров! Кстати, кто громче всех кричал из шахтёриков – тоже важно...

– Товарищ Лихарев, вы и так всё знаете лучше меня... Боюсь, я вам тут не помощник...

– Не торопись, Кузнецов, отказываться, времена серьёзные наступают: вон с Германией вроде мировой договор заключили, а на деле всяко может быть...

– Неужто война будет, гражданин начальник?

– Но-но – «война»! Я такого не говорил, и ты не сей панику в моём кабинете! И что это ты меня «гражданином начальником» обзываешь? Вспомнил Нарымский санаторий? Что ж, и я напомним тебе кое-что: ты же работал сексотом на спецпоселении? Что молчишь?

– Никак нет, товарищ Лихарев, не было такого.

– А кто коменданту сдал банду Колесова? По твоей наводке их взяли... Жаль только, главарей упустили, ну да это уже не твоя вина, наши лажанулись...

– Они мою жену убили и потому я рассказал о них. Это уж потом побег обозначился...

– Не крутись, Кузнецов! Я ещё раз запросил материалы на тебя из Колпашево... Тебя ведь почему вернули домой из Нарыма? Больной, думаешь? Да кого это волнует: помрёшь – похоронят, в тайге много места! Помог ты нашим операм, болячка подвернулась да родственница в Белово обнаружилась, а тут приказ вышел, что неопасных и больных можно досрочно возвращать по месту жительства... Сам-то я этот приказ не видел в глаза, но считаю, что это ошибка: нельзя врагов распускать, нельзя к ним добренькими быть, потому как через это мы всю советскую власть можем проср...ть. Ну коль уж тебя прислали сюда – надо попользоваться тобой на всю катушку, а ты, Кузнецов, значит, в благодарность за доброту советской власти должен ей службу сослужить, а нет... – он сделал длинную паузу, продолжая смотреть на Никиту немигающими глазами. – Ну дальше ты сам понимаешь, что чикаться с тобой здесь никто не будет. Подписку я с тебя пока не беру, подумай, обживайся, знакомься с производством, с людьми. Транспортники – народ беспокойный, они по всей шахте гуляют, а это нам на руку.

Никита с помрачневшим лицом сидел перед старшим лейтенантом и, казалось, не слышал его.

– Эй, Кузнецов, уснул, что ли?

– Я слушаю...

– Вот и ладно. О разговоре нашем – никому! Проболтаешься – я тебя взадь отправлю, в Нарым, а то ещё дальше – на Колыму. Ко мне придёшь в конце марта, после двадцатого числа. Раньше меня не ищи – я буду в отъезде, а сейчас даю тебе повестку... Мол, уточняли сведения по ссылке, по пожару. А в марте придёшь в свой выходной день, часов в двенадцать. Я тебе всё подробно обскажу, как будем жить, работать, где встречаться на явке. В общем, считай, что ты уже

принят на... службу, ха-ха! А пока всё запоминай! Я знаю, что в пацанах ты даже много читал, семилетку закончил... В общем, дурачка из себя не строй, а то... останешься в дураках... Ха-ха!

С тяжёлым сердцем возвращался домой Никита. Понял он, что Лихарев не оставит его в покое. Слышал от Кузьмы Сидорова и других бригадников, как куражился над их братом в конце тридцатых этот энкавэдэшник. И как же нужно запугать хороших и добрых людей, чтобы они пошли на самосуд?! Понимали, что это грех – убить человека, но шли, «отправляли в завал», потому что боялись стукачей Лихарева и ночных арестов. Последние год-два спокойнее стало, самого его давно не видели на шахте, а тут и слух кто-то пустил, будто помер Лихарев или заарестован вместе с Ежовым и другими его приспешниками. Нет, похоже, поторопился тот, кто этот слух пускал, – жив курилка! Даже звание следующее получил и теперь готов по-прежнему гнобить их брата-шахтёра.

Уложив спать Егорку, Никита усадил мать за стол и чуть не шёпотом пересказал ей весь разговор с чекистом.

– Не уgomонится этот лиходея, он всю свою жизнь на горе людском строит. Мне сказывал о нём Кузьма Иванович...

– Что же делать, мам? Уехать? А как вы?

– А что мы? Работать пойду, силов ещё хватит. Вон Максим Иванович предлагал банщицей в мойку идти. Работа нехитрая: подтереть, где нальют, пыль смахнуть да приглядывать, чтобы вор какой до чужих вещей не добрался, тазики считать да мыло вовремя подложить мужичкам...

– Мам, ты о чём говоришь?! Мужики-то там голые ходят! Представляешь: сотни голых и чумазых мужиков! Это ж...

– Свят-свят! – Алёна Ивановна перекрестилась, испуганно глядя на сына. – А мне ведь и в голову такое не пришло! Ах, негодник, ах, Максим! Ладно, в прачечную пойду, там нет голых мужиков... Уехать-то можно, да ведь этот злодей ис-кать будет, а найдёт – снова Нарым, а то и хуже...

– Да, мам, может и так быть... Он дал мне два месяца на раздумье – буду думать, но в Иуды не пойду, родову свою не опозорю!

– Одно, что это зазорно, так ведь ещё и сами шахтёрики таких изменщиков в подвал отправляют...

– Куда-куда? – кисло усмехнулся Никита. – В завал, мама, в завал. И там плохо, и здесь плохо, не дай Бог ещё кому такой выбор иметь! Да,

а про завал-то забудь, совсем забудь, а то всех мужиков отправилши к этим архаровцам и сама в Нарым вернёшься...

– Свят, свят, свят! – только и сказала Алёна Ивановна, слушая сына.

Два месяца прошли быстро, и вот Никита снова в кабинете Лихарева. Усадив гостя на табурет, хозяин начал беседу.

– Ну-с, гражданин Кузнецов, чем порадуете? Что нового на шахте?

– Да всё по-старому: план месячный шахта вроде выполняет, машину врубовую смонтировали, вторую ждём... К первому мая объявили ударную вахту в честь Международного дня солидарности всех трудящихся...

– Кузнецов, не шути со мной так! Доклады-вай, кто повредил шланг воздуховода перед Днём Красной Армии? Чуешь, куда враг метит? А куда лес исчезает с лесосклада? Кто-то дом себе строит, наверное. Вот бы ты поосмотрелся да подсказал, что это за вражина такая...

– Иван Викентьевич, помилосердствуйте, не могу я такими делами заниматься: перед людьми стыдно, а перед Богом грешно! Не могу! У меня сын растёт – какой пример я ему дам? Вы же мне Иудину работу предлагаете, а я человек верующий, не с руки мне все эти дела...

– А мне плевать, верующий ты или нет, на эту тему потом с тобой ещё поговорят на участке и в шахткоме. Сам не можешь – дай человечка, кто сможет! А нет, я за тебя всерьёз возьмусь, ты у меня загремишь по уголовке: вещи будут теряться в раздевалке, а находить их будут у тебя...

– Да что же это, Иван Викентьевич, разве можно так-то? Ведь это богомерзко! Неужто вам не стыдно такие вещи говорить?

Лихарев вскочил из-за стола и горой навис над Кузнецовым. Теперь он не кричал, не говорил, а шипел, брызгая слюной:

– Если ты ещё раз вспомнишь своего боженьку, я тебе морду в кровь расхлещу, а потом докажу, что ты бросился на меня с кулаками... Знаешь, что бывает за такие дела? Потом я возьмусь за твою мамашу: почему ей в документах добавлено пять лет, и не потому ли застрелился ваш комендант Попков? О сыночке твоём я тоже позабочусь: пока старуха будет сидеть в кутузке под следствием, я пацана оформлю в детдом. Ещё?

– Хватит уже, гражданин начальник. – Никита, похоже, весь ушёл в себя и теперь говорил бес-

цветным и отстранённым голосом. – А сдохну я или попаду в завал – вам легче будет? Вы тогда оставите в покое пожилую женщину и ребёнка?

Офицер, слушая эти слова, как-то хищно ощерился и со злостью выпалил:

– Ты сдохни сначала... А впрочем, как говорится, нет человека – нет проблем! Думай! Летом я тебя найду!

А летом началась война. Пришло большое горе, которое заставило забыть или отодвинуть на задний план многие нерешённые вопросы. Началась мобилизация на фронт, и в числе первых добровольцев Белово был Никита Кузнецов...

ГЛАВА 5

Её ждали и боялись, к ней готовились, а всё одно не уследили. И двадцать второго июня срок первого года в четыре часа утра по московскому времени к нам пришла война. В каждый дом пришла, в каждую семью, и всё вдруг переменялось в одночасье. Летний день всегда начинался с первым лучом солнца, с нежными трелями ранних птах, со сладких позевушек и потягушек детей в своих кроватках, а тут – грохот, смерть, смрад. Сколько же людей в западных областях Советского Союза так и не успели проснуться, не успели узнать, что пришло утро следующего дня, что пришла война...

59 Наши герои не услышали рёва пикирующих бомбардировщиков, грохота разрывов снарядов и свиста пуль, потому как далеко отстоит Сибирь-матушка от тех мест, где злой враг нарушил наши рубежи, неся смерть и горе. Не доходил до сибирской глубинки чад от чудовищных пожаров, не слышны были крики раненых и умирающих, не терзал душу плач детей, потерявших в вихре первых дней войны своих близких. Но скоро, очень скоро и в Сибири заголосят женщины и дети, когда с фронта пойдут первые похороны. Война изменила всю жизнь советских людей, повязала воедино и фронт, и тыл. Теперь всем людям, где бы они ни находились, предстояло долгие годы жить в данной реальности, и не просто жить, а бороться, воевать, презрев смерть, работать, ковать победу в тылу и на фронте ради светлого будущего своей Родины, своего народа.

Наверное, такие мысли приходили в голову всем, кто слушал третьего июля сорок первого года по радио выступление И. В. Сталина: «Товарищи! Граждане! Братья и сёстры! Бойцы армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..

Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей землей против врага... Наши силы неисчислимы. Вместе с Красной армией... поднимутся миллионные массы нашего народа... Все силы народа – на разгром врага! Вперёд, за нашу победу!».

***

Первое письмо от Никиты пришло в конце июля. Небольшой, запачканный пылью дальних дорог бумажный треугольник. Всего-то минуло чуть более месяца после его ухода на фронт, а столько дум и воспоминаний одолевало Алёну Ивановну в короткие летние ночи. Наверное, и слёз было бы немало, да не случилось. Тут и вспомнилось ей, что последний раз плакала она на похоронах своих родителей. Сорок лет прошло! Вся жизнь! А сколько разных бед, сколько горечи осталось позади, но только ещё раз к ней пришла спасительная слеза, когда она в отчаянии баюкала свою умершую внучку на одном из безымянных полустанков под Томском. Нет, сейчас у неё слёз нет – голову разламывает, грудь теснит, а слёз всё нет. «А может, не тот случай, чтобы их лить? Да, война идёт, да, ушёл сын на фронт, как сотни и тысячи других людей, да, там смерть рядом ходит. Но не всех же убивают на войне, – думалось ей, – может, походит-походит она рядом, да разойдутся они с Никитушкой, а коли так, то и плакать не о чем...»

Только сейчас Алёна поняла, что больше часа сидит с письмом в руках, так и не раскрыв его. Война только началась, а уже пришли первые похоронки в посёлок с далёких западных границ, уже заревели горестно русские женщины по своим мужчинам. Сильно прищурившись, Алёна поднесла солдатский треугольник близко к лицу – не хотелось ей подниматься из-за стола за своими старенькими очками – Никиткин почерк, не чужой рукой написан адрес, как те похоронки. Только начала разбирать замысловато сложенный бумажный пакет, как в дверь кто-то постучал.

– Милости просим, открыто, – отозвалась хозяйка.

– Это я, Алёнушка... Кое-как добралась до тебя, – робко, бочком в комнату втиснулась сестра. Её лицо было покрыто крупными каплями пота.

– Верунь, чтой-то ты так? Никак хвораешь? – Алёна Ивановна поднялась навстречу гостье, подхватила её под руку и посадила на широкий

сундук. – Если болеешь, то зачем ходишь, отлежалась бы...

– Належусь ещё, Алёнушка, недолга уж осталась...

– Ты что буробишь, Верка! Ты же моложе меня! Тебе же...

– Да ничего уже мне, Алёнушка! У тебя вон одна забота – Егорку поднять, а другая – дожидаться Никитку с войны, а у меня что?

– И ещё одна забота, – дополнила сестру Алёна, – хоть какую-то весточку получить от Фёденьки: третий десяток пошёл, как проводила его с казаками, и ни слуху ни духу...

– А может, уж и косточки его истлели на чужбине-то, а ты тут убиваешься?

– Нет! – резко оборвала сестру Алёна. – Ты всё о смерти думаешь, умирать собираешься – твоё дело, а про моего сына не смей так говорить! Живой он, я чувствую!

Ответа не последовало. Она обернулась к сестре: Вера, согнувшись в комочек и уткнув лицо в ладошки, сложенные лодочкой, беззвучно плакала, и лишь её дрожащие плечи выдавали это.

– Вера! Верунька! Что ты? – Алёна бросилась к сестре, присела рядом и прижала к себе. – Прости меня, прости дуру старую! Не на тебя я голос повысила... Беду гоню подальше от моих деток. Ну-ну, успокойся... – Она гладила её волосы кончиком своего платка, которым была повязана, и принялась вытирать слёзы с лица сестры. – Ну-ну, успокойся... Я больше не буду... Нельзя нам ссориться, мы же одни остались из Касаткиных-то...

Какое-то время сидели молча, прижавшись друг к другу. Вконец успокоившись, Вера выпрямилась, чуть отодвинулась от Алёны.

– А я к вам, Алёнушка, с гостинцем, травки принесла с огорода: лучок, редиска ещё есть, огурчики пошли... Молоко не всегда получается, его ведь брат Максима привозит через день, а тот всё считает. А вот курочки несутся каждый день, не уследит за ними злодей. Я сегодня десять яичек принесла. Нонче худо вам с Егоркой без кормильца-то?

– Нонче всем худо – война. А ты перестань носить свои подарки, а то греха наживёшь от своего благоверного. Я ведь на работу почти устроилась, аванец уже дали. Через неделю одна баба уйдёт, тогда каждый день буду работать...

– Так-то оно так, а всё же, может, на работу Егорку устроить? Пятнадцатый годок уже ему...

60

– Вот и Кузьма Иванович то же говорит, обещал поговорить в мехцехе... Учеником слесаря...

– Вот и слышно, Алёнушка... Я вот ещё что... Ежели со мной что случится, то...

– Опять ты за своё! – вскипела старшая сестра.

– Постой, сестрёнка, – почти шёпотом оставила ее Вера. – Ты выслушай меня, а дальше поглядим, как получится. Иногда мне так худо бывает, что кажется, что я уже умерла, тяжело мне бывает... Но если такое случится, то похорони меня по-людски, а здесь вот денежки, что я скопила с огорода, похоронные... На этого обормонта я уже не надеюсь.

– Да что же у вас там происходит?

– Да всё то же: полюбовницу новую завёл, иногда ночевать не приходит, деньги совсем перестал отдавать, мол, крутись сама как хочешь! Спросила про деньги-то, а он со смехом: а на что они тебе? Без них быстрее сдохнешь!

– Вот сволочь! – вырвалось у Алёны.

– Да ладно, Алёнушка, это он сказал, когда шибко пьяный пришёл под утро...

– Не бьёт?

– Нет... А может, и зря: раз бы стукнул, мне бы и хватило... – голос женщины предательски дрогнул, Алёна снова прижала её к себе и стала успокаивать.

– Да не об том я, – подавив готовые появиться слёзы, заговорила Вера. – Если я помру, а он будет звать вас к себе – не ходи!

– Да ты что, Верунь?! Неужто замуж позовёт?

– Кто знает, но он уже не раз говорил, что лучше бы он тебя в жёны взял, чем меня... Похотливый бес! А Егорку тогда он со свету сживёт!

– Вера! – Алёна взяла за плечи сестру и принялась трясти, пытаюсь отвлечь от этого страшного разговора.

– Погодь, Алёнушка, я скажу всё, а то, боюсь, силов не хватит... Не ходи за него ещё и потому, что этот злодей великое зло сотворил вам... Ведь это он вашу избу спалил...

– Как?! Зачем?! – Теперь Алёна застыла в изумлении.

– Он ведь все ваши деньги квартирные себе забирал, мне редко что давал. Но это одно, а главное, чтобы ты рядом была... Видать, надеялся, что рано или поздно уступишь ему, а нет, так он и силком взять может, тот ещё кобель!

– А ты про себя не забыла?! Неужто я такая подлая, что сестре родной сделаю гадость?! Да

и кто он такой? – Она задыхалась от возмущения и с трудом подбирала слова.

– Про меня-то он давно знает, что мало мне осталось...

– Погоди, Вер, с чего ты взяла, что это он поджёт?

Вера Ивановна какое-то время сидела молча, словно раздумывая, а затем вынула из бокового кармана своего старенького жакета зажигалку:

– Узнаёшь?

– Кажись, я видела её у Максима...

– Она самая, он там даже нацарапал: «Макс», вроде как пометил, чтобы, значит, опознать, если украдут. Говорил – дорогая зажигалка... А нашла я её тогда на пожарище, когда мы ходили с тобой...

– А что же сразу не показала мне, мы бы в милицию отнесли...

– Побоялась, Алёнушка, побоялась я и за тебя, и за себя... Про барак-то вы речи не вели тогда, а в милицию?.. Он же с Корнеем Петуховым постоянно бражничает, кстати, на ваши деньги, на квартирные. Вот тогда-то и набурobil ему что-то про Никиту, почему его и проверяли так долго. А думаешь, почему спокойно с Капковым доски таскали со склада? А-а, да и про пожар, наверное, тот знает, если не сам надоумил Максима: его ведь тоже за Нахаловку ругают, что не борется с нахалами... А помогал Максиму в этом гадском деле тот же Капков... Как-то припёрся пьяный, а Максима не было дома. Налила я ему самогона. Он выпил, совсем опьянел, да и понёс чепуху... Проговорился, значит... Потом тверёзый приходил и от всего отказался... Зато Максим зверем стал смотреть и всё про зажигалку спрашивать стал: не брала, не видела?

Алёна, казалось, онемела от признаний сестры и целиком была поглощена какими-то своими мыслями. Молчала Алёна, молчала и Вера, с испугом наблюдая за сестрой и боясь нарушить её думы.

– Ну вот что, сестра, зря ты мне сразу не сказала про пожар. Тогда и Никитка рядом был. Да что уж теперь, отдай-ка, Вера, мне его зажигалку, а то он прибьёт тебя, если вдруг найдёт, давай-давай... – Похоже было, что для себя Алёна Ивановна уже приняла какое-то важное решение и сейчас хотела быстрее закончить этот тяжёлый разговор. – Никому не говори про то, что мне сейчас сказала, про зажигалку... И вот что ещё – переходи жить к нам, места всем хватит!

– Алёна, да как же? У меня же там курочки, поросятки, огород... И вам какое-никакое пропитание достаётся...

– Не у тебя курочки да поросятки, а у Максима твоего! Он на твои деньги корову купил, лошадь, а что же ты их не заберёшь у него? То-то и оно! А мы с Егоркой заработаем себе на пропитание и тебя прокормим, а не хватит – дочку твою потревожим, неужто от матери откажется?

– Ой, Алёнка, боюсь я... – И она разревелась в голос.

– Не бойся, Верунь, а за курочками и поросятками ты можешь ходить ухаживать отсюда и брать себе на пропитание, самому-то Максиму Иванычу недосуг хозяйствовать, да и горд он очень своей шахтёрской работой, чтобы куриц кормить и щупать... Так и объясни ему сегодня или лучше завтра, когда успокоишься. А если боишься, давай договоримся – я подойду, растолкуем ему, заберём твои вещи и на тележке привезём сюда. Ничего, Верунь, мы ещё поживём, а ему, злодею, небо с овчинку покажется!

– Ты что удумала, Алён?

– Пока ничего, а дальше видно будет, как он себя поведёт... Ну его к свиньям, твоего Максима, давай письмо читать от Никитки, разболтались, как две сороки-белобоки!

Письмо было короткое, тревожное и не давало успокоения сёстрам.

«Здравствуйте, мама, сынок! Привезли под Смоленск. Сибиряков много, но мало кто воевал. Немец прёт прямо на Москву. Нас спешно вооружают, учат стрелять. Когда получите письмо, здесь будет пекло. Страшно? Не знаю, ещё не видел ни одного фашистского гада, а увижу – постараюсь отправить на тот свет. Наверное, долгое время писать не смогу – фрицы не дадут. Верю, что ещё увидимся... Береги Егорку и себя! Держись Кузьмы Иваныча и опасайся Максима. Целую, ваш сын и отец.

15.07.1941 г.»

– Вот такие вот дела, Вера! Про разговор, про зажигалку и письмо – никому. Через три дня жду тебя, а эти два дня мне всё равно некогда: пойду Егорку устраивать, да и самой надо определяться с работой. Узелок с гробовыми давай сюда, а то, не дай бог, твой муженёк их умыкнёт, а здесь им будет покойней. Ступай, Вера, успокойся, недолго уж осталось терпеть...

Шёл третий день после разговора сестёр. Накануне, переделав все свои дела на шахте,

Алёна Ивановна весь вечер ждала Веру. Не дождалась и решила, что та сама объявила своему муженьку об уходе, и тогда сегодня она непременно должна прийти сюда со своими вещами. «Не унесёт всё – ещё раз сходим. Давно надо было Верку забрать к себе, иссохла вся при таком муженьке-то!» Глянула на ходики, что висели рядом с дверью, и заметила, как она робко приоткрылась и снова захлопнулась.

– Верунь, совсем, что ли, обессилела, с дверью справиться не можешь? Заходи, я тебя со вчерашнего вечера жду...

– Баба Алёна, это не тётя Вера, а Колька Свистов, сосед ваш бывший, – раздалось из-за двери.

Нахмурившись, Алёна Ивановна подошла к двери, открыла.

– Чего тебе? В гости к Егорке пришёл? Так он с ребятами на рыбалке.

– Не-е, баба Алёна, меня дядька Максим послал к тебе... Тётку Веру хоронить будут сегодня, он сказал, что в обед... Торопитесь, баба Алёна, – Колька крутанулся на месте, и лёгкие шаги его гулко отозвались коридорным эхом.

Услышав страшную весть от десятилетнего пацана, переданную ей скороговоркой, словно на бегу, Алёна схватилась за сердце, попятилась к столу и рухнула в изнеможении на сундук. Вера умерла! Свет померк в её глазах, и она надолго застыла в горестном оцепенении. Из этого состояния её вывела кукушка из ходиков. Отсчитала одиннадцать. Словно в тумане она двигалась по комнате в поисках чего-то, пока, наконец, не решила для себя: взяла с полки старенького шкафа плотную чёрную шаль, накинула её на плечи и скорым шагом поспешила на встречу с сестрой, на последнюю встречу...

...У гроба сидели несколько старушек, с кем по соседству несколько лет жила Вера и которые, собрав в кулак свои растроченные за долгие годы жизни силы, пришли к ней, чтобы по-христианскому обычаю обмыть, обрядить в заранее приготовленную для такого случая одежду и помолиться за упокой души рабы Божией Веры. Священников в посёлке и ближайшей округе не было: кого сослали, кого расстреляли, а кто и сам подался во все тяжкие, спасаясь от ретивых энкавэдэшников.

Из мужчин в избе были только двое – Максим и Захар Капков. Проходя мимо него, Алёна одним взглядом пригвоздила его к табуретке: и ты здесь! Капков крупно вздрогнул, хотел было подняться, но вместо этого как-то размяк и сник.

62

– Как же так, Максим Иваныч? – Алёна встала лицом к лицу к деверю и в упор посмотрела ему в глаза. Не выдержав этого взгляда, Максим попятился, что-то бормоча в оправдание:

– Вчерась это было... Уходил на работу – жила была, а вечером – уже холодная... Справку у фельдшера я взял: болезнь у неё была сердечная, так и написали... Петухова известил – он разрешил её похоронить, а остальное потом обговорим... Там, похоже, мой брат уже приехал на лошади, надо лопаты взять, крест... – Он торопливо вышел. За ним поспешил Капков.

Проводив мужиков ненавидящим взглядом, Алёна подошла к гробу. На бледном, осунувшемся лице покойницы, казалось, навечно застыл испуг, на глазах – пятаки, подбородок подвязан тонким серым платком.

– Это потому, Алёна Ивановна, – тонким голоском пояснила самая старенькая соседка, – что ротик у неё открывается и глазки вверх смотрят... Негоже так-то. Убрать надо будет, когда в могилку опускать ...

Присев на освободившийся табурет, Алёна Ивановна облокотилась на стенку гроба и долго смотрела на лицо покойницы, потом, закрыв глаза, беззвучно прочитала молитву.

– Попов-то нет, а вы хорошо помолились, бабоньки?

– Ой хорошо, все молитвы прочитали, что знаем, отпели, всё для нашей Верочки... А ты помолись да поплачь, отмучилась она, родненькая!

– Я все свои слёзы в нарымской тайге оставила, – и, уже глядя на сестру, проговорила: – Успели мы с тобой хорошо поговорить, успели... Выходит, и поговорили, и попрощались... А ты как будто знала, что смертынька твоя рядом ходит...

– Вот-вот, пришла от тебя – ни жива ни мертва. Зачем ходила, когда ноги не держат? Да ещё ты её расстроила своими разговорами... – Максим, вернувшийся в избу, не замедлил поддеть Алёну Ивановну.

Вслед за ним вошли его брат, Капков и ещё какой-то горбатый мужичок.

– Ты меня-то не виновать, Максим Иваныч, у тебя на руках она умерла, в твоём доме, тебе и ответ держать перед людьми и Богом...

– Не время и не место вести такие разговоры, потом поговорим... Давай-ка, мужички, возьмём гроб по углам – телега уже готова, а ты, Полина, пока мы упокоим её, накрой здесь стол... Надо по-людски помянуть покойницу.

– Сделаю всё, Максим Иваныч, – глухо отозвался из глубины горницы женщина средних лет. Она была в тапках и одета по-домашнему.

Нетяжела была покойница, мужики без труда подняли гроб и споро вынесли его из горницы.

– Пойдёмте, бабоньки, там ещё одна телега, проводим мою сестрёнку до самой могилки.

Когда возвращались с кладбища, Максим, уловив, что Алёна Ивановна чуть поотстала от других женщин, попытался завести разговор, но Алёна резко оборвала его:

– Однако, Максим Иваныч, не время нам с тобой разговоры разговаривать...

– Да, сейчас за столом и поговорим...

– Не сяду я за твой стол, Максим, дома сама помяну с внуком, и на девять дней не приду, и потом...

– Хорошо-хорошо, когда переболит, я тебя найду...

– Найди, Максим Иванович, найди, только сначала спроси разрешения у своей Полины...

Не ожидавший такого выпада Максим так и застыл с открытым ртом.

– Алёна Ивановна, давай к нам, у нас есть местечко, – кричали ей женщины, что уже расселись на телеге.

– Иду, бабоньки, иду... Надо будет ещё помолиться за упокой рабы Божией Веры...

63

***

Худо стали жить Кузнецовы. Не хватало Алёне Ивановне тех встреч и душевных разговоров со своей безропотной сестрой, и стол обеднял без Вериных овощей и яичек, а зарплата прачки была слишком мала, и потому во многом им с Егором теперь приходилось себе отказывать. Внук, жалея бабушку, большую часть домашних забот взял на себя.

В первые дни своей трудовой жизни Егорка взахлёб рассказывал бабушке обо всём, что происходило у них в цехе, и чаще всего с его языка срывались фамилии Юрки Рыжова и Славки Смирнова. Поняв из рассказов внука, что они его ровесники и тоже работают учениками слесаря, немного успокоилась: нашёл компанию. Выслушав все восторги внука, она кормила его, заставляла умываться перед сном и отправляла спать, а сама ещё долго сидела у стола при свете керосиновой лампы (электрический свет в жилых домах и бараках посёлка отключали рано), потирая распухшие от кипятка и мыла руки.

– И то слава Богу, всё наладилось потихоньку, – шептала она сама себе, боясь разбудить внука. – Живы-здоровы, денег хватает, не голодуем, тёплую одежду удалось прикупить для Егорки – растёт парень! Что в прошлую зиму носил, нынче уже малёк, а зима не за горами... А на душе тревога: под самую Москву подступил злой враг!

Сводки Совинформбюро собирали на шахтовой площади работников шахты и жителей посёлка. Слушали радио, затаив дыхание, многие плакали. Да и как не плакать, если почти каждая сводка заканчивалась словами: «...наши войска оставили город...». Сколько же их уже оставили, до Москвы дошли. А дальше-то куда?! И словно услышали бойцы там, в далёкой Москве, думы и чаяния простых советских людей, остановились, упёрлись насмерть. Как говорили члены партии и агитаторы на собраниях и митингах, за Москвой земли нет!

– Дай-то Бог, чтобы свернули шею злому врагу, дай-то Бог, чтобы пули пощадили Никитушку! – перед тем как ложиться спать, вместо молитвы повторяла Алёна Ивановна.

* * *

Зима сорок первого года на европейской части Советского Союза была ранней, снежной и холодной. Казалось бы, не должно быть так, потому как издревле на Руси мужики погоду определяли по-своему: тепло да ветрено – быть богатому снегу с бесконечными метелями, а коли воздух недвижим и небо прозрачно до самых своих глубин – жди крутых затяжных морозов. А в ту суровую годину словно сама природа вступила в конфликт со своим врагом, изнеженным в своих европах и любящим во всём непреклонный порядок. Уже в октябре – ноябре насыпало снегу, что говорится, сто вёрст до небес. Вражеская техника стала тонуть в русских снегах. Ворчали немецкие офицеры, а особенно солдаты, которым приходилось воевать не только с русскими солдатами, но и со снежными заносами, резко замедлявшими их победное шествие на Москву. «Но хоть тепло, – радовались фашисты, покуривая папироски на ветру, – а снег-то мы одолеем, до Москвы – рукой подать...»

Ан нет, не оправдались вражеские расчёты: едва отмели метели, как навалились на них лютые морозы, каких в этих местах давно не было. Мало того, что солдаты зябли в своей летней амуниции (кампания-то фюрером задумывалась

как летняя, до сентября они намеревались дойти до Урала, а тут, вишь, как получилось), так и хваленая немецкая техника с трудом заводилась в такие морозы, и оружие, будь то карабины, пистолеты или сверхнадёжные «шмайссеры», стали давать осечку. Кто-то из местных старожилов даже Наполеона вспоминал: такая же погода встречала и того супостата, словно свою линию оборону воздвигала природа на пути врага, чтобы потом его, обмороженного и обессиленного, русский солдат поднял на штык да отбросил подальше с родной земли.

Если сказку складывать про морозы сорок первого, самое время на том остановиться: мол, природа-матушка остановила фашистскую орду у стен Белокаменной, запуржила-заморозила её да вспять погнала в их уютные жилища с тёплыми клозетами. Но не сказка у нас складывается, а суровая хроника испытаний, выпавших на долю русского человека, и потому надо заметить, что те же самые свирепые морозы нещадно гнобили и советского солдата, пробирая его насквозь через грубое сукно шинельки или затёртого в бесконечных боях ватника, который бойцы чаще называли фуфайкой; заставляли их глубже вгрызаться в родную землю, оборудуя во своё спасение окоп, траншею или блиндаж. На войне, как на войне.

Ноябрьский вечер, стылый, мрачный, казалось, давно ушёл в полночь, и только расположение на тёмном небосклоне полумесяца подсказывало опытному глазу, что на дворе ещё только вечер. В блиндаже, рассчитанном на восемь – десять человек, несмело теплился костерок, в равной степени давая людям, окружившим его, тепло и клочья сизого дыма. Он стелился по полу и едва заметной струйкой уходил наружу через дверной проём, закрытый плащ-палаткой. Сам блиндаж не выглядел защитой от прямого попадания снаряда или мины, слишком быстро линия фронта смещалась в сторону столичного города, некогда было покрывать землянки брёвнами в два – три наката, это будет потом, когда фронт двинется на запад, а саперные части будут иметь в своём резерве какие-никакие средства для скорого обустройства солдатских блиндажей. Пока же приходилось перекрывать часть траншей, вырытых гражданским населением Москвы загодя, ещё летом, тонкомером из подмосковных лесов, досками да валежником. Такая крыша плохо спасала от затяжных осенних дождей – приходилось присыпать её грунтом,

67

благое дело, что брустверы траншей бугрились глиной, потревоженной землекопами на глубине полутора – двух метров. А снег, необычайно рано и щедро покрывший московскую землю уже в конце октября, делал такие укрытия тёплыми и даже уютными.

Сержант Степан Ребров, командир отделения бронебойщиков, только вернулся в землянку и, стоя у костра, растирал озябшие руки, чему-то хмурился.

– Степан Иваныч, что такой смурной? – осторожно поинтересовался пожилой усатый уралец Евсей Мишнёв. – Никак хвоста накрутил комбат?

По тому, какая тишина установилась в блиндаже, стало ясно, что бойцы, коих там ютилось с десятков, ждут с нетерпением ответа своего командира.

– М-м? – Сержант стряхнул с себя задумчивость, оглядел товарищей и улыбнулся скупой. – Да нет, мужики, разговор нормальный был, серьёзный. Похвалил майор за дела наши – как никак, а третьего дня в бою мы два танка сожгли и самоходку... Урону нет, хотя двоих всё же отравили в санбат. О другом разговор шёл: вот вот наступление начнётся, вот там, наверху, наши командиры голову ломают, как бы сподручней дать под дых фашистской гадине да погнать её взадь до самого Берлина...

– Ну, Степан Иваныч, про Берлин это ты, наверное, уже от себя добавил? – с усмешкой спросил командира Никита Кузнецов.

– Есть маленько и от себя, – словно оправдываясь, шуточно отозвался Ребров, – хоть так его, гада, лягнуть! А вообще вот-вот начнётся настоящее дело: техника идёт колоннами, части новые, из Сибири, говорят... Свежие, чистенькие, в полушубках, с автоматами...

– Да мы тоже вроде из Сибири, – снова перебил командира Никита. – Я – с Кузбасса, Сенька Лукин, мой второй номер, – с Алтая, Иван Порфирьев – из Томска...

– Нет, Никита Гордеевич, – рассудительно сказал сержант, – мы тут с вами уже и Крым, и Нарым повидали, со смертью нос в нос встречались, да и ватники наши все грязные да позатёртые, сапоги вон скрипят на морозе, а они все чистенькие, в белых полушубках, серых валенках...

– Да, валенки бы и нам не помешали... – мечтательно произнёс Мишнев. – У нас на Урале в такие морозы только дураки форсят в сапогах!

– Ну правильно в народе говорят: форс морозу не боится, – вставил своё слово томич.

– Никакого форсу, слышно, что всех переобуют в валенки! Говорят, сам Жуков дал команду своим генералам. Он же теперь за оборону Москвы отвечает...

– Вот и слава Богу, – уралец демонстративно перекрестился, – переобуемся в пимы и попрём фрицев по морозу в ихний рейх!

Вся компания встретила эти слова дружным смехом, а затем все стали сворачивать сигарки, и к дыму костерка теперь добавился дым табачный.

– Эх, щас бы грамм по сто... – мечтательно произнёс кто-то из бойцов, лежащих вдали от костра на охапках соломы.

– Да на каждый зуб... – тут же подхватил другой.

И снова смех наполнил полумрак землянки. Когда голоса поутихли, Ребров осторожно высказал своё предположение:

– Говорят разное в полку: как наступать будем, то нам наркомовских сто грамм давать будут, всем! Для поднятия духа, значит!

Эти слова вызвали целую бурю одобрительных возгласов. Жизнь давно показала, что на Руси не только водка согревает человека, даже сами разговоры о ней придают русскому мужику и настроения, и бодрости. Между тем сержант отозвал Кузнецова в сторонку для другого разговора.

65

– Ты, Гордеич, хоть и молодой ещё человек, а уже много повидал на своём солдатском веку. Ты же под Смоленском воевал?

– Да, было дело... Чуть в плен не попали вместе со своим генералом, да Бог миловал, но командира расчёта потерял, а сейчас вот сам за командира...

– А ты заметил, что нас фашист второй день обходит вниманием, соседей долбит, а у нас тихо? Вывод какой: со дня на день жди в гости. Посмотри прямо сейчас, в каком состоянии у нас ружья. Не дай Боже какой дурачок со снегом затщит противотанковое ружьё в тепло, снег растает, а на морозе затвор враз примёрзнет – руками не сорвёшь. Проверим вместе все ружья, винтовки и автоматы, заставим насухо протереть их, просушить... Да присмотри, чтобы караул менялся вовремя: на таком морозе больше часа не утерпеть... Завтра мой черёд будет. Командуй, а сам можешь в караул не ходить... Да-а, вот ещё что, я же тут почту принёс, чуть не забыл... Может, и тебе письмецо найдётся?

– Мне не найдётся, – хмуро отозвался Никита, – жена погибла, сын малой ещё, а мать...

– Ну как же матери не написать?

– Я написал из-под Смоленска и потом, когда в Москве стояли на переформировании полка... Нас от полка-то осталось всего около сорока человек... Написал две строчки: жив, воюю, целую обоих...

– И что, за месяц ни одного письма не написал?

– Напишу ещё, Иваныч, вот погоним фрица, так и напишу...

– Ну ладно, раздам письма пока, а то побьют мужики...

Оставшись один, Никита вышел из блиндажа, прошёл по траншее, убедившись, что караульный на месте, какое-то время смотрел в сторону немецких позиций. Темнота скрывала землю и небо, друзей и врагов, и только вспышки ракет на мгновение выхватывали отдельные картинки зимнего фронтового ландшафта. Справа от их позиций, где оборону держала соседняя дивизия, видимо, шёл ожесточённый ночной бой, отблески взрывов разрывали ночное небо.

– Ну вот, а говорили, что немцы – народ аккуратный и воюет только днём да с перерывом на обед... – думал вслух Никита. – Торопятся, гады, Москву взять! Надо, ох как надо дать им укорот и гнать до самого их логова!

Никита не стал объяснять Реброву, почему он не пишет письма домой. Полгода прошло, как он тайком бежал на фронт, оставляя там, глубоко в тылу, своих врагов – Лихарева, Петухова. Не хотел он идти к ним в услужение и доносить на людей. Случилось раз, так ведь за жену мстил! Как же о таком можно было молчать?! Попадись ему тогда Колесо, Никита голыми руками задушил бы его... Нет, он не жалел, что сдал Попкову тех уголовников, что готовили побег, в отместку ли, с горя или отчаяния, но не жалел. А здесь ему предлагали выискивать врагов среди шахтёров и... отправлять кого в лагерь, а кого сразу к стенке. Нет, на это он никогда не пойдёт, потому и сбежал на фронт. Он знал, что энкавэдэшники наверняка проверяют почту матери, а где они упустят чего, там Максим Иваныч поможет! Та ещё сволочь! Опасаясь этого, он второе письмо написал на адрес Кузьмы Сидорова, прося передать его матери, и намекнул, чтобы сразу сожгла прочитанное. Нарымские годы приучили его быть недоверчивым: а вдруг Лихарев или Кутько напишут на фронт, обвинят его во всех грехах и... Нет, на-

прямую домой писать пока он не будет. Напишет Кузьме Иванычу, попросит того ответить, что у них дома, а уж потом...

Поглядывая в сторону немецких позиций, Никита так задумался, что не расслышал голоса сержанта, доносившегося из блиндажа. Часовой осторожно тронул его плечо, выводя из раздумья:

– Никита Гордеич, сержант вас кличет...

Первое время Никита удивлялся, что бойцы их взвода, что ненамного были младше его, обращались к нему только на «вы» и многие – по имени-отчеству. Ребров это тоже заметил, и какое-то время подтрунивал над ним, а потом словно приговор вынес:

– Что делать, Никита, ты у нас человек грамотный, рассудительный, такую школу под Смоленском прошёл! При случае подскажу комбату, чтобы сержанта тебе дали: тебе – сержанта, мне – старшего сержанта. Пойдёшь ко мне в помощники?

– Да уж и так, Степан Иваныч, мы с тобой в одной упряжке воюем, как иначе-то?

– Вот и лады! – скрепили слова крепким рукопожатием и продолжали воевать.

...Никита, потревоженный часовым, стряхнул свои воспоминания, но прежде чем направиться в блиндаж, спросил бойца:

– Замёрз, Петруха?

– Да пока дюжу, Никита Гордеич...

– Ладно, минут через десять-пятнадцать смену пришлю, там и пайка твоя ещё не остыла...

Пятого декабря сорок первого года, через неделю, Красная армия перешла в контрнаступление – началась Московская стратегическая наступательная операция...

ГЛАВА 6

В тени вековых каштанов, у невысокого деревянного забора, обозначившего границы городского сквера, одиноко ютился старенький «Хорьх». Его водитель, откинувшись на спинку сиденья, безучастным взглядом смотрел на пустую площадь: ни одного пассажира! В крохотном радиоприёмнике одна за другой сменялись браурные мелодии, и чаще всего звучал эсэсовский марш. Хозяин машины, видимо, утомлённый музыкальным однообразием радио, резко крутанул тумблер, но услышал звуки марша Ваффен СС, изредка прерываемого торопливыми и энергичными выступлениями чиновных ораторов, неизменно завершавшимися истеричным «Хайль Гитлер!». В скороговорке чужой речи его ухо выхва-

тивало слова: «Москва», «Гитлер», «победа». За много лет жизни в Германии Фёдор научился понимать чужой язык, но думал он на русском.

Вечерело. Подёрнутое серой пеленой небо то и дело посылало на осеннюю баварскую землю слякотную сырость – дождь и снег впере­мешку, а шквалистый ветер гнул в высоте обна­жённые кроны деревьев, навевая тоску. Желая себя чем-то занять, Фёдор вынул из внутреннего кармана куртки небольшую пачку денег, неторо­пливо пересчитал: дневная выручка была не­плохая, как-никак он сделал пять ездов в Мюн­хен и там покрутился пару часов. Можно было и завершить работу на сегодня, но чутьё под­сказывало ему, что сейчас, в конце рабочего дня, наверняка кто-то из служащих ратуши захочет уехать в город, а тут и он со своей машиной...

Дверь ратуши почти не закрывалась, то и де­ло выпуская насидевшихся за день чиновников в осеннюю непогоду. Раскрыв зонтики над голова­ми, они разбегались в разные стороны – это местные жители, им скорее пешком до дому до­браться, хотя и среди них любители езды на так­си встречались нередко. Ага, вот один из них, окинув взглядом площадь, поспешил к един­ственной машине, стоявшей у парковой ограды. Перед тем как сесть в салон, мужчина неторо­пливо стряхнул огромный чёрный зонт, сложил его и решительно рванул на себя ручку двери. Уже по этому жесту таксист понял, что мужчина силен, уверен в себе: должно быть, начальник или... военный.

– В город! – коротко бросил пассажир, не удо­стоив водителя элементарным приветствием.

Пока петляли по улочкам Штарнберга, в са­лоне царил тишина, но едва машина вырулила на автобан, ведущий в Мюнхен, как пассажир за­говорил по-русски, чем немало удивил шофёра. Но лёгкий акцент его говорил за то, что для него этот язык не родной. Чуть сипловатый голос зву­чал негромко, но каждое слово, казалось, дави­ло на собеседника, невольно вызывая у него чувство тревоги.

– Господин Кузнецов?

От неожиданности водитель придавил пе­даль тормоза, но уже в следующее мгновение прибавил газу и продолжал молчать.

– Вы слышали мой вопрос?

Пассажир снял с головы мокрую шляпу. Се­рые глаза его из-под высоких надбровных дуг пытливо смотрели в зеркало заднего вида, а тонкие губы морщились в улыбке.

– Я обязан отвечать? – в тон ему спросил таксист.

– Как всякий воспитанный человек – да...

– А мне кажется, что я не должен пред­став­ляться каждому своему пассажиру, а значит, и пассажир не вправе досаждать мне излишними вопросами.

– У меня есть такое право, поэтому будьте добры отвечать на мои вопросы... – в голосе уже звучала плохо скрытая угроза.

– Вы из гестапо?

– Почему вы так решили? А может быть, я из полиции...

– Наших полицейских я всех знаю в лицо, а мюнхенские полицаи вряд ли приехали бы к нам по такой погоде и в такой час для разговора со мной. У нас курортный городок, и гостей много только летом.

– Не изображайте из себя радушного хозяи­на! Вы сами здесь гость! Белый эмигрант Куз­нецов Фёдор Гордеевич, казачий есаул, так?

– Вы хорошо информированы.

– Да, на том стоим. С кем из своих земляков поддерживаете связь в Германии?

– Это допрос?

– Если вы ещё не поняли, то мы сделаем так: вы доставите меня в наше управление, где я вас допрошу по форме, а если понадобится – то с третьей степенью утрашения. Вы знаете, что это такое, господин Кузнецов?

– Пытки?

– Это слово досталось нам от инквизиции, мы люди цивилизованные и предпочитаем это называть иначе: «интенсивный допрос», «до­прос с пристрастием», наконец «допрос с тре­тьей степенью утрашения». На чём остано­вимся?

– Хорошо, спрашивайте...

– Я уже задал вопрос, и потом, будьте осто­рожны с ответами: любая ваша маленькая ложь вызовет у меня большие подозрения, а их мы будем проверять уже в моём кабинете.

– Хорошо. Никого из своих земляков я не ви­дел около пяти лет. На автомобильном заводе со мной работали двое русских: Семён Балков и Юрий Теплов. Последний раз я видел их в тот день, как уволился с завода...

– Балков много пил, а два года назад попал в аварию на заводе и погиб. Вам это интересно?

Услышав известие о смерти бывшего това­рища, Фёдор вскинул руку ко лбу, но в последний момент удержал себя.

– Вы хотели перекреститься, Кузнецов? Не стесняйтесь, у нас в рейхе другая вера, но Бог один...

– Мы служили вместе, у нас был один враг...

– Теперь тот враг и наш враг! Моя страна воюет с вашей страной, и потому мы вынуждены держать вас в поле зрения...

– Вы воюете с моей бывшей страной, с бывшей родиной...

– Похвально слышать от вас такие слова, но этого мало. Вы тут тихо и спокойно живёте с женой и сыном, работаете, но может случиться так, что мы призовём вас на службу Третьему рейху. Готовы вы встать на защиту своей новой родины?

– Господин... Извините, не знаю ни вашего имени, ни фамилии, ни звания... Но ваша родина сейчас так сильна, что вряд ли ей понадобится помощь старого русского есаула...

Пассажир рассмеялся сухим, неприятным смехом, после чего произнёс:

– Вы шутник, господин есаул! Мы ровесники с вами, но я не считаю себя стариком! Мало того, у меня такое же звание, как и у вас, – гауптман, что равно вашему есаулу, капитану, а зовут меня Марк Ратке. Представляюсь потому, что работаю в отделе по контролю за мигрантами. Я думаю, нам ещё придется встретиться, так что не старайтесь выбросить меня из своей памяти. Также не вздумайте куда-то исчезнуть: Германия – не Советский Союз. Это у вас можно стать иголкой в... соломе, у нас это не пройдет...

– Вы хотели сказать: иголкой в стог сена?

– О да, именно это... Наша страна не так велика, а полиция и гестапо работают отменно.

– Что же мне теперь делать?

– А то, что и делали: живите, работайте, воспитывайте сына. Кстати, почему он у вас не вступил в гитлерюгенд? Это лишний раз подчеркнуло бы вашу лояльность фюреру. Не вздумайте скрыться, иначе вас будут искать как русского диверсанта, и по законам военного времени в лучшем случае вы окажетесь в концлагере... В ближайшие два – три дня вы должны встать на учёт резервистов-иностранцев. В ратуше найдёте кабинет двести сорок три. Предъявите свои документы, все, какие есть, если будет слишком много вопросов – сошлитесь на меня. Если с вами на связь выйдут ваши земляки – немедленно сообщите мне в управление, в Мюнхен... Вы здесь часто бываете, а придёт время, мы и вас призовём под ружье. Россия

велика, нам нужны будут люди, которые её знают: надо же кому-то командовать тем сбродом, что попадёт к нам в плен.

Последние слова глубоко заделали Фёдора, но он постарался не выдать себя, а Ратке, словно испытывая его самообладание, сказал с едкой усмешкой:

– Тяжело слушать, господин есаул, такие слова о земляках? Если вы хотите стать настоящим гражданином Третьего рейха, закалите себя, научитесь слушать и произносить такие слова, потому как все, кто живут там, на Востоке, в Азии, Африке, – сброд, скот, нелюди, способные быть только рабами настоящих арийцев. Хотя вам не грозит стать настоящим арийцем, но вполне возможно, что придётся стрелять по своим бывшим землякам и сородичам.

Он кинул взгляд в окно. Машина уже давно мчалась по улицам Мюнхена.

– Видите, Кузнецов, за тёплым разговором мы и дорогу осилили незаметно. Езжайте на центральную площадь, я укажу, где находится наше управление.

– Я знаю, – буркнул в ответ Фёдор.

– Ну и прекрасно. Получите от меня сигнал или вызов из того самого кабинета – незамедлительно должны быть. Запомните, что я вам рассказал... Да, надеюсь, вы учтёте, что данная поездка у меня служебная, и деньги за проезд с меня не возьмёте? – Он опять засмеялся сухим смехом. Потом, словно спохватившись, добавил: – Впрочем, говорят, что холостой пробег – плохая примета, и у вас не будет денег... Я оставляю вам шанс разбогатеть, я вам дам один пфенниг... Надеюсь, он спасёт вас от нищеты! Прощайте, Кузнецов! Впрочем, у вас так говорят, когда расстаются навсегда... Нет, мы скоро увидимся, так что до свидания, господин Кузнецов!

...Тяжёлым и долгим был для Фёдора Кузнецова путь домой, в Штарнберг. Трижды он оставил машину на обочине автобана, раскуривал папироску, и раз за разом прокручивал весь разговор с Ратке. Марта, увидев с каким мрачным лицом Фёдор ставит машину во дворе их дома, поняла его состояние. Уложив спать сына, они еще долго сидели с ней на кухне, обсуждая свои планы на жизнь. А жизнь резко изменилась: их нашли, о них вспомнили, и потому война, гестапо, гитлерюгенд для сына – всё это пришло к ним в дом. С этим теперь предстоит жить...

68

Вопреки опасениям Алёны Ивановны Егорка легко вошёл в свою рабочую жизнь. Коллектив механического цеха был небольшой, чуть более двадцати человек, и всё больше люди пожилого возраста. Уж так повелось в цеху, что молодёжь, отработав несколько лет на поверхности, затем уходила в шахту на подземные работы, к проходчикам или добычникам, где зарплата была вдвое, а то и втрое выше, чем в цехе. Конечно, и опасность возрастала в той же степени, что и зарплата: метан невидимыми струйками пробирался в забой, грозя в любую минуту взорвать всех, кто там находился; обвалы случались и, как ни крепили горняки кровлю и стены выработок, нет-нет да случались аварии и люди получали увечья, а то и вовсе гибли, и руководство потом отписывалось перед Гостехинспекцией и прокуратурой: «...допущен нулевой случай в проходческой бригаде...». А то и водой заливало так, что плавать приходилось горнякам, как летом на речке Бачат. Много бед поджидало людей в тёмных подземных выработках, но народ шёл в горняки неслабый, готовый к любым испытаниям, хотя за всем этим стояла и обречённость: а куда идти работать? Где деньги зарабатывать, чтобы семью прокормить? В Белове в ту пору только шахты выручали, «чугунка» (так звали горожане железную дорогу) и цинковый завод. Можно было, конечно, в пригородные колхозы податься, но, опять же, труд там не легче, платят совсем мало, а иной председатель и вовсе норвил перевести своих мужиков на «натурплату», когда за трудодни колхознику выдаются зерно, овощи да скупые сибирские фрукты.

Были в мехцехе у Тузова молодые ребята лет двадцати – двадцати пяти, собирались уже в шахту переводиться, а тут война. В первую неделю призвали троих в армию. Их работа осталась на таких вот пацанов, как Егор. Неделей раньше в цехе появился ещё один подросток пятнадцати лет, Славка Смирнов. Высокий, худой, костистый. Лицо круглое, улыбочное, нос картошкой, а губы, как у девчонки, топырятся и дальше носа выглядывают с лица. Был там ещё один паренёк, Юрка Рыжов, но он уже считался старожилом, потому как за его плечами год работы в цехе, да и шестнадцать лет ему стукнуло как раз перед началом войны. Они-то со Славкой и приняли с рук на руки у начальника цеха новичка Егора Кузнецова. Познакомив ребят, Тузов прочитал коротенькое наставление о дисциплине: не опаздывать, не про-

гуливать, за пределами цеха по шахте не болтаться, а потом рукой махнул:

– В общем, в бою будешь учиться, Егор, по ходу дела, а так присматривайся за Юркой, он у нас тут почти мастер...

И, отозвав Рыжова в сторонку, тихо добавил:

– А ты, Рыжов, не порти мне ребят! Увижу, что будешь учить курить или, не дай Бог, опять брагу принесёшь – выпорю ремнём! К верстаку привяжу и выпорю при всех!

– Да ладно, дядь Вань, я уже всё давно понял...

– Ну то-то же, а пока им не только показывай, как гайки крутить да проводить смазку механизмов, но и языком работай, поясняй, значит, что к чему... Немтырём-то не будь! В сентябре проверим твою работу: подготовишь ребят – тебя в слесаря запишем!

Получив такой наказ от начальника, Юрка вальяжно подошёл к ребятам, поджидавшим его в углу цехового двора под раскидистым клёном.

– Ну, давай знакомиться: я – Юрка Рыжов, можно просто Рыжий, а это – Славка Смирнов. Славян, значит... Ты не смотри, что у него нос пуговкой, а губы бантиком, он драться хорошо умеет... Недавно мы помахались тут с фэззушниками... Я тоже хорошо умею драться и мазу буду держать: я давно работаю – раз, я старше вас – два, и самое главное – Михеич мне наказал за вами доглядывать, а вы мне говорите всё, что увидите или услышите интересное, но чур, пацаны, не ябедничать!

Поначалу работа совсем простая была: территорию подмести, доски да железяки какие-то перенести из угла в угол. Потом Михеич заставил пацанов стёкла цеха промыть с мылом: «о-на здоровые, а солнца не видно, все мухи загадили, да ещё пыль угольная...». Потом до железа дело дошло: стали гайки скручивать с механизмов, что поднимали из шахты, учились ленты конвейерные разбирать, сбивая клёпки. Не успел Егор устать, а тут и домой пора. Уходили все втроём, если Тузов не просил задержаться. Славка жил в соседнем бараке, а Рыжов с матерью – чуть поодаль от шахты, в собственном домике.

В один из обычных рабочих дней, когда смена уже заканчивалась, на территорию цеха трактор притащил корпус подземного электровоза, без лобового стекла, без энергоподъёмника, но зато с двумя боковыми фарами. Что-то там случилось с ним «в яме» (так называли горняки

шахту), внизу отремонтировать не смогли – решили частично его демонтировать и поднять наверх для ремонта. Приволокли к цеху и забыли на несколько дней. Едва ушли взрослые, как пацины тщательно осмотрели электровозик, а когда пошли домой, то оказалось, что Юрка успел свинтить одну фару и теперь пытался скрыть её под курткой. Славка с Егором недоумённо поглядывали на друга: зачем тебе фара-то?

– Дураки, подключим дома – свет будет!

– У нас есть дома лампочка... – неуверенно проговорил Славка.

– У нас тоже... – подхватил Егор.

– А ну вас, я себе возьму, только сейчас через проходную пойдём, ты, Гоша, спрячь её у себя...

– А что я? – Егор даже отступил в сторону.

– Что, уже забздел? А ещё друг называется!

– Да я ничего... – Егор смутился: в первый раз друг попросил его, а он отказал ему. – Что ты сам её не хочешь пронести?

– Ты видел, кто там дежурит сегодня? Кирилыч, козёл старый! Он меня всегда обыскивает, а вас со Славкой так пропускает, заметили?

Ребята молча согласились: действительно, они проходили в приоткрытую калитку беспрепятственно, а Юрку этот сторож всегда ощупывал со всех сторон, и глазами, и руками. Так было и в этот раз. Успешно миновав последний барьер и громко насвистывая, троица отправилась домой, а поскольку барак, где жил Егор, был ближе всего к шахте, то решили зайти к нему – бабушка-то ещё на работе.

Юрка быстро осмотрелся в просторной комнате Кузнецовых, отыскал розетку, положил на обеденный стол фару, стал приматывать проволоку к двум клеммам, после чего смело сунул концы проводов в розетку. Словно молния сверкнула в комнате, раздался грохот лопнувшего стекла, мальчишки от страха даже присели.

– Вот это да! – воскликнули одновременно все трое.

– Дураки мы, – резонно заявил Славка, – она же от аккумулятора работает, а здесь ток большой...

– Ладно, Гошка, тащи веник, совок, заметай стекло, а я фару куда-нибудь выброшу подальше... Да смотрите, не проболтайтесь, особенно ты, Гошка!

– А я что?

– Как что? Ты же вынес её через проходную, у тебя в комнате она взорвалась – так что тебе и попадёт больше всех!

Такие доводы Юрки Рыжова оглушили Егора, и он растерянно смотрел на друзей. Заметив его состояние, старший товарищ немного смилостивился:

– Ладно, Гошка, мы со Славкой никому не скажем, мы же друзья, но и ты уж нас нигде не выдавай!

Так началась эта странная дружба Егора с Юркой Рыжовым, которого в цехе все звали Рыжий...

Барак, где жили Кузнецовы, наверное, как и все советские бараки военной поры, был неказистым, деревянным, с дырявой крышей, отчего во время дождя сверху лились потоки воды, его жильцам приходилось подставлять под эти пролежи вёдра, банки и другие ёмкости для сбора хлябей небесных. Впрочем, вся эта посуда стояла только в коридоре, потому как в комнаты жильцов дождевые струи не попадали. Оно и понятно: одного, другого «дождем намочило» (как обычно приговаривала тётка Федосья, жена Федота Ключкина, соседа Кузнецовых, а по совместительству сторожа лесного склада), и вот уже полезли мужики на крышу барака, подтягивая за собой куски укрывного материала: кто – куски толя, кто – шифера. И всяк обихаживал крышу в аккурат только над своей комнатой: мне не каплет – и ладно! В коридоре никто не спал, а потому над ним крышу никто не ремонтировал, да и чем эту махину укроешь – на полсотни метров раскинулся барак из конца в конец. С одной стороны десять комнат, с другой – девять, а вместо десятой – входная дверь да чуланчик для шанцевого инструмента. Так и жили шахтёрские семьи неведомо какой коммуной: в комнатах как-никак сухо и чисто, а шагнёшь в коридор – лужи стоят, кучки мусора. Но и с этим научились жить барачные аборигены: у каждого в комнате у порога две-три пары резиновых калош, веник, совок для мусора. Именно этим инструментарием каждый из жильцов отметал мусор от своего порога, кто на середину коридора выметал его, а кто норовил соседу приятное сделать. Сколько раз вспыхивали скандалы из-за мусора, до мордобоя доходило. И не то чтобы сложно замести его и выбросить на улицу – гордыня у каждого играла: что ж это я за соседей-засранцев буду мусор выносить? Сколько бы это продолжалось – никто не знает, но только однажды после очередной пьяной драки из-за мусора нагрянули в барак комендант шахты в сопровождении участкового Петухова. В один из тёплых

летних вечеров собрали они всех жильцов на просторном крыльце барака и устроили такой разнос, что детей в срочном порядке пришлось отправлять подальше: Петухов за скудностью речи уже на второй минуте перешёл на маты, ими же он и закончил, пригрозив, что за «свинство и пьяные драки» будет лично определять в кутузку и добиваться увольнения с шахты. Похоже, подействовало: в коридоре стало немного чище, а вскоре и стройбригада наведальась и отремонтировала крышу. Но если с чистотой и гигиеной дела наладились более-менее, то пьяные драки нет-нет да и происходили, но как-то странно... Ругаются, дерутся, бьют друг друга беспощадно (не до смерти, конечно), но никто потом никуда не ходил жаловаться, как бы ни досталось ему – сами разбирались старинным способом: побил соседа или соседку – через день-другой идёшь замиряться и несёшь с собой бутылку водки, а если женщина пострадала – шоколадка полагалась, коробка конфет или кулёк халвы. Иначе мира не будет. Все понимали, что за жалобу может пострадать как один, так и другой: кто его поймёт, этого Петухова, а работу потерять все боялись. Впрочем, такие скандалы были нечасто – только в дни выдачи аванса или полочки да на праздник какой... А как война началась, выходные дни отменили и водку в магазинах не найдёшь, потому и пьянок поубавилось, хотя сосед Кузнецовых, Федот Клюкин, нет-нет да устраивал себе «именины сердца» (он-то работал на складе всегда в ночь): напьётся утром, а потом день куролесит по коридору, стучит в каждую дверь, требуя к себе внимания и уважения. Тут уж только на своё проворство надо надеяться, чтобы успеть дверь закрыть на щеколду. Не успел – будешь слушать пьяные разглагольствования сторожа, а не уважишь – получишь нехорошее слово в свой адрес или оскорбление какое, а пацанам и мужичкам, что послабее самого Клюкина, может и подзатыльник прилететь. К ночи у него хмель выветривался, теперь это был Федот, да уже не тот. Такой Федот уже мог службу нести сторожевую.

Однажды Егорка попал под горячую и пьяную руку Федота Клюкина, нащёлкал он ему по лбу – шишка вскочила. Ходила разбираться потом Алёна Ивановна к нему. Трезвый-то он извинялся, божился, что больше не будет, а к вечеру Федот ухватил Егора на крыльце и сунул ему в руку полурастаявшую шоколадку – помирились вроде, но для себя Алёна Ивановна решила и внуку наказала строго-настрого: если кто-то из мужиков в

бараке гулеванит, то он, Егор, должен ждать её у себя в цехе, и уже вместе они возвращаются домой. Зачем парня смущать пьяными мужиками, решила она, а уж самуё Алёну Ивановну мужики барачные как-то сторонились: то ли уважали сильно, то ли боялись её черных глаз, которые в гневе становились страшнее грозовой тучи.

Осенью сорок первого, накануне Седьмого Ноября, работница прачечной, что жила в соседнем бараке, в обед бегала домой, а вернувшись, прошептала тревожно Алёне на ухо:

– В вашем бараке Федот с Антипом, похоже, уже принялись праздновать революцию: ходят около бараков, ругаются да песни поют про вихри, которые веют над ними, про коногона... Фулюганьё! И когда их Петухов в кутузку пасодит?

– Кошка скребёт на свой хребёт! – сухо отозвалась Алёна Ивановна. – Значит, говоришь, Егорку лучше не пускать домой?

– Да уж так, наверное, был бы Федот один, а этот Антип ещё пуще его фулюган...

– Ладно, спасибо, Маня, что предупредила...

Выкроив свободную минутку, Алёна Ивановна сходила в мехцех и предупредила Егора, чтобы он без неё домой не ходил. Завидев Алёну Ивановну, разговаривавшую с внуком, подошёл Тузов, а узнав их проблемы, тоже посоветовал Егору остаться в цехе.

– Здесь тепло, светло. Хочешь поработать – вот эти ящики уложи в штабель, они не тяжёлые... А потом можешь забраться вот сюда и поспать, пока бабушка за тобой не зайдёт. Вот здесь его и найдёте, Алёна Ивановна.

Осмотрев тайный уголок, Алёна Ивановна засмеялась:

– Ловко устроили гнездышко! Тут за шкафом да за щитами этот диванчик не видать вовсе! Кто это всё тут устроил?

– Да кто ж его знает... Кто-то придумал, чтобы от начальства прятаться. Удобно: и отдохнуть можно, а хватится кто – вот он я! Я сам только только прознал про него. Мужиков-то гоняю – работать надо, а Егорка пушай отдыхает, малой ещё...

После обеда цех опустел. Молодёжь отправилась домой, а взрослые отправились на совещание к главному механику. Сложив ящики в аккуратную стопку, Егор нырнул в уютный полумрак «окопчика», лёг на потрёпанный диван, сладко потянулся и... незаметно уснул.

Разбудил его звон ведра: кто-то не пошёл на совещание и бродит по цеху? Егор, не выдавая

себя, сквозь щель осматрел угол цеха, где в железной бочке хранился керосин. Около неё стоял с ведром мужчина. Со спины Егор его не узнал. Настороженно поглядывая по сторонам, он снял с бочки крышку, зачерпнул ведром керосин, вернул назад крышку и торопливым шагом поспешил на выход. В профиль Егор узнал – это Дмитрий Скулов. Ему было за пятьдесят, небольшого роста, скуластый, с постоянно бегающими глазами, он числился в электроцехе разнорабочим, потому как ничего толком делать не умел, а скорее, и не хотел, за что и прозвище получил – Дима на подхвате.

Спать уже не хотелось, но и выходить из укромного места было нельзя: а вдруг этот дядька ещё раз придёт и увидит его... Он вспомнил, как Михеич ругался, что керосин быстро убывает, просил его экономить...

«Как сэкономишь, если чужие дядьки его воруют...» – думал Егор, потирая заспанные глаза.

– Егорушка, ты где? – раздался голос Алёны Ивановны. – Отдохнул? Пойдём домой... По пути зайдём в магазин, хлеба надо прикупить да молока...

– Да, бабуль. Хорошо было, когда тётя Вера молоко приносила и сметану...

– Конечно, хорошо, – горько вздохнула Алёна Ивановна, – да только теперь уже не принесёт...

– А ещё яички свежие, прямо из-под курей...

– Ну что ты вдруг вспомнил? – удивилась Алёна Ивановна. – Пошли живее, а то сейчас быстро темнеет...

Уже на выходе из цеха они услышали мужские голоса: рабочие механического цеха возвращались с совещания...

Егор шёл рядом с бабушкой и мучился вопросом: надо ли ей рассказать про кражу керосина. Он и про тётю Веру-то завёл разговор, чтобы успеть решить для себя вопрос: говорить – не говорить. Решил так: лучше Юрке Рыжову расскажу, как другу расскажу...

Выслушав сбивчивый рассказ Егора, Юрка осторожно огляделся по сторонам: рядом никого не было, Славка работал во дворе.

– Я слышал, что этот Дима на подхвате – гнилой мужик... Да ну его! Забудь о нём, он же не из нашего цеха, а про то, что ты видел, не говори никому! Понял? Пусть это будет наша с тобой военная тайна, сейчас же война идёт...

В ночь с шестого на седьмое ноября Диму на подхвате арестовали...

Трудной выдалась первая военная зима: фашисты продолжали наступать со всех сторон. Крепко поколотили их под Москвой, отогнали от стольного града, так они с другого бока норовили укусить побольнее. Словно удавкой, прихватили Ленинград: ни туда дороги нет, ни оттуда. Как людям жить?!

Наслушаются женщины радио, а потом, едва различая себя в клубах мокрого пара, исходящего от котлов с бельём, рассуждают меж собой, проклиная фрицев и жалея наших бойцов. Как ни велика была радость от победы под Москвой, последующие дни были скупы на хорошие вести, и мощный, но грустный голос Левитана сообщал о сложном положении на фронтах, и в каждой сводке звучали слова: «советские войска отступили... сдали город... оставили населённые пункты...». Но, словно спохватившись, диктор завершал каждое своё выступление непреклонным: «Победа будет за нами!»

Потолковав «о политике», женщины потихоньку переходили к разговору за жизнь: кто-то письмо с фронта прочтает, кто-то перескажет новость, подслушанную у мужиков, а то просто обсуждали свои домашние дела. Так за разговорами и рабочий день кончался быстрее. Им, простым русским женщинам, такие вот пересуды над кипящими и шипящими котлами с водой и бельём помогали одолевать беды и невзгоды военной зимы.

Осенью сорок первого, собрав в кучку все заработанные ею и Егоркой деньги, Алёна Ивановна прикупила впрок овощей на базарчике и на дому у хозяев. Овощи они с внуком сложили в подполье под своей комнаткой в бараке и накрыли разной ветошью, чтобы морозом не побилло. Как ни экономили, а уже в феврале погребок опустел. В беде их не оставили: одна работница принесла кулёк с картошкой, другая – баночку квашеной капусты, третья – огурцов солёных и куриных яиц. Молоко Алёна Ивановна наладила брать у знакомой женщины из Нахаловки, что корову держала, а уж хлеб да сахар они в магазине покупали по продовольственным карточкам, которые с осени сорок первого прочно вошли в их жизнь. А много ли им двоим надо?

Растаял снег, отшумели ручьи, дороги подсохли, и надумала Алёна Ивановна в родную деревню съездить, в Урское. Давно под сердцем она чувствовала какое-то томление, звала малая родина к себе, а ей всё было недосуг. Попут-

но и продуктов можно было подкупить. Помнила она, что у них в селе крестьяне всегда хорошие запасы на зиму делали. Осталось только лошадей с телегой найти. Первое, что пришло ей на ум, попросить лошадь у брата Максима Шомони-на, но вспомнила про зажигалку, про сожжённый дом и отказалась от этой затеи. Она и в посёлке-то старалась не встречаться с Максимом – боялась, что не сдюжит и выскажет мерзавцу всё накипевшее, а как же потом жить с ним в маленьком посёлке? Но где-то глубоко в душе теплилась надежда, что придёт время, когда настигнет кара этого подлеца.

Как-то Алёна Ивановна упомянула о поездке в Урское Егорке, а он поделился с дружкой своим, Юркой Рыжовым, и на следующий день к ней в прачечную пришла мать Юрки, Раиса Рыжова, что работала посудомойкой в шахтовой столовой. Она тоже хотела в селе провианта подкупить и вопрос с повозкой на ходу решила: у сестры её лошадка есть и тележка на резиновом ходу. Только условие поставила, что с Алёной Ивановной и Егором поедет Юрка. Он и за лошадкой приглядит, парень взрослый, семнадцать лет уже.

Подгадав поездку на Первое Мая, который был объявлен выходным днём, Алёна Ивановна с двумя помощниками отправилась в путь. День хоть и праздничный был, большого веселья они не наблюдали, когда проезжали через деревни. В деревнях, где колхозы побогаче, музыка неслась из репродукторов, флаги красные волновались над сельсоветами, народ толпился на митингах, а они, знай себе, погоняют савраску – в Урское торопятся.

На место прибыли уже после обеда. Едва из-за поворота завиднелись первые избы Урского, заволновалась Алёна Ивановна, платок сняла, волосы поправила, потом в волнении снова повязала голову, а глаза сами собой пытливо изучали панораму родного села. Что ни говори, восемь лет минуло, как оставили его. Сельсовет, что находился в усадьбе купца Харламова, как и прежде, высился над всеми деревенскими строениями. Видать, не нашёлся другой такой же богатый и оборотистый хозяин, кто мог бы бросить вызов Михаилу Ефимовичу. Похоже, советская власть всех подровняла... в нищете. Полвека прошло, а всё так же величественно стоит харламовский дом, но уже украшенный пурпурным флагом да, в цвет ему, плакатом «Да здравствует 1-е Мая!». В Урском на крыше сельсовета то-

же висел флаг, но людей не было видно: похоже, митинговали уже и по домам разошлись.

Гвоздецкий дом уютился на прежнем месте, но высокого забора вокруг уже не было, да и конюшен приземистых след простыл. Нет хозяйина, нет извоза – зачем быть огромным конюшням? Прикорнувший на самом берегу Подкопённой домишко Лукиных совсем завалился – похоже, никто там уже не живёт. Чуть поодаль, на сильно просевшем берегу Ура, среди невысоких деревьев и кустарника темнели кресты погоста. Его обитатели уже навсегда связали себя с историей этого сельца, теперь и сами они стали его историей.

Казалось, отсыревшие от внезапно нахлынувших слёз глаза женщины не могли оторваться от всей панорамы родного села, а всё же дом на вершине увала, у заметно поредевшего ельника, заставил её повернуться к нему. Родной дом, кузнецовское гнездовье, с которым у неё было связано столько воспоминаний, как добрых и счастливых, так горьких и рвущих душу, неумолимо звал к себе. Стянув с головы платок, Алёна Ивановна трижды перекрестилась и поклонилась низко селу.

– Кажись, приехали, ребята... Помнишь, где наш дом-от, Егорка?

– А как же, бабуль, звон, на пригорке стоит.

– Это хорошо, что помнишь, родной дом всегда помнить надобно... Вы посидите здесь, а я зайду в сельпо, проведаю, кто живёт из наших соседей...

Сильно раздобревший и обрюзгший Спиридон, едва увидев в дверях Алёну Ивановну, испуганно перекрестился и застыл с широко раскрытым ртом. Незнакомая женщина у прилавка, завязывая мешочек с комковым сахаром и увидев странное выражение на лице продавца, обернулась на дверь и скоренько проскользнула мимо гостыи, не удостоив её приветствием. Чуть успокоившись, Спиридон стал отвечать на вопросы Алёны Ивановны, но как-то сбивчиво, испуганно. Поняв причину волнения и зная его трусоватый характер, Алёна Ивановна успокоила:

– Не бойся, Спиридон, не сбежала я из ссылки, разрешили нам вернуться, да не сюда, а в город... Иван Иваныч-то жив-здоров? Где он?

– Жив... Почти здоров, но сейчас вы его не увидите... Потом, может быть...

– А Ермолай Лукин?

– Помер Ермоха!

– А Зина Скобцева?

– Померла, а Сёмка, сынок её, съехал из деревни...

– Спирь, – уже с мольбой в голосе проговорила женщина, – издалека я приехала, со мной дети... Где мне можно с дороги отдохнуть?

Даже не дослушав, Спиридон выпалил второпях:

– Наверное, только к Дуне Павловой, других-то знакомцев уже не осталось тут: кто-то уехал, кто-то помер, а в тридцать седьмом Фёдор Гордеевич ваш ночевал у Грини Павлова. Может, что узнаете и о нём от Евдокии... Помните, где дом Павловых?

– Помню, конечно, в памяти ещё... А ты бы хоть водой угостил с дороги-то. Иль нельзя со ссыльными разговаривать?

– Да нет, что вы, Алёна Ивановна! – Спиридона бросило в краску, и он, зачерпнув большим ковшом воды из кадушки, стоявшей в углу, торопливо поднёс его госте. – И ребят своих напоите, а я вам хлебец пока заверну...

Утолив жажду, напоив ребят и прихватив кулёк с хлебом, Алёна Ивановна поспешила оставить растерянного торговца в одиночестве, а самой ей не давала покоя одна мысль: «Неужто Спирька сейчас же побежит доносить о нашем приезде Кутько и Скобцову? Он всегда их боялся, и теперь, похоже, боится...»

Медленно и с опаской одолевали они переправу через Ур, направляясь к избушке Грини Павлова. Деревянный мост, что подновили урские мужики в аккурат перед Русско-японской войной, сейчас выглядел совсем ветхим и брошенным, впрочем, как и всё Урское, так до конца и не определившее свой статус: село оно или деревня. Ещё полвека назад на сходах нет-нет да и заводили об этом спор подгулявшие мужики, а где-то и бабы свой голос вписывали в хор спорящих. Тогда всё было ясно: местные – только за село стояли, тогда как приезжие, а их в Расейском углу перед революцией скопилось немало, те с ухмылкой мотали головой: по всей России понятие было, ежели есть церковь – село, нет – деревушка. Впрочем, похоже, сейчас и спорить-то некому: уж больно мало людей на улочках села-деревеньки, хотя день в разгаре, да и дома стоят, покуда глаз видит, какие-то понурые, покосившиеся, готовые рухнуть в любую минуту.

Евдокия Павлова со своими сыновьями весь праздничный день (а Первомай был праздником

государственным, и потому колхозникам положен был выходной) пропадали у себя на огороде – по-летнему тёплая погода и позвала их туда, потому как не всякий раз после колхозного труда остаются силы на своего кормильца. Люди верующие считали: Первомай не от Бога праздник, а от Советов, знать, и работать в него не грешно. Видимо, так считала и Дуня Павлова с сыновьями, шестнадцатилетним Мишкой и пятнадцатилетним Васькой. Пока мать кормила многочисленную скотину – корову да тёлку, просят да куриц, ребята с утра собрали в кучу старую ботву и траву и, к вящему удовольствию обоих, подожгли ее, после чего принялись копать грядки под ранние посадки.

Когда солнце перевалило на вторую половину дня, около их двора остановилась лошадь, запряжённая в телегу с резиновыми колесами. Вмиг работа была забыта. Мальчишки, побросав лопаты, повисли на изгороди, а Евдокия вышла к калитке и, прикрывая глаза рукой от полуденного солнца, разглядывала приезжих, а узнав, выдохнула с испугом:

– Кузнецовы?! Алёна Ивановна, ты ли это?!

– Мы, Евдокия... Прости, Дуня, я ведь никогда не звала тебя по отчеству-то...

– Оно и ни к чему: Дуня была – Дуней и осталась...

Хозяйка настезь отворила ворота, приглашая гостей во двор, а потом они обнялись и трижды расцеловались. Пацаны, как хозяйские, так и приезжие, настороженно поглядывали друг на друга, словно воскрешая в памяти те эпизоды, когда они могли встречаться друг с другом в прошлой жизни. Поручив сыновьям встретить гостей, распрячь и накормить лошадь, Евдокия увела с собой Алёну Ивановну.

– Что ли ты Гошка Кузнецов? – старший из хозяйских сыновей, длинный, худощавый, строго смотрел на приезжих.

– Да, я Егор... можно и Гошка... А ты Мишка Павлов?

– А то кто же – конечно я. И как это ты не забыл, сколько лет уж прошло, когда вас... – он невольно замаялся, подбирая необходимое слово. – Когда вы уехали из Урского, тебе было-то всего лет семь, наверное?

– Я-то помню... Такое забудешь разве? Да и тебе-то, наверное, столько же было тогда?

– Нет, мне уже почти восемь было... – Мишка сказал это весомо, даже брови нахмурил, слов-

но разница в их возрасте равнялась не одному году, а самое малое – пяти, а то и десяти годам.

– А вы не сбежали из ссылки? – с опаской и полушёпотом спросил доселе молчавший Васька, младший брат Михаила.

– Ты чо болтаешь, дурачок! – И младший, получив от брата звонкий щелчок по лбу, замолчал надолго, предоставляя вести переговоры старшему.

– А это кто? – Мишка кивнул на закончившего распрягать лошадь Юрку Рыжова. – Вроде городской, а кобылу лихо разнуздал...

– Я Юрка Рыжов, слесарь мехцеха шахты «Пионерка», а на лошади верхом я даже без седла могу кататься, понял? Давайте, что ли, знакомиться...

На правах самого старшего в компании он лениво, вразвалочку подошёл к Михаилу, протянул руку:

– Будем знакомы! Драться со мной не советую, я и большого мужика могу побить...

Стоявший рядом Васька уже готов был протянуть приезжему свою ладошку для знакомства, но, услышав последние слова, нырнул за спину брата.

– Да ладно, пацан, не бойсь меня, не для того мы приехали... – Он протянул руку, и Васька не без опаски слегка пожал её.

С Егором урским мальчишкам знакомиться не было нужды. Молодая цепкая память быстро восстановила те эпизоды, что были в их жизни до злосчастного тридцать четвёртого...

* * *

Напив, накормив гостей с дороги и отправив ребят на улицу, Дуня стала расспрашивать о нужде, что привела беловскую гостью в такую даль, а узнав, успокоила: уж три-четыре куля картошки мы найдём, морковки, свёклы, репы – у нас в погребу они хорошо хранятся.

– Вот с мясом хуже: поросята ещё молодые, тощие, да их и резать-то некому, мужиков-то в селе почти не осталось: кто на войне, кто на заработках, а кто в бега подался. Куриц у нас всего-то с десяток, но яичек уступлю...

– Нет-нет, Дуня, како там мясо... Война идёт, всё фронту нужно, да и у тебя здесь детвора не больно крупная... Я ведь не прошу в долг, мы купим...

– Ой, да что ты...

– Нет-нет, Дуня, я не с протянутой рукой пришла, мы же работаем с Егором...

Обговорив все деликатные вопросы о провизии, женщины неторопливо пили травяной чай, а разговор плавно перешёл на воспоминания жизни прежней, как оказалось, более счастливой, чем нынешние времена, вспомнили и о приезде Фёдора Кузнецова...

– И что, Дуня, какая-то весточка была от него?

– Нет, совсем нет, а вам-то он не писал?

– Нам? – горько усмехнулась Кузнецова. – Может, и писал, да медведь у нас в Нарымском крае почтальоном работал! Какие письма – глухомань!..

Слушая рассказы хозяйки, Алёна Ивановна, словно спохватившись, стала внимательно оглядывать убранство избы, задержала взгляд на чёрно-белых фотографиях, где были изображены сама Дуня и ее муж Гриня Павлов.

– Дуня, не сердчай на мой спрос... А муж-то твой, Гриня?..

– А что сердчать, Алёна Ивановна, твоей вины в том нет – забрал Боженька моего Гришу, второй год уж без него... – Как ни силилась женщина говорить спокойно, а всё же слёз не сдержала и, уже не скрываясь, утёрла глаза концом платка, которым была повязана её голова. – Отмучился, бедняга! Ты же помнишь, каким он был больным да поломатым, когда вы уезжали? По дому и тогда он мало что делал: кур мог накормить, веником пыль погонять из угла в угол, а тут простыл по осени сорокового и на Покров день помер, во сне помер. Себя не мучил и нас не напугал...

Алёна Ивановна под села к Евдокии на сундук, приобняла рукой, потёрлась головой о её голову, словно утешая:

– Тяжело тебе, Дуняша, одной-то с ребятами?

– Сейчас-то уже ничего, пообыклась, да и ребятня подросла. Они ведь в колхозе работают, подсобляют трактористам да комбайнёрам – трудодни зарабатывают. У вас хоть карточки в городе, а у нас ничегошеньки! А что, Алёна Ивановна, помянем мово Гришу, у меня настойка есть добрая... – Не дожидаясь ответа, она вышла в сенцы и вскоре вернулась с большой бутылкой.

– Вот, бутыль-то от Грини осталась, а уж настойку я сама научилась делать.

Разлив напиток по глиняным кружкам, Евдокия, словно играясь, задвигала по столу остатки их запоздалого обеда: миски с салом, солёными огурцами, с варёными яйцами и картошкой...

– Пусть там ему будет легче, чем здесь... Отмучился мой Гриша! Вечный покой ему!

75

– Да-да, добрая и вечная память!

Не сговариваясь, женщины пропели вполголоса молитву, пригубили вино, и разговор зашёл с новой силой. Из него Кузнецова узнала о том, как жили и как умирали её бывшие односельчане, как спешно, похоронив мать, уехал в тридцать девятом Семён Скобцов. Люди видели его в Белово, но домой он так ни разу не приехал.

– А дом-от наш... ну где они жили, бросил, что ли?

– Ваш дом, так все и говорят в селе – кузнецовский дом! Не по чести Сенька вошёл в него, как вор забрался, так и не стал он родным для него и счастливым. Он ведь его почитай разорил. Пять лет жили они с матерью в вашем доме, а огород ни разу не пахал, и она ничего не садила. Их-от огород рядом, там что-то сеяла, а ваш пустовал. Перед тем как уехать Сенька в бане бачки выломал и продал, заплот ваш разорил да продал, а ведь у вас там была листовница, сказывают, вечное дерево... Семьи не нажил, мать схоронил, Зинка-то подружка твоя была никак?

– Когда-то была, да когда нас погнали отсюда – ни друзей, ни подруг рядом не оказалось...

– Вот как! Оно и понятно: у нас привечают богатых да сильных, а кому нужны сырые да убогие?

– Ой, прости меня, Дуня! – словно одёрнула себя Алёна Ивановна. – Забыла совсем, дура старая! Ведь вы же с Гринею не побоялись прийти на похороны Гордея, Ваня Кочергин с Евдокией, даже Зинка пришла... Прости меня за напраслину, совсем память прохудилась...

– А Ивана-то Кочергина не видала ль?

– Так откуда, Дуня? Спиридон что-то сказал непонятное: пока, мол, не увидите...

– Знать, опять Ваня запил! Совсем терпелу у него нет от проклятой водки! С работы его выгнали, жена уехала к сыну в Белову, сам доходной стал. Оно и понятно, кто ему супы варить будет? Зайдёт иной раз, накормлю, а с одной-то рукой много не накшеваришь...

Едва она договорила, как с улицы раздался крик её младшего сына:

– Мамань, дядя Ваня Кочергин к нам идёт!

– Вот, лёгок на помине! – Дуня выглянула в окно, перекрестилась. – Так оно есть – пьяной Иван Иваныч, еле идёт... Я пойду встречу его на крыльце, а то завалится еще...

– Алёна Ивановна, – с пьяненькой улыбкой на лице приветствовал гостью Кочергин. Обня-

лись даже, но, едва он выдохнул, как Алёна Ивановна замахала руками и поморщилась:

– С ума сошёл, Ваня, не дыши на меня! Виночком-то пахнет!

– А вот вся жизнь у меня нонче такая, Алёнушка! Даже Дуняшка моя не утерпела – к сыну уехала внучат нянчить, скоро уж год будет, а взадь вертаться не хочет, так и живу один...

– Ну, а ты что не поехал, ведь там твои внуки?

– Да где же там всем поместиться, сын-от в бараке живёт: их четверо да Дуня, а тут я ещё... Да я при деле был – в сельпо работал, а тут, перед тем как самим съехать из села, Скобцов да Гвоздев учинили суд надо мной, собрание провели и уволили из сельпа, а куда я с одной клешней ещё могу податься? Сторожем? Так они и этого не давали, уж потом, когда они уехали, Филька Гулькиков разрешил подсобником у Спирыки работать. Вот как жизнь-то перевёртывается: то он у меня на подхвате был, а теперича – я у него.

– А как же Евдокея-то тебя оставила одного здесь? – Алёна Ивановна с недоумением смотрела то на хозяйку, то на Ивана.

– А вот, Алёнушка, – Иван закусил губу, словно раздумывая, говорить или нет, а глаза шарил по столу. – Дуня, а налей-ка мне своей настойки, шибко хорошая она у тебя, крепенькая...

– Иван Иваныч, не жалко, да не будет она тебе лишней? – Павлова уже сняла с полки глиняную кружку и смотрела на гостя выжидающе – а вдруг откажется? Не отказался – всё выпил и ещё дно кружки поцеловал.

– ...Как шурнули меня эти прохиндеи, Илья да Сенька, загулял я с горя. Сын приехал в гости из Беловой, начал меня резонить да стыдить, а я махнул так своей культёй... Оказалось, что силушка-то ещё есть, а сын смертно обиделся и уехал не попрощавшись, а через како-то время письмо прислал да мать к себе вызвал... А я всё продолжал пить... И ей доставалось... Эх, дуррак я последний! Мне бы повиниться да остановиться, а не смог... В старатели подался, были тут заезжие – жулики оказались! Золота не намыл, а полушубок потерял... В смысле эти паразиты украли...

– Иван, ну как же так? – Алёна Ивановна недоумевала, наблюдая, какие страшные перемены произошли с дружкой её мужа. – Ну, надо что-то делать, хватит пить-то! Тебе ведь... тебе ведь и семидесяти нет ещё!

– А это мало, по-твоему? Это в сказке только Кашеи Бессмертные бывают, а мы – люди грешные, нам долго нельзя Бога дразнить...

Посчитав, что её собеседник заговаривается, Алёна толкнула в бок Дуню Павлову – о чём это он?

– А-а, всё норовит удавиться... Вот как попьёт два – три дня, так и начинает... – она сказала это негромко, дабы гость не услышал, а Иван, пользуясь тем, что его собеседницы о чём-то шепчутся, налил себе целую кружку настойки и жадно, с бульканьем выпил.

– Господи Иесуси, что с людьми водка делает! – Обе женщины со страхом смотрели на калеку, не зная, как подступиться к нему.

– Вань, темнеет уже, шёл бы домой, а то в потёмках заблукнешь или расшибёшься, – голос хозяйки звучал как мольба: ясно, что таким она не раз видела этого мужчину.

– А ты меня в баньку определи, Дуня, я там тихонько...

– Вань, так гости у меня, там ребята спать будут, сейчас вот помоятся с дороги, а дома мы с Алёной Ивановной да Васькой, моим младшим...

– А-а, вот и тут мне нет места... А я всегда говорил: хочешь быть счастливым – помирай молодым и здоровым, а кому ты нужен старый да калека? То-то и оно...

– Нет, Вань, старые люди не так говаривали раньше: с годами мудрость приходит, а дурь уходит, а у тебя, похоже, всё перепуталось из-за этой проклятой водки! – Алёна Ивановна встала с лавки, словно приглашая гостя. – Ну, ступай, Ваня, пока ещё виднеется, а ежели трудно, то ребята доведут тебя до дому...

– Нет, я сам...

Он с трудом поднялся на ноги, покачиваясь, шагнул к выходу, но потом вернулся к столу. Обе женщины тоже встали, готовые проводить засидевшегося гостя.

– Извиняйте, бабоньки, сегодня не мой день... Я пошёл... Алёнушка, как я рад тебя видеть такой... ладной да справной! Ух! Всегда Гордею завидовал, что такая красавица, а не моя, но... никогда не покушался на тебя. Так, нет?

– Так-так, – засмеялась Алёна Ивановна, – это вы по молодости всё петушилились друг перед другом, а потом-то вроде друзьями стали с Гордеем, а помогать жены друга – грех!

– Вот поэтому я и не домогался... А то бы мне Гордей быстро накустылял по шее...

Видя, что мужчина ещё складно говорит и смеётся, женщины чуть успокоились. Кочергин приобнял своей единственной рукой хозяйку, чмокнул в щёку, а потом крепко ухватил Алёну и впился в её губы долгим и глубоким поцелуем. Стоявшая рядом Дуня круглыми глазами смотрела на затянувшийся поцелуй, с опаской оглядываясь на дверь: как бы дети не ворвались в избу.

– Всё! – выдохнул Кочергин, как умер. – Это тебе за всю жизнь, что не насмелился тебя поцеловать... Уж прости фулюгана! Гордей-то простит, ему теперь всё равно...

– Ну, Ванька, как был ты чёрт озорной, так и остался! Знала бы, что ладно цалуешься, может, и уступила бы тебе разок-другой! – сказала Алёна Ивановна, вытирая губы платком, и засмеялась. – Ну а теперь – марш домой, да осторожнее шагай, а завтра, если будешь в здравом уме, приходи, но пьяным не смей бродить по селу, а то ещё, не дай Бог, беду накличешь...

– Всё, ухожу... Алёнушка.

Вытянув губы трубочкой, он снова потянулся к женщине за поцелуем, но та вовремя остановила кавалера.

– Всё, хватит, а то вишь, развоевался! Завтра придёшь – расцалуемся на прощание... Мы, наверное, к обеду поедем... Иди, Ваня, отоспись...

Проводив гостя, женщины какое-то время сидели молча, удручённые всем увиденным и услышанным. Алёна не могла поверить, что это был тот самый Иван, сильный, жёсткий, не привыкший уступать кому бы то ни было. Дуня взглянула в окно, Алёна подошла к ней. Они наблюдали, как Кочергин уходил в ночь, чуть покачиваясь...

– Ничё, даст Бог, доберётся. Он тут почти как жин вечер ходит по деревне и когда уж шибко пьяный, то кричит: дом сожгу и сам повешусь. Ужас!

– Всяк свою судьбу сам ищет, – мрачно произнесла Алёна Ивановна, подошла к иконе в углу и стала про себя читать молитву. Дуня присоединилась к ней.

Отдав Богу должное, женщины вернулись за стол, но в это время в избу с шумом и смехом вошли ребята, с красными лицами, мокрыми волосами.

– Пока вы тут с Иваном разговаривали, Алёна Ивановна, я мальцам наказала баньку истопить, помыться. Сейчас я им стол накрою, а мы пойдём погреемся, надо пыль дорожную смыть, а потом и спать самое время. Они – в бане, а мы

с тобой, Алёна Ивановна, и Васей – тут, в избе. Утро вечера мудренее...

Но утро не стало мудрым или добрым, оно обернулось чёрным днём...

***

Плохо, беспокойно спалось Алёне Кузнецовой в эту ночь. Ей не было жарко, потому как дневная жара, совсем уже летняя, не весенняя, к вечеру спала, а к полуночи и вовсе, казалось, бесследно растворилась в ночной мгле. Невесёлой оказалась её встреча с малой родиной. Всё услышанное о судьбах своих односельчан в определённой степени заставило её поволноваться, наверное, всплакнула бы, да слёзы, казалось, навсегда иссохли в её красивых чёрных глазах. И всё же не это тревожило её сейчас, но тогда что же? Она лежала на спине, уставившись в тёмный потолок, и перебирала в памяти события дня, отыскивая среди них тот кусочек, то мгновение, что не даёт ей покоя сейчас, в глубокую полночь с первого на второе мая сорок второго года. Уже давно спит тихо, словно не дыша, Евдокия Павлова, милая, добрая русская женщина, столько бед повидавшая на своём веку, столько боли испытывавшая, а всё-таки сохранившая свою добрую душу и умение чувствовать чужое горе. А в кухне на широком сундуке спит, посвистывая носом, Васька, младший сын Евдокии и Грини, того самого чудаковатого Грини, которого она, Алёна, знала ещё в отрочестве, а, подишь ты, как получилось: его уже нет, а она всё живёт и видит его детей в таком же возрасте, в каком был и он сам. Вот это, наверное, люди и называют судьбой...

Время шло, а сон не приходил, и неясная тревога по-прежнему теснила её грудь. Она бросила взгляд на окно. Ещё мгновение назад оно было тёмным и пустым, и вдруг в нём заиграли какие-то прыгающие огоньки. Алёна вскочила с постели, подошла к окну и... обомлела. Там, вдаль, на вершине увала, у ельника, некогда густого и мрачного, где стоял их дом, родовой, кузнецовский, всю бушевало огромное пламя. Языки его, вытянувшись огненной струной по стене, теперь жадно пожирали крышу, а снопы искр и горящие головёшки сыпались на сарай, надворные постройки, которые тут же занимались новым пламенем.

– Дуня, Дуняша, пожар! – Она боялась крикнуть во весь голос, чтобы не напугать Ваську, но он уже проснулся и теперь испуганно пилился в окно.

– Ой, боженька... Это ж ваш дом горит, Алёнушка!

– Наша прошлая жизнь догорает, Дуня...

Только сейчас они услышали тревожно звучащие в ночи звуки била о рельс, который уже более полувека висит у входа в сельсовет, но народу на звуки набата собралось немного. Нескольких мужиков и женщин неторопливо, а скорее с опаской, направлялись к пожарищу. В руках у них не было ни вёдер, ни лопат – значит, никто и не собирался тушить пожар. И ещё стало ясно женщинам: пока люди доберутся до пожара, дом рухнет: старые, деревянные, в сухую ветреную погоду они сгорают в считанные минуты. Так случилось и с этим домом...

Он стоял на отшибе, и потому никто больше не пострадал, а ельник, некогда буквально липнувший к кузнецовскому забору, сейчас поредевший и засыхающий, находился на таком расстоянии, что даже ветер не смог донести до него опасные летучие огоньки.

– Ну вот, теперь и нам сюда дорога заказана – некуда возвращаться...

Горестно вздохнув, Кузнецова мимолётно осенила себя крестным знамением и с опустевшими глазами села за стол.

– И кто же это руку поднял на... Ой, неужто Иван? Он же всё грозился сжечь свой дом да повеситься... Ой, ты, Господи... – Евдокия крутнула единственную в доме лампочку, стало светло. Присев рядом с Алёной, она продолжала потихоньку что-то шептать, не замечая, какими испуганными глазами на неё смотрит младший сын. Снаружи послышался какой-то шум, и в избу буквально ввалились ребята, спавшие в бане.

– Мам, это чё? – Мишка был взъерошен и сильно испуган. Егор и Рыжов стояли в стороне и также ждали объяснений старших.

– Что это? Это пожар, ребята, сгорел наш бывший дом... Грома и молнии не было, значит, его кто-то поджёг... Слава Богу, что не мы... Сейчас уже четыре часа, ложитесь спать в доме, закройте изнутри, а мы с Дуней пойдём спать в баню. Завтра уезжаем пораньше, до обеда не будем ждать, всё, ребята, спать...

Утром рано, с первыми лучами солнца женщины подняли ребят, наскоро позавтракали, запрягли лошадь, погрузили купленные продукты. Дуня села на телегу.

– Мишка, Васька, оставайтесь дома, а я провожу гостей до сельсовета...

Несмотря на ранний час, у моста стояла кучка селян. С заспанными глазами, нечёсанные, наспех одетые, они о чём-то жарко спорили, то поглядывая на вершину увала, где ещё дымились останки дома Кузнецовых, то заглядывая под мост. Только подъехав поближе, Алёна Ивановна и Дуня поняли причину их беспокойства: в бурлящем по-весеннему потоке воды лежало тело человека. Головы его видно не было, её скрывали мутные потоки Ура, ногами и рукой этот человек, похоже, пытался зацепиться за стойки моста и выбраться, но его постигла неудача: зацепился за перекладину, а выбраться не смог – так и остался висеть с утопленной в воде головой.

– Кто, кто это?

Этот вопрос, похоже, интересовал всех, кто толпился в этот ранний час у моста. Беглого взгляда Алёне Ивановне и Дуне было достаточно, чтобы понять, что утопший носил ранее имя Ивана Кочергина. Со всех сторон к мосту продолжали стекаться люди.

– Алёна Ивановна, тебе уезжать надо быстрее, это всё наши дела: сейчас милицию позвонят, выспрашивать начнут, и ты сегодня домой уже можешь не уехать... Торопись!

– Я так и хотела сделать... Ты только не говори, что он у нас был, и вообще поменьше говори, да ребятам своим накажи... Неужто Ванька сжёг наш дом и утопился? Господи, за что на нас все эти беды? – Яростно перекрестившись и натянув поглубже на глаза платок, чтобы быть неузнанной, она взяла у Юрки вожжи и звучно щёлкнула ими:

– Н-но, родимая!

Она покидала родное село, наверняка зная, что уже никогда не вернётся сюда, и её последние воспоминания о малой родине теперь навсегда будут связаны со сгоревшим родовым гнездом, с мёртвым телом товарища по годам молодости да ещё со светлой грустью о почивших односельчанах.

Продолжение следует.

